

Революции и реформы на БАЛКАНАХ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения и балканистики

Балканские исследования

Выпуск 12

Революции и реформы на БАЛКАНАХ

Москва «НАУКА» 1994

Настоящий сборник статей выпущен совместно Институтом славяноведения и балканистики РАН (Москва) и Издательством Нормана Росса (Нью-Йорк). Осуществившая финансирование книги американская фирма специализируется на издании справочной литературы для библиотечной сети и в течение последних нескольких лет проявляет особое внимание к работам российских ученых. В рамках сотрудничества со своим американским партнером, помимо ежегодников „Балканские исследования“, Институт славяноведения и балканистики намерен продолжить выпуск еще пяти своих серийных изданий:

Славяне и их соседи

История славяноведения

Славянский и балканский фольклор

Балто-славянские исследования

Исследования в области балто-славянской духовной культуры.

В соответствии с достигнутой договоренностью, Издательство Нормана Росса получило эксклюзивные права на распространение книг из названных выше серий за пределами стран СНГ.

По вопросам приобретения и распространения ежегодников следует обращаться:

В СНГ — 117334, Москва, Ленинский проспект, 32-а, Институт славяноведения и балканистики РАН. Тел.: (095) 938-1780; факс: (095) 938-2288; электронная почта: GORIZONT@ISB.NSK.SU.

За пределами СНГ — Norman Ross Publishing Inc. 330 West 58th Street, New York, NY, 10019 USA. Tel.: (212) 765-8200, (800) 648-8850; Fax: (212) 765-2393; TLX: 237334 CPC UR; E-mail: nross@igc.apc.org.

Ответственный редактор

доктор исторических наук И. В. ЧУРКИНА

Редакционная коллегия:

В. Н. Виноградов, О. В. Медведева, И. В. Чуркина, В. И. Шеремет

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Е. К. Вяземская*

кандидат исторических наук *Д. Ф. Поплыко*

Б20 Балканские исследования. Вып. 12. Революции и реформы на Балканах. М.: Наука, 1994. 232 с.

ISBN 5-02-010095-1

Двигателем развития любого общества являются революции и реформы. Долгое время мы отдавали предпочтение первым из них. Авторы сборника по-новому посмотрели на проблему соотношения революций и реформ в истории балканских народов.

Для историков, славистов.

Б 0503030000-427
042(02)-94 — Заказное

ББК 63.3(4)

ISBN 5-02-010095-1

© Коллектив авторов, 1994

© Институт славяноведения и балканистики
Российской академии наук, 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Проблемы реформ и революций всегда волновали общественность. Многие десятилетия историки исследовали соотношение революционного и реформистского пути в процессе исторического развития, их влияние на судьбы отдельных народов и государств на различных исторических этапах.

Советская историография всегда отдавала предпочтение революционному пути. В ее глазах этот путь обеспечивал наибольшие результаты в развитии экономики, политики, культуры тех народов, которые избрали его. Путь реформ, напротив, рассматривался в качестве паллиатива, который, конечно, не мог иметь всех преимуществ революционного пути, но только компенсировать их в какой-то мере на более низком уровне. Пришло время взглянуть с объективной точки зрения на эти явления и попытаться дать более взвешенную и разностороннюю оценку роли революции и реформ в развитии человеческого общества. Данный сборник статей делает один из шагов в этом направлении.

Важный аспект в теме «революции и реформы» — это соотношение внутренних и внешних факторов развития реформаторских процессов в застойном или отстающем в своем развитии социуме. Примером последнего является Османская империя середины XIX в. Османская Турция активно взаимодействовала в экономическом плане с наиболее развитыми странами Западной Европы; в период революции 1848—1849 гг. ее политические предпочтения испытывали сложное и противоречивое влияние со стороны Петербурга и Вены, боровшихся с революциями, и в то же время — со стороны западноевропейской, польской, венгерской и другой революционной эмиграции, которой турецкое правительство оказало весьма действенную помощь и поддержку. Противоречивость умеренных реформ сверху в приспособляющемся к эпохе промышленного капитализма, зависимом политически обществе на примере балканских провинций Османской империи — одна из важных тем междисциплинарного характера, впервые исследуемая в сборнике.

Сборник объединен общей идеей: показать роль реформ и революций в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время — с начала XIX в. до наших дней. Несомненный интерес представляет обобщающая статья И. С. Достян, А. В. Карасева, И. В. Чуркиной «Национально-освободительные движения балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в.», представляющая собою расширенный вариант доклада тех же авторов на Конгрессе историков в Мадриде. В ней дается картина роста национальных движений в Османской империи, попыток турецкого правительства провести модернизацию

государства. Революции 1848 г. в Австрийской империи посвящено несколько статей. Они касаются событий в румынских (Э. А. Джапаридзе, Н. В. Кабакова), сербо-хорватских (И. В. Чуркина), словенских (Л. А. Кирилина) землях. Каждая из них вносит нечто новое в концепцию их развития. Особый интерес представляет статья В. И. Шеремета, которая впервые в советской историографии показывает отношение турецких общественных и правительственных кругов к революции 1848 г. в Габсбургской монархии. О планах проведения реформ в чешских и югославянских землях Габсбургской империи накануне первой мировой войны рассказывают статьи З. С. Ненашевой, Е. В. Чиняевой, С. А. Романенко; соотношение реформистских и революционных путей развития Крита касаются работы С. П. Цехмистренко и В. П. Меньшикова. В работе З. С. Ненашевой и Е. В. Чиняевой нам представляется особо интересным внимательное рассмотрение системы взглядов Томаша Масарика. Статья В. Н. Виноградова и Т. А. Покивайловой рассматривает румынский вариант аграристских теорий. Н. Ю. Калашникова дает критический обзор послевоенной истории Румынской коммунистической партии, содержит серьезную попытку анализа суммы внутренних и внешних условий, сделавших возможным установление в Румынии диктатуры Чаушеску.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

И. С. Достян, А. В. Карасев, И. В. Чуркина

Национально-освободительную борьбу народов Балканского полуострова против турецкой власти в XIX в. можно рассматривать как проявление общего кризиса многонациональной военно-феодальной Османской империи, с одной стороны, и глубоких изменений в общественно-экономической структуре самих этих народов — с другой.

Освободительное движение балканских народов началось вскоре же после их завоевания турками и нарастало с каждым столетием по мере ослабления военной мощи Османской империи, роста ее общественно-экономической отсталости по сравнению с соседними европейскими странами. Но лишь в начале XIX в. оно стало массовым и обрело у некоторых народов ясно выраженную программу борьбы за выделение из состава Турции и создание самостоятельных национальных государств. Все это было следствием процессов не только внутренних, но общеевропейских, связанных с развитием в передовых государствах новых буржуазных отношений и новой идеологии, с Великой французской революцией, а затем наполеоновскими войнами.

В XVI—XVIII вв. восстания на Балканах возникали обычно во время войн, которые вели европейские государства с Османской империей. Ни одна из этих войн не закончилась сокрушительным разгромом Турции, а сопровождавшие их восстания против турецкой власти, лишаясь поддержки извне, неизменно терпели поражение.

Антитурецкие восстания в XIX в. также не могли обойтись без помощи извне, конкретно со стороны России — единственной великой державы, заинтересованной в ослаблении или полном сокрушении своей южной соседки. Но восстания эти вспыхивали теперь не в связи с русско-турецкими войнами, не по призывам из Петербурга, а зачастую вопреки его воле. Они поднимались иногда в самой неблагоприятной международной ситуации, когда Россия и другие державы поддерживали дружеские отношения с Портой. Так случилось с начавшимся в 1804 г. восстанием сербов и в 1821 г. с греческой революцией. На освободительную борьбу балканских народов по-прежнему сильно влияли внешние факторы — политика великих держав в Восточном вопросе и конкретно на Балканах. Но теперь эта борьба сама оказывала немалое воздействие на международные отношения в Юго-Восточной Европе, что свидетельствовало о накоплении внутренних причин, стимулировавших антитурецкие выступления. Эти причины крылись как в осо-

бенностях общественно-экономических условий жизни в некоторых европейских провинциях Турции, так и в нарастании кризисных явлений в военно-феодальной Османской империи.

Последние десятилетия XVIII и начало XIX в. в этом отношении были переломными. В стране усилилось разложение военно-ленной системы, военная мощь падала, финансовое положение ухудшалось. Центральная власть неуклонно слабела, и в то же время усиливались сепаратистские тенденции со стороны местных правителей-пашей. Феодалные распри разгорались и затухали то в одной, то в другой части Балкан.

Более просвещенная и дальновидная часть господствующего класса Турции осознала угрозу гибели некогда могущественной империи османов и пыталась предотвратить такой исход. В конце XVIII в. султан Селим III декретировал и частично провел в жизнь реформы, целью которых было укрепление военно-ленного землевладения, упорядочение финансов и администрации и главное — создание регулярного, обученного по-европейски войска вместо полностью разложившегося янычарского корпуса. Но эта попытка осуществить реформы, создать сильное абсолютистское государство, не затрагивая основ старого общественного строя, закончилась провалом¹.

Государственный строй Турецкой империи, традиционные мусульманские институты сдерживали разложение феодализма, общественно-экономический прогресс на Балканах. Эти процессы здесь начались с большим запозданием ввиду отсутствия элементарных условий для предпринимательства и торговли, невозможности защитить свою собственность и товары от грабежей и беззаконий. Становление местной промышленности замедлялось и из-за беспрепятственного проникновения на рынки Османской империи промышленных изделий из западноевропейских государств на основе системы капитуляций.

Но, несмотря на все эти неблагоприятные условия, в ряде районов балканского региона во второй половине XVIII и в начале XIX в. наблюдался некоторый общественно-экономический прогресс. Он происходил как в землях, расположенных ближе к центру империи, — например, в Болгарии, так и на окраинах — в прибрежных районах Восточного Средиземноморья, Адриатики, на островах Греции, в прилегающих к Дунаю сербских землях.

Однако можно заметить, что не было прямой связи между степенью общественно-экономической развитости того или иного народа и размахом его национально-освободительной борьбы. Многое зависело от конкретных условий и обстоятельств, в том числе от местоположения и географических условий национальной области, ее стратегического значения для Порты, от демографических особенностей, системы управления и аграрных отношений, от религиозной принадлежности населения и проч. Распад Османской империи преимущественно шел с окраин. Кусок за куском от нее отделялись периферийные области, образуя самостоятельные государства².

Но были и исключения. Например, в Албании, очень отсталой в общественно-экономическом отношении области, где преобладало мусульманское население, национально-освободительное движение началось с большим запозданием — с 30-х годов XIX в., и лишь в 1913 г. страна получила независимость. И наоборот, Черногория, имевшая определенное сходство с Албанией по географическим условиям, патриархальному укладу жизни, положению в системе турецких владений на Балканах, отрезанная от моря венецианскими, а затем австрийскими владениями, уже к концу XVIII в. стала фактически независимой, а ее население и правители-митрополиты многие годы защищали свободу своего государства, добиваясь его международного признания, расширения территории и получения выхода к морю.

Имело свои причины и то обстоятельство, что в значительно более развитой экономически Болгарии, но занимавшей центральное место в системе турецких владений на Балканах, тесно связанной с имперским рынком и имевшей значительный процент мусульманского населения, вооруженная борьба за освобождение и создание своего государства началась значительно позднее, чем, например, в Сербии или Греции.

Гораздо более благоприятными были условия национально-освободительной борьбы румын. В Дунайских княжествах издавна существовала собственная государственная организация, национальный господствующий класс. Здесь необходимо было добиться расширения и практического введения автономных прав и привилегий молдавского и валашского княжеств и главное — их объединения в одно государство.

Как известно, первым важным событием в истории национально-освободительного движения балканских народов в XIX в. стало восстание 1804—1813 гг. в Белградском пашалыке. В системе турецких владений в Европе эта область занимала окраинное положение. Дунай и Сава отделяли ее от австрийских владений, населенных сербами, с которыми сербы — подданные Порты поддерживали тесные торговые и личные контакты. Турецкая власть в Белградском пашалыке была более слабой, чем в областях, расположенных ближе к центру империи, а органы местного самоуправления в лице кметов, кнезов и оберкнезов сосредоточивали в своих руках значительную власть, пользовались немалым авторитетом среди населения, что позволило им взять на себя руководящую роль в восстании. Имели значение и демографические особенности области: среди сельского населения почти отсутствовали турки, жившие преимущественно в крепостях и городских предместьях. Кризисные явления в общественно-политической жизни Белградского пашалыка, захват янычарской верхушкой спахийских и крестьянских земель в собственность вызвали большое недовольство сербов, побудили их активно участвовать в войне Австрии против Турции в 1788—1789 гг.

Между тем и сама Порта была заинтересована в стабилизации положения в Белградском пашалыке, имевшем для государства

важное военно-стратегическое значение. Уклонение белградских янычар от участия в военных действиях в прошедшей войне побудило Селима III запретить янычарам находиться в Белградском пашалыке и конфисковать их имущество. Кнезы и оберкнезы признавались непосредственными местными властями. Они должны были собирать налоги, величина которых точно устанавливалась, и передавать их белградскому паше. Сербь обязались своими силами охранять пашалык от янычар. Однако Порта вскоре вынуждена была пойти на уступки мятежным силам янычар. Им было разрешено вернуться в Белградский пашалык с правом возвращения отобранного у них ранее имущества. Вскоре там установили свою полную власть четыре янычарских предводителя — дахий. Их тиранический режим привел к ликвидации дарованных сербам автономных прав, губительно отразился на положении всего народа. Революционный взрыв стал неизбежным³⁻⁴.

В начале 1804 г. сербы Белградского пашалыка восстали против ненавистой им власти дахийев. По существу, это было движение в поддержку реформаторской деятельности правительства Селима III и в первое время не встретило с его стороны отпора. Однако Порта не захотела или не сумела использовать восстание сербов. Требования руководителей повстанцев расширялись по мере нарастания массовости и успеха движения, в Константинополе не думали их удовлетворять, идти на какие-либо уступки. В сербо-турецкий конфликт были вовлечены Россия и Австрия. Летом 1805 г. стало ясно, что повстанцы выступают вообще против турецкой власти и начинают создавать собственную государственную организацию.

Начало русско-турецкой войны в 1806 г. открыло новый этап в истории сербского восстания. Рассчитывая на военную поддержку России, сербские предводители стали добиваться полной государственной независимости Сербии.

Не останавливаясь на причинах поражения первого сербского восстания в 1813 г., сопровождавшегося жесточайшим террором и введением турецкого управления в пашалыке и прилегающих к нему сербских землях, заметим только, что Порта оказалась не в состоянии полностью восстановить свою власть на этих территориях. После 1815 г., когда вспыхнуло новое восстание сербов, она вынуждена была пойти на компромиссы и уступки, учитывая условия русско-турецкого мирного договора в Бухаресте (1812 г.), согласно которому сербы получили ограниченные автономные права. Наличие такого международного договора позволило сербам в дальнейшем возобновить борьбу за политическую самостоятельность и расширение территории⁵.

В целом причины и начало сербской национально-освободительной революции были самым непосредственным образом связаны с кризисом Османской империи, с предпринимаемыми там реформами.

Если сербское восстание поднялось стихийно, в ответ на репрессии, то греческая революция прошла долгий путь подготовки, а начало ее не было следствием каких-либо событий в Европейской Турции, неблагоприятных для греков.

Революционное направление в греческом освободительном движении возникло в последнем десятилетии XVIII в. Его руководителем и идеологом был выдающийся греческий революционер Ригас Велестинлис, который выдвинул идею создания буржуазно-демократической «греческой республики» и основал первую балканскую революционную организацию. Тайная революционная организация греков «Филики этерия», основанная в Одессе в 1814 г., предприняла практическую подготовку антитурецкого восстания, которое, как предполагалось, должны были поддержать все балканские народы. Восстание этеристов, поднявшееся в Дунайских княжествах, было быстро подавлено, но освободительное движение уже перекинулось в сами греческие земли, началась многолетняя греко-турецкая война, которая сопровождалась вмешательством великих держав⁶.

По сравнению с Сербией греческие земли, охваченные восстанием (преимущественно Морея и острова), были гораздо более развитыми в общественно-экономическом отношении. Здесь имелась значительная прослойка торговой буржуазии, кораблевладельцев. Благодаря «Филики этерии» движение было достаточно подготовлено в идеологическом отношении, имело ясную задачу борьбы за полную государственную самостоятельность. Программа же сербов определилась только в ходе восстания, и в этом им активно содействовали образованные и политически активные сербские деятели из Австрии.

Поэтому можно утверждать, что в отличие от Сербии, где начало массового освободительного движения было ускорено и спровоцировано неблагоприятным положением Белградского пашалыка из-за неудачи реформ Селима III, греческая революция явилась следствием осознанного стремления народа, и в первую очередь его политически мыслящих представителей, полностью освободиться от турецкой власти, препятствовавшей нормальному историческому прогрессу страны. Последовавший турецкий террор лишь усилил решимость греков добиться своей свободы путем вооруженной борьбы.

Как известно, греческие повстанцы вскоре добились значительного успеха и провозгласили независимость и конституцию Греции. Султан вынужден был обратиться за помощью к фактически независимому паше Египта — Мухамеду Али. В 1825 г. в Морее высадилась большая египетская армия, сразу перешедшая в наступление.

Можно обратить внимание на примечательный факт, обнаружившийся в ходе греческой революции: урегулировать конфликт со своими непокорными подданными Порты оказалась не в состоянии самостоятельно, без вмешательства европейских правительств. Впервые в ходе возникшего из-за греческой проблемы Восточного кризиса три великих державы открыто вмешались в греко-турецкую борьбу, прибегли к военному давлению (Наваринская битва) и в конце концов, после победы России в войне с Турцией 1828—1829 гг. принудили султанское правительство принять их требования о предоставлении части греческого народа независимости. В 1830 г. было

создано Греческое королевство. Бессилие Стамбула поддерживать полноту своей власти в европейских провинциях становилось очевидным⁷.

Несомненно сербам и грекам удалось добиться успехов прежде всего благодаря своей героической борьбе против турок. Однако следует подчеркнуть, что без победоносных для России русско-турецких войн 1806—1812 и 1828—1829 гг. вряд ли эти успехи могли быть закреплены. Адрианопольский мир 1829 г. также расширил и гарантировал широкие автономные права Дунайских княжеств.

Конец 1820-х годов завершил важный этап в истории национально-освободительного движения балканских народов XIX в. Его результатом было выделение из состава Османской империи автономных княжеств — Сербии, Молдавии и Валахии и полностью независимого Греческого королевства. Но для греков и сербов, для черногорцев и румын борьба за создание самостоятельных, экономически полноценных государств далеко не завершилось. Предстояло добиться международного признания независимости, расширения государственных территорий или объединения в одном государстве (молдаванам и валахам). Эти задачи в дальнейшем постепенно осуществлялись преимущественно дипломатическими средствами, при активном участии великих европейских держав.

С 1830-х годов на арену борьбы за свои социальные и политические права выступили другие народы, населявшие Европейскую Турцию, прежде остававшиеся как бы в тени. В первую очередь это были болгары, а затем босняки, герцеговинцы, албанцы.

Рассматривая национально-освободительное движение балканских народов в период 1830—первой половины 1850-х годов, необходимо учитывать перемены, наступившие для подданных Порты накануне и в эпоху реформ танзимата. В это время Османская империя все заметнее втягивалась в экономическую и политическую жизнь Европы. Необходимость преобразований в общественно-экономическом строе государства превратилась в неотложную задачу. Надо было принимать срочные меры, чтобы задержать распад империи. Реформы начались в 1826 г. уничтожением янычарского корпуса и созданием регулярной армии по европейскому образцу. В первой половине 30-х годов была ликвидирована спахийская система и проведены реформы в системе управления. Период танзимата начался провозглашением в 1839 г. Гюльханейским хаттом равноправия всех подданных султана независимо от их вероисповедания, обеспечения им безопасности жизни, чести и имущества, справедливого распределения налогов и проч. Последовавшие затем реформы в налоговой системе, управлении вилайетов и санджаков, в суде и т. д. имели целью европеизировать в какой-то степени государственное устройство империи путем сосуществования новых и старых институтов, улучшить положение нетурецких национальностей, что ослабило бы их освободительные стремления⁸.

Реформы танзимата в определенной степени содействовали экономическому прогрессу в стране, но не привели к существенному улучшению положения населения, не сняли остроты социальных

и национальных противоречий в балканских областях, остававшихся под управлением Порты. И все же 25-летний исторический отрезок, о котором идет речь, не ознаменовался столь массовыми революционными движениями, как предшествующие десятилетия XIX в. В какой-то мере это было следствием реформ танзимата, которые, хотя проводились в жизнь с трудом и запозданием, оставляли надежду на лучшее будущее. Более умеренной была в это время и программа национально-освободительных движений, в частности болгарского.

Идея политического освобождения болгарского народа была сформулирована еще в XVIII в. (1762 г.) Паисием Хилендарским, но получила отклик среди просвещенных болгар лишь ряд десятилетий спустя. В начале XIX в. Софроний Врачанский думал уже о восстановлении болгарской государственности при содействии России в форме просвещенной монархии. Во время русско-турецкой войны 1806—1812 гг. он выдвигал план создания автономной болгарской области на территории Дунайских княжеств. Бухарестский мирный договор, содержавший условия об автономных правах Дунайских княжеств и Сербии, как бы создавал перспективу получения подобного статуса и болгарями.

На исходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. произошло стихийное вооруженное восстание болгар, требовавших национальной автономии при покровительстве России. Это требование выражалось в коллективных и частных обращениях болгарских деятелей к русским властям⁹.

В 30—40-е годы среди политически мыслящих болгарских деятелей уже прочно закрепилась программа борьбы за широкую национальную автономию при сохранении верховной власти Порты. Такого рода требования выдвигались в ряде локальных движений этого времени (заговор Велчи Атанасова 1835 г., Нишское восстание и брайльское выступление 1841 г.). Реформы танзимата порождали надежды на улучшение положения Болгарии в составе Османской империи. Либерально-реформистское течение, идейными выразителями которого были С. Богороди и А. Экзарх, выдвигало планы автономии Болгарии в турецком государстве. Можно заключить, что такого рода тенденции в болгарской общественной мысли отражали наличие тесных связей с имперским рынком, заинтересованность буржуазной прослойки в их сохранении и расширении. Эта заинтересованность была гораздо большей, чем у греков, сербов, румын, экономически теснее связанных с европейскими странами.

Однако жизнь показала необоснованность надежд на возможность переустройства Османской империи. Уже в начале 50-х годов часть болгарских национальных деятелей перестала надеяться на стамбульское правительство в деле получения Болгарией автономных прав. Так, болгарский эмигрант в Вене И. Добрович в 1852 г. представил русскому императору две записки, где излагал свой план создания автономной Болгарии при поддержке России.

В 40-е годы в Болгарии началась борьба за национальную церковь, которую возглавило болгарское духовенство. Она была

направлена против фанариотского греческого духовенства, занимавшего высшие должности в болгарской церкви, жестоко угнетавшего болгар и мешавшего развитию их культуры и просвещения. Несмотря на то что эта борьба как бы не касалась турецкого правительства, на самом деле она подрывала его власть, так как фанариоты являлись его верной опорой в болгарских землях. В ходе церковной борьбы духовенство выдвигало идеи административной автономии болгар.

Со второй половины XIX в. Босния и Герцеговина стали одной из самых беспокойных областей Османской империи. Клубок социальных и религиозных противоречий делал Боснийский элайет особо взрывоопасным. Население Боснии и Герцеговины в этническом отношении являлось преимущественно славянским. Часть его, прежде всего верхние слои, была давно исламизирована и в XIX в. уже ощущала себя особой этнической общностью не только по отношению к христианской райе, но и по отношению к туркам¹⁰. Христианское население, в большинстве своем крестьянское, не было единым: большую часть его составляли православные, а меньшую — католики. Боснийский элайет пользовался фактическим самоуправлением, в котором главную роль играли аяны, старейшины спахийских организаций и вспомогательных янычарских и военных отрядов, представители высшего духовенства и богатых купцов.

Первыми выступили против Порты исламизированные боснийские феодалы-беги. Процесс распада спахийской системы и установления чифликов тяжело отозвался на положении не только крестьянства, но и бегов; попытки проведения реформ, которые способствовали бы модернизации социально-экономической и политической системы в Османской империи наталкивались на их упорное сопротивление. Особенно ущемление автономных прав со стороны центральных властей вызывало неизменный отпор бегов. Борьба с ними была весьма затруднительна для султана из-за слабости стамбульского правительства и отдаленного положения Боснии и Герцеговины. Первые серьезные волнения в среде бегов произошли в 1826 г., когда правительство распустило янычарские войска. В 1831 г. боснийские феодалы восстали снова. Им удалось привлечь на свою сторону значительную часть крестьян-мусульман, связаться с мятежным албанским правителем Мустафой-пашой Бушати. Центральное правительство нанесло сокрушительное поражение боснийским феодалам. Однако оппозиция реформам продолжала существовать среди них и дальше. Только в начале 50-х годов сопротивление боснийских бегов было окончательно подавлено¹¹. Несомненно, их выступления носили характер феодальной реакции, но в них прослеживались и элементы национальных устремлений славян-мусульман.

Более опасным для Высокой Порты было национальное движение христианского населения Боснии и Герцеговины, которое усилилось в 40-е годы XIX в. Идеологами его стали немногочисленные представители интеллигенции, главным образом духовной. Из них вы-

делялся францисканец Иван Франьо Юкич, который считал всех жителей Боснии единым народом вне зависимости от вероисповедания. Юкич находился под сильным влиянием иллиризма.

Одной из первых форм национального движения боснийцев и герцеговинцев явилась борьба православного духовенства против назначения в Сараево и Мостар греческих владык за то, чтобы высшие церковные должности занимали лица славянского происхождения¹². К этой борьбе (по сути своей она была сходна с церковной борьбой болгар) боснийцы и герцеговинцы пытались подключить и русские правительственные круги. Но движение не стало таким сильным, как в Болгарии, и к 60-м годам сошло на нет.

С начала 50-х годов христианское население Боснии и Герцеговины начало выступать против Порты с оружием в руках. В Герцеговине в 1852—1862 гг. произошло три крупных восстания под руководством Луки Вукаловича. Программа повстанцев, помимо социально-экономических требований, содержала и национально-политические: уравнивание в правах мусульман и христиан, установление для Боснии и Герцеговины автономии. Многие из повстанцев шли дальше, желая присоединить Герцеговину к Черногории и добиться таким образом независимости.

В Албании в 30—40-е годы произошел ряд широких выступлений местного населения против административной и военной реформ центрального правительства. Их возглавляли албанские феодалы. По своему характеру они были близки восстаниям боснийских бегов, происходившим в тот же период, и так же как последние содержали элементы национальной борьбы¹³.

Что касается Греции, Сербии, Дунайских княжеств, добившихся автономии в рамках Османской империи или даже получивших полную независимость, то непосредственных вооруженных столкновений у населения этих стран с турецкими властями не было. Исключение представляла Черногория, независимость которой не признавалась Стамбулом.

Во всех этих независимых или автономных странах в упорной борьбе между различными течениями шло становление национальной государственности. Формировались конституционные монархии. Конституция 1838 г. в Сербии устанавливала олигархическую форму правления. Во времена правления в Сербии уставохранителей был принят Гражданский законник княжества (1844 г.). Реформы государственной власти были проведены в Черногории при митрополите Петре II Негоше и князе Даниле. Государственная система была в значительной степени модернизирована: вместо теократического введено светское правление, создан Сенат, судебные органы, установлен единый налог и т. д. В Греции в 1844 г. была провозглашена конституция, которой ограничивалась власть монарха и вводились некоторые нормы буржуазного права. В 1831—1832 гг. в Дунайских княжествах были введены Органические регламенты, первые конституции этих стран, закреплявшие, с одной стороны, власть боярства, а с другой стороны, открывавшие возможности буржуазного развития страны.

Греция, Сербия, Черногория, Дунайские княжества за незначительный исторический отрезок времени добились больших успехов в модернизации своих государств, чем Османская империя. Их законодательство в определенной степени уже отражало интересы нарождающейся буржуазии. Все это оказывало большое революционизирующее воздействие на народы, находившиеся под властью Порты.

Молодые балканские государства, получив относительную самостоятельность, усилили борьбу за расширение своих территорий за счет земель, оставшихся в составе Османской империи. Идеологическим обоснованием ее стали сформировавшиеся в 40-х годах национальные доктрины: «мегали идея», распространение которой среди греков связано с именем И. Колеттиса, и «Начертание» И. Гарашанина, в котором была сформулирована внешнеполитическая программа княжества Сербии. По своему содержанию эти программы были противоречивы. С одной стороны, они выражали стремление складывавшихся балканских наций к государственной консолидации по национальному признаку, с другой — содержали элементы великодержавности, впоследствии приведшие к острой борьбе между балканскими государствами. Практическая деятельность греческих, сербских, черногорских политиков была направлена на распространение национальных доктрин. Так, в Сербии в 1849 г. был разработан «Устав политической пропаганды, которую надо проводить в славяно-турецких землях». Эта пропаганда должна была подготовить одновременное антитурецкое восстание в тех районах Османской империи, где проживало сербское население¹⁴.

Черногорский князь Данила имел тесные контакты с герцеговинскими повстанцами, которых снабжал оружием и которым разрешил помогать добровольческим отрядам черногорцев. И. Колеттис и его сторонники вели энергичную пропаганду за государственное объединение земель с греческим населением не только Европейской Турции, но и Малой Азии¹⁵.

Таким образом, политика молодых балканских государств, выдлившихся из османских владений и получивших частичную или полную независимость, в 40—50-х годах XIX в. стала для Турецкой империи важным дестабилизирующим фактором, который наряду с выступлениями угнетенной райи способствовал развитию кризиса всей османской системы.

Крымская война на первых порах была воспринята значительной частью славянских и греческих подданных султана как призыв к окончательному их освобождению от турецкого ига. Но уже в 1854 г. стало ясно, что Россия одна не сможет противостоять коалиции европейских держав при недоброжелательном нейтралитете Австрии и Пруссии. Поражение в Крымской войне способствовало падению русского влияния на Балканах, с одной стороны, и укреплению здесь позиций Англии и Франции — с другой.

Но и победительница Турция оказалась в ненамного лучшем положении, чем Россия. Она понесла огромный материальный ущерб: ее армия была обескровлена, крестьянство разорено. Османская

империя попала в финансовую зависимость от своих союзников, что послужило началом ее превращения в полуколонию англо-французского, а позже и немецкого капитала. Что касается народов, находившихся под властью Порты, то реально они получили от Парижского мирного договора очень мало: покровительство России было заменено покровительством четырех держав (Англии, Франции, Австрии, России), была объявлена свобода плавания по Дунаю.

После Крымской войны Портой был проведен ряд реформ, которые в определенной степени создавали возможности для развития буржуазных отношений в стране. Для подвластных Османской империи народов наибольшую ценность имел хатт-и-хумаюн 1856 г., принятый султаном под напором великих держав, ибо он подтверждал равноправие христиан с мусульманами. А именно этот закон встретил наибольшие трудности в проведении его в жизнь. Только немногие турецкие сановники поддержали его. Против него ополчились турецкие феодалы, улемы, фанатичное низшее мусульманское духовенство, вся темная, необразованная масса простых мусульман, недовольных самой идеей равенства христиан и мусульман. Поэтому, несмотря на некоторый экономический подъем в балканских владениях Порты, противоречия между турками и подвластными им народами не уменьшались, ибо для христиан практически отсутствовали правовые гарантии не только относительно их имущества, но и самой жизни.

Что касается народов, получивших автономию или даже независимость, то они не были вполне удовлетворены своим положением. Ни одному из них не удалось добиться создания национального государства, объединявшего все территории, населенные данным народом. Для Сербии, Дунайских княжеств, Черногории насущной потребностью оставалось завоевание полной независимости.

Таким образом, клубок противоречий на Балканах Парижский мирный договор распутать не смог. Поэтому национально-освободительное движение в балканских владениях Порты после Крымской войны развернулось с новой силой. Новый этап национально-освободительной борьбы балканских народов характеризовался дальнейшим расширением масштабов и углублением этой борьбы, стремлением к завоеванию полной независимости. Важным обстоятельством, способствовавшим этому, было изменение внешней политики России на Балканах. Желая вернуть свое бывшее влияние в этом районе, несколько оправившись, она стала активно поддерживать там антитурецкие движения.

Вскоре после Крымской войны в балканских владениях Турции произошло несколько событий, которые ослабили здесь позицию Стамбула. В конце 1858 г. в Сербии был свергнут с престола Александр Карагеоргиевич, ведший туркофильскую политику. Сербским князем стал Милош Обренович, а затем его сын Михаил, настроенные в то время прорусски. В 1859 г. объединились под властью Александра Кузы Дунайские княжества — Молдова и Валахия, которые в 1861 г. были провозглашены единым государством

Румынией. В 1858 г. черногорский князь Данила нанес тяжелое поражение турецким войскам под Грахово, в результате чего к Черногории были присоединены значительные территории. Не способствовали стабилизации положения на Балканах восстания в Герцеговине (1861—1862 гг.), на Крите (1866—1869 гг.), белградский кризис 1862 г.

Несмотря на дальнейшее углубление экономического и политического кризиса Османской империи, силы отдельных балканских народов, даже имевших свою государственность, значительно уступали военной мощи империи. В это время в национально-освободительном движении народов Балканского полуострова получает свое четкое выражение тенденция к объединению сил в борьбе с Османской империей. Но наряду с подобными объединительными тенденциями очень сильны были дезинтеграционные, порождаемые столкновениями и противоречиями национальных программ балканской буржуазии. Прежде всего это касалось территориальных вопросов. Греческая, сербская, болгарская, румынская программы создания своих национальных независимых государств часто претендовали на включение в эти будущие государства одних и тех же территорий, что не могло не вызывать резких столкновений между различными национальными движениями, ослабляло их силы и возможности.

В середине 60-х годов глава сербского правительства И. Гарашанин и князь Михаил выступили инициаторами создания Балканского союза во главе с Сербией с целью объединения усилий балканских народов в их борьбе с Османской империей, освобождения и объединения сербского народа¹⁶.

Австро-прусская война 1866 г., лишившая на некоторое время Австрию возможности проводить активную внешнюю политику на Балканах, способствовала активизации деятельности сербского правительства по созданию Балканского союза. Важнейшим элементом его должен был стать союз Сербии с Черногорией. Интенсивные сербо-черногорские переговоры проходили в напряженной обстановке: и династия Обреновичей, и черногорская династия Петровичей-Негошей стремились возглавить национально-освободительную борьбу сербского народа за свое освобождение и объединение. В конце концов князю Николаю пришлось уступить. Заключение этого союзного договора было первым шагом сербского правительства на пути претворения в жизнь плана по созданию Балканского союза.

Другим важным компонентом Балканского союза был договор с Грецией. В 1866—1868 гг. велись переговоры между представителями Сербии и Греции о совместных вооруженных действиях против Турции. Главными препятствиями на пути заключения договора были вопросы о степени и способах участия сторон в войне против Османской империи и проблема раздела освобожденных территорий. Обе стороны, согласно договору, обязывались вести борьбу с Османской империей до полного освобождения всех христианских народов Европейской Турции и на островах Архипелага. Тем не менее заключение договора не ликвидировало противоречий между

Сербией и Грецией. Противоборство двух внешнеполитических программ сербской и греческой буржуазии стало основным препятствием на пути объединения усилий этих народов в общей борьбе.

Руководители Сербского княжества стремились договориться и с другими Балканскими государствами и народами. В начале 1868 г. был заключен договор о дружбе с Румынией, имевший важное значение для Сербии в плане обеспечения коммуникаций с Россией. Сербское правительство вело переговоры с болгарами, стремясь опереться здесь на политические организации и партии, готовые сотрудничать с Сербией в деле освобождения от иноземного ига. В частности, Добродетельная дружина, национальная организация болгар в Бухаресте, пришла к соглашению с сербским правительством о совместной борьбе против турецкого гнета, о создании затем сербско-болгарского царства во главе с Михаилом Обреновичем. С разрешения последнего в сентябре 1867 г. в Белграде было основано военное училище для подготовки болгарских юношей в качестве руководителей будущего восстания в Болгарии¹⁷. Так же и в Боснии, Герцеговине, Албании и других граничащих с Сербией областях основная ставка делалась на организацию вооруженного восстания против Порты по сигналу из Белграда при помощи тайных агентов сербского правительства. Эти агенты должны были обеспечить контроль Сербии за ходом восстания.

К весне 1868 г. Балканский союз был создан. Антитурецкое вооруженное восстание планировалось на ближайшее время. Однако князь Михаил испугался непредсказуемых последствий вооруженного столкновения с Турцией. Балканский союз прекратил свое существование. Его неудача была обусловлена двумя главными причинами: слабостью союзников, серьезными противоречиями между ними, прежде всего взаимными территориальными претензиями. Однако один практический результат Балканский союз все же имел. Под давлением западных держав, опасавшихся объединенного выступления балканских народов, Порта была вынуждена уступить Сербии свои крепости на территории княжества, что явилось еще одним шагом на пути завоевания им полной независимости.

К концу 60-х годов национально-освободительное движение балканских народов имело на своем счету как успехи, так и неудачи. Произошло объединение Молдавии и Валахии, были ликвидированы турецкие гарнизоны в Сербии, шла консолидация сил в болгарском национально-освободительном движении. Но в то же время неудачей закончилось Критское восстание 1866—1869 гг., не проявил себя в действии Балканский союз.

Еще до распада Балканского союза часть болгарских национальных деятелей попыталась найти пути соглашения с Портой. В 1867 г. тайный Центральный болгарский комитет в Бухаресте, представлявший интересы либеральной буржуазии, подал султану меморандум. В нем выдвигался план преобразования Османской империи на дуалистической основе в турецко-болгарскую монархию, в которой Болгария имела бы широкую автономию. Но он не встретил отклика со стороны турецких властей¹⁸.

Новый мощный подъем национально-освободительного движения балканских народов не заставил себя долго ждать. В 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, послужившее началом нового Восточного кризиса.

Процессы национального возрождения в Боснии и Герцеговине осложнялись непростыми этническими, религиозными и социальными отношениями в этих провинциях, а также и внешне-политическими факторами. Сербия и Черногория, соперничая друг с другом, стремились завоевать на свою сторону симпатии родственного этнически и конфессионально населения с целью присоединения этих территорий к себе. Австро-Венгрия вынашивала планы захвата Боснии и Герцеговины и поэтому крайне враждебно относилась к любым планам расширения Сербии и Черногории за их счет.

Восстание началось как стихийное выступление крестьян против произвола феодалов и резкого увеличения налогового гнета центрального правительства. Но очень скоро это движение стало приобретать и национальную направленность. Здесь сталкивались интересы различных групп населения, далеко не все были за присоединение к Сербии или Черногории. Выдвигались и разнообразные проекты автономии для этих провинций Османской империи. Противоречия различных групп повстанцев сильно ослабляли движение в целом¹⁹.

Все попытки держав, для которых как само восстание, так и его размах оказались совершенной неожиданностью, добиться умиротворения восставших успехом не увенчались.

Под непосредственным воздействием восстания в Боснии и Герцеговине активизировалась деятельность болгарских революционных организаций. Обострилась и ситуация внутри самой Болгарии. Для Апрельского восстания 1876 г., как и для восстания в Боснии и Герцеговине, было характерно сочетание социальных и национальных задач: основными движущими силами Апрельского восстания были крестьяне, ремесленники, мелкая городская буржуазия, выступавшие против чорбаджийства и крупной торговой буржуазии, тесно связанной с Османским правительством. Однако в Болгарии восстание очень быстро было потоплено в крови: сказалась и сравнительно невысокая степень участия в нем народных масс, и большая концентрация турецких войск в этом районе, и более широкая социальная база османского владычества в Болгарии, чем в Боснии и Герцеговине²⁰.

Характерной чертой Восточного кризиса 1875—1878 гг. является и резко возросшая роль общественного мнения в балканских государствах и в России, которое стало оказывать непосредственное влияние на политику правительства. В значительной мере под влиянием настроений общественности Сербия вступила в войну с Османской империей в 1876 г. Сербское правительство попыталось восстановить Балканский союз, но сделать этого не удалось. Соглашение было достигнуто лишь с Черногорией, да и то оно носило формальный характер. Династические, территориальные и прочие противоречия в этот момент оказались сильнее, чем тенденция

к объединению сил. В войне Сербии и Черногории с Турцией приняли участие русские добровольцы. Несмотря на героизм сербской армии война закончилась поражением Сербии.

Неудачи Сербии и болгарского освободительного движения, давление русского общественного мнения заставили правительство России объявить Османской империи войну, закончившуюся поражением турок. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. принесла свободу от 500-летнего гнета болгарскому народу, заставила Порту и западные державы признать независимость Сербии, Румынии, Черногории. Русско-турецкая война привела к почти полной ликвидации турецкого владычества на Балканах.

Единственным балканским государством, непосредственно не принимавшим участия в войне, была Греция. Это объяснялось слабостью Греции, своекорыстной политикой правительства, соперничеством с сербской и болгарской национальной буржуазией. Однако и Греция в результате войны (через три года) получила Фессалию и часть Эпира.

Важнейшим итогом русско-турецкой войны было сильное ослабление Османской империи и усиление новых национальных балканских государств. В начале XX в. они смогли уже собственными силами успешно бороться с Османской империей.

Процессы национального возрождения охватили и Албанию: в ходе Восточного кризиса здесь была создана Албанская лига, выступавшая за образование автономного Албанского княжества.

Завершивший русско-турецкую войну Берлинский конгресс не решил многие балканские проблемы и создал новые противоречия: Болгария была разделена на две части, была санкционирована оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Все это закладывало основу для нового обострения национальных проблем на Балканах.

В условиях общественно-экономических перемен в жизни Европы XVIII—XIX вв. распад средневековой военно-феодальной Османской империи, выделение из ее состава балканских народов был неизбежным. Процесс этот, растянувшийся на столетие, шел благодаря неуклонно нараставшему национально-освободительному движению этих народов, раньше или позже выдвигавшему программу создания независимых национальных государств.

Процесс выделения из состава Османской империи и создания на Балканах новых национальных государств разделялся на несколько этапов.

Можно считать, что первый из них завершился в конце 1820-х годов, когда окончательно закрепили свое существование как пользующиеся широкой автономией княжества Сербское, Молдавское и Валахское, когда было создано независимое Греческое королевство. От Турции отпали окраинные, наименее связанные с внутренним рынком территории. Это явилось стимулом для усиления борьбы за освобождение от турецкой власти других народов, в особенности болгар, более тесно экономически и политически связанных с центром империи.

Крымская война, ставшая важным рубежом в развитии событий на Балканах, в случае победы в ней России привела бы, по всей вероятности, к дальнейшему распаду империи османов. Поддержавшая последнюю в войне с Россией коалиция держав, их содействие Порте при проведении реформ — все это приостановило процесс распада государства, но ненадолго. Национально-освободительное движение балканских народов, которое с середины 60-х годов XIX в. начало активно поддерживаться Россией, становилось все мощнее. Восстание в Боснии и Герцеговине, Апрельское восстание в Болгарии явились важнейшим фактором возникновения Восточного кризиса 70-х годов и русско-турецкой войны, победа в которой России завершила следующий этап в процессе распада Османской империи. Но последняя сохранила под своей властью Фракию, Македонию, Албанию — земли, растянувшиеся широкой полосой от Черного и Мраморного морей к Средиземноморскому бассейну. Балканские войны и первая мировая война завершили процесс распада Османской империи.

- ¹ Гаспарян М. А., Орешкова С. А., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
- ² Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII—70-е годы XIX в.). М., 1986. С. 12.
- ³⁻⁴ Достян И. С. Борьба сербского народа против турецкого ига, XV—начало XIX в. М., 1958. С. 142—187.
- ⁵ Формирование национальных независимых государств... С. 111—121.
- ⁶ Арш Г. Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 347—350.
- ⁷ Международные отношения на Балканах, 1815—1830 гг. М., 1983. С. 288—295.
- ⁸ Новичев А. Д. История Турции, новое время. Л., 1975. Ч. 2. С. 100—198.
- ⁹ Формирование национальных независимых государств... С. 350—353.
- ¹⁰ Фрейдзон В. И. К истории боснийско-мусульманского этноса // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1981. С. 330, 333.
- ¹¹ Формирование национальных независимых государств... С. 272—273.
- ¹² Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 46.
- ¹³ Pollo S. Les insurrections albanaises des XIXe—XXe siècles — facteur actif du declin de l'Empire Ottoman. Tirana, 1990.
- ¹⁴ Историја српског народа. Београд, 1981. Књ. V, т. 1. С. 270—271, 276.
- ¹⁵ Формирование национальных независимых государств... С. 63.
- ¹⁶ Международные отношения на Балканах, 1856—1878 гг. М., 1986. С. 161—183.
- ¹⁷ Шарова К. Любен Каравелов и българското освободително движение, 1867—1868. С., 1980; Втората българска легия в Белград (1867—1868): В памет на академик Михаил Димитров: Изследования върху Българското възраждане. С., 1974.
- ¹⁸ Международные отношения на Балканах... С. 147—148.
- ¹⁹ Там же. С. 254—264.
- ²⁰ Косев К. Д. Социально-экономические предпосылки Апрельского восстания // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. М., 1978.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 гг. И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ (политика «умеренности и реформ» в Европейской Турции)

В. И. Шеремет

Проблеме влияния революционной грозы 1848 г. на балканские страны посвящено немало исследований. Позиция турецкого правительства (Высокой Порты) в отношении революции в балканских землях рассматривалась историками фрагментарно, без изучения взглядов турецких историков¹. Данная работа эти пробелы восполняет с учетом новых материалов, почерпнутых в советских архивах.

Отношение современной турецкой историографии к проблеме, означенной в заглавии статьи, наиболее полно выразил Энвер З. Карал в своей «Османлы тарихи» (1970 г.): «Революция 1848 г. прошла мимо Турции»². Этот взгляд в обобщенном виде отражал отношение турецких историков к революционно-освободительным и государственно-восстановительным процессам на балканских землях. В течение многих лет, начиная с официального издания 1930-х годов «Тарих» (История Турции), сборников, посвященных 100-летию (1939 г.), затем 140-летию (1979 г.) Гюльханейского хатт-и шерифа 1839 г., утверждалась историческая неповторимость османского прошлого, якобы единого для всех ее народов в новое время, обособленность османов (в том числе немусульман Европейской Турции) от революционных бурь, потрясавших Западную Европу после 1789 г. При этом подчеркивалось, что османское общество, единство которого как бы закрепили реформы Танзимата в 1839—1856 гг., не знало классовой эксплуатации, а организация государственной жизни у турок, более высокая, чем у балканских народов, была последними воспринята и совершенствовалась в интересах Высокой Порты и местного населения³. Поскольку очевидность национально-освободительной борьбы сербов, греков, болгар, молдаван, валахов и т. д. в такую конструкцию не вписывалась, она рассматривалась как проявление «злонамеренного» иностранного (русского прежде всего) влияния, вкупе с некомпетентностью местной турецкой администрации и сепаратизмом отдельных правителей на территории Европейской Турции⁴.

В 1950—1960-х годах в оценке революции 1848—1849 гг. явно прослеживалось воздействие активно разрабатывавшейся на Западе доктрины «модернизации», в которой западноевропейскому революционному влиянию отводилась роль катализаторов прогресса, а вовлечение Высокой Порты в военно-политические связи с державами после 1849 г. оценивалось как проявление общего — т. е. Турции и Запада — противостояния русскому царизму на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе⁵.

Со второй половины 1970-х годов «новая волна» в турецкой историографии испытала влияние левых кругов буржуазной социологии истории, таких ее представителей, как А. Г. Франк, С. Амин, И. Валлерштейн, а также отчасти влияние марксистской методологии истории. Этим объясняется отказ «новой волны» от клишированных объяснений революции на Балканах в 1848—1849 гг., отход от неконструктивной апологии «спасительной миссии Запада» на Ближнем Востоке и на Балканах перед лицом возможности русского вторжения в 1849 г. «Новая волна» в лице Х. Исламоглу, Дж. Кейдера, И. Джема, С. Ерасимоса и др., оценивая революционные события на Балканах, начала исходить из понятий способа производства и стадияльно-формационных характеристик османского общества⁶.

Современные турецкие историки старшего поколения, обращавшиеся к балканскому региону, такие, как Дж. Байсун, Х. Иналджик, рассматривали национально-освободительную борьбу балканских народов в 40-х годах XIX в. лишь в контексте Танзимата, проводя тезис о превосходстве духовного исламского начала в организации жизни османского общества. Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г., по их мнению, уравнивал подданных без различия веры, создал предпосылки подтягивания немусульман Балкан к более высоким морально-этическим стандартам. В таком случае как бы исчезают основания для революции среди балканских подданных в 1848 г.

Качнувшиеся в другую крайность историки «новой волны» довольно эклектично впитали новую фразеологию и часть понятийного аппарата из марксистской и леворадикальной социологии, но не отрешились от влияния старшего поколения в подходах к революции 1848 г. в Османской империи. «Новая волна» так же далека от конкретно-исторического анализа событий 1848—1849 гг. на Балканах, как и предшественники. Шаг вперед, однако, состоит в том, что «новая волна» сформулировала понятие политического центра — Стамбула (Малой Азии) и экономической периферии — Балкан. В конструкции Х. Исламоглу, Дж. Кейдера, И. Сунара источником развития особой османской социальной общности, включавшей балканские народы и в конце 1840-х гг. противостоявшей европейской революционной буре, были внутрикласовые, а не межкласовые противоречия и уж никак не национально-освободительная борьба балканских народов. Таким образом, несомненно прогрессивная «новая волна» разбилась в анализе причин и характера событий 1848—1849 гг. на отдельные всплески: исследовались такие узкие проблемы, как ослабление политического контроля «центра» — турецкой метрополии (Стамбула) над экономикой балканской периферии⁸. Тем не менее признание значимости периода конца 40-х годов и балканского региона в исторической судьбе империи в целом стало важной вехой в турецкой историографии. Во-первых, это свидетельство позитивных процессов в подходах турецких историков к проблеме Балкан эпохи революции 1848 г. Во-вторых, это же обстоятельство заставляет обратиться и нас к документированному

исследованию позиции Высокой Порты в связи с развитием реформаторского движения в применении к Балканам и в связи с революцией 1848—1849 гг. в Европе, так как документы самой Порты во многом противоречат выводам современных турецких историков.

К началу революции 1848—1849 гг. общая программа реформ, зафиксированная в хатт-и шерифе 1839 г., свелась к попыткам местных турецких властей сохранить контроль над распределением в новых условиях, отличавшихся быстрым ростом капиталистических отношений в целом на Балканах и вовлечением Дунайских княжеств, Сербии, Болгарии в экономические связи с Западной Европой вне регулирующего давления Стамбула.

Восприятие революции 1848—1849 гг. было подготовлено в Османской империи активизацией общественно-политических движений в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе после 1830 г. Наиболее заметно влияние этих процессов было на Балканах, где фактически не прекращавшееся национально-освободительное движение опиралось на борьбу крестьян против османского феодального угнетения. Революция 1830 г. во Франции и освободительное восстание в Польше 1830—1831 гг. стимулировали у народов Европейской Турции стремление к национальному возрождению, содействовали выработке критического отношения передовой балканской общественности к российскому царизму, его политике в Юго-Восточной Европе, в Восточном вопросе. Среди населения Дунайских княжеств, Болгарии, Сербии и других подвластных Порте балканских территорий находили понимание и развитие идеи ориентации на Францию и Англию в борьбе с османским деспотизмом, а в 30—40-х годах здесь получили распространение лозунги единения славянских подданных султана.

В мозаику общественно-политических настроений немусульманских кругов внесли свою лепту деятели европейской эмиграции, жившие в Османской империи. Глава правого консервативного крыла польских эмигрантов А. Чарторыйский, например, не только не разделял идеи общеславянского единения, но для противодействия России и Австрии готов был поддержать зависимое от Турции южнославянское объединение Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговины. Через агентов А. Чарторыйского в Европейской Турции и в самом Стамбуле эти идеи доводились до сведения турецких властей, у которых они вызывали меньше беспокойства, чем идеи так называемой демократической федерации славян, популярные в левых эмигрантских кругах. Определенный интерес Высокой Порты вызывал и проект другого польского эмигранта — М. Чайковского (Садык-паши), предусматривавший перспективу присоединения австрийской Воеводины к османской Сербии. На таких условиях Высокая Порта «закрывала глаза» на контакты французской дипломатии и польской эмиграции как в Стамбуле, так и на Балканах (Белград), на связи И. Гарашанина в Сербии с Францией и польской эмиграцией⁹. В турецких правительственных кругах знали о том, что достаточно заметное влияние среди немусульманского населения в портовых городах Европейской Турции приобрели организованные

Дж. Мадзини «Молодая Италия» и Союз итальянских рабочих (1831 и 1841 гг.). В Стамбуле искали, но не нашли возможности использовать сторонников этих организаций в борьбе с австрийским влиянием на Балканах.

Именно революция 1848—1849 гг. в Австрийской империи заставляла Высокую Порту дать новые оценки своей внешнеполитической деятельности, уточнить акценты при выработке внутриполитического курса эпохи первого этапа Танзимата. Наибольшую обеспокоенность вызвали лозунги, прозвучавшие в мартовских революциях 1848 г. в Вене и Пеште (Венгрия) и призывавшие к национальному объединению венгров, славян, румын, итальянцев. По существу, вся Европейская Турция от Боснии до Болгарии в той или иной степени была охвачена движением за национальное освобождение, и Высокая Порта должна была соответственно реагировать.

В первых числах марта 1848 г. в Стамбуле стало достоверно известно о народном восстании 24 февраля в Париже и о провозглашении Франции республикой. Известие о победе революции в Вене и о бегстве К. Меттерниха достигло Турции 17 марта. Через несколько дней на улицах Стамбула только и говорили, что о народных восстаниях в Пеште и Берлине. От команд кораблей, прибывавших из Триеста и Генуи, в Стамбуле узнали о народных выступлениях в Италии против чужеземного ига.

Настоящее беспокойство Порты вызвали сообщения полиции о том, что простые турки восприняли революционные выступления в Италии и Венгрии весной 1848 г. как пролог скорого падения «коварного противника» — австрийской монархии, а немусульманские низы ждут с «надеждой и нетерпением» развития революции¹⁰. Ситуация в любой момент могла стать для Порты неуправляемой. С точки зрения реакционного большинства в правительственных кругах, первая реакция великого везира Мустафы Решид-паши на революцию 1848 г. во Франции и особенно в Австрии была излишне оптимистичной. Решид-паша полагал, что отвлечение Франции на внутренние проблемы, а также скорое падение, как он верил, под ударами изнутри Австрии и ослабление союзницы Австрии, России, будут содействовать упрочению позиций Оманской империи в Юго-Восточной Европе и на Ближнем Востоке. Во внешнеполитических делах он предложил «проявлять доброжелательность» в отношении революционной Франции, но усилить гарнизоны в пограничных с Австрией районах и активизировать консультации с Англией и Россией, осуществлявшими в это время посредническую миссию в турецко-персидском и турецко-греческом пограничных конфликтах. Подобного «радикализма» паше не смогли простить ни ограниченный, но честолюбивый султан Абдул Меджид, чувствовавший себя оттесненным от дел европейской политики, ни контрреформаторы, полагавшие, что настала пора остановить «гяурские реформы» и объявить джихад против готовой восстать райи в балканских провинциях. 27 апреля 1848 г. Решид-паша и несколько членов правительства из его окружения, обвиненные в

непонимании положения дел и пренебрежении к исламу, оказались отстраненными от дел на три с половиной месяца¹¹.

Новый великий везир, сдержанный прагматик Сарым-паша не слишком радикально изменил ориентацию правительства, но придал ей большую целенаправленность — Высокая Порта стремилась не отставать от стремительного развития событий. Она перевела энергичного и компетентного в вопросах контактов с христианскими миллетами Мехмеда Кыбрылы-пашу с должности иерусалимского мутасарыфа (военного губернатора) на пост вали Белграда и дунайских крепостей. Ему было поручено, опираясь на эмигрантов и местное население, организовать центр по сбору сведений о событиях во Франции, Италии и Австрии. Новый белградский правитель начал организацию волонтерских отрядов из разноплеменных эмигрантов под общим командованием офицеров из христиан, принявших ислам. При этом он развил столь бурную деятельность, что по требованию посольств Англии и России был отозван, но вскоре получил пост посланника Турции в Лондоне, где поддерживал контакты с эмигрантскими кругами. Уместен вопрос — против кого собирались использовать этих волонтеров?

В начале марта 1848 г. посланнику Австрии в Турции была вручена памятная записка Высокой Порты¹². В ней обращалось внимание на быстрое развитие революционных событий в пограничных с Турцией районах Австрии и на случаи волнений в пограничных османских вилайетах, что заставляет Высокую Порта, как говорилось в записке, «принять необходимые меры безопасности». Со своей стороны, Австрия должна была предпринять меры для пресечения «нежелательного развития событий в сопредельных областях, но таким способом, который не отразился бы ни на отношениях Австрии с Османской империей, ни на отношениях Австрии с другими державами». Одновременно были направлены памятные записки в Париж и Вену. В них турецкое правительство сообщало, что рассматривает революционные выступления в Ломбардии, Венеции и на Сицилии «как бунтарские против законного правительства». Выразилась надежда, что Франция и Австрия успешно с ними справятся даже без участия турецких сил, выделяемых для поддержания сложившегося в Европе порядка.

Вместе с тем Стамбул продолжал пристально следить за положением дел в Белграде и других городах Сербии. В мае—июне 1848 г. Порта поддержала действия сербского князя Александра Карагеоргиевича против венгерских повстанцев не только присвоением ему высшего воинского звания в империи — мушира (маршала) османской армии, но и отправкой партии оружия и боеприпасов.

Положение в Боснии с ее сравнительно высокой исламизированностью населения складывалось для Высокой Порты весьма напряженно. Посылая оружие в Белград, она обратила внимание князя Александра на тот тревожный и для центра, и для князя факт, что в боснийском городке Бихач местные помещики-мусульмане Капич и Арнаутович, используя революционные настроения, готовятся

к вооруженному выступлению против проведения Портой танзиматских реформ. На Боснию претендовали также и хорватские политические деятели, что вызвало большое беспокойство И. Гарашанина, и этими соображениями уставобранители делились с Портой, предпочитая турецкое правление росту хорватского влияния¹³.

С учетом этих обстоятельств становятся более понятными и ускоренная подготовка отряда волонтеров на турецкой службе, и сосредоточение к концу 1848 г. только в Боснии до 20 тыс. регулярных турецких войск. Посланникам европейских держав было сообщено, что это сделано на случай распространения восстания из Венгрии на Сербию и — неофициально — что войска послужат веским аргументом при разрешении политической ситуации, которая складывалась в Сербии, Болгарии, Боснии и Герцеговине в 1848 г. Дело в том, что по мере развития и углубления революционных событий все большую настороженность Высокой Порты вызывали циркулировавшие в окружении И. Гарашанина проекты провозглашения нового балканского вице-королевства в рамках Османской империи. В него могли войти Сербия, Северная Албания, часть Македонии, Черногория и Босния с Герцеговиной, объединенные на условиях федерации¹⁴. Возможно, одно обстоятельство привлекало Порту — авторы проекта решительно выступали в поддержку внутренних реформ в османских владениях на Балканах. Вице-королевство должно было дать Порте «пример того, как внутренние преобразования в Османской империи могут быть противопоставлены властолюбивой русской политике» на Балканах. Эту тактическую уловку авторов проекта весьма гибко использовала Высокая Порта.

Во второй половине 1848—начале 1849 г. она оказалась перед фактом обсуждения Сербией и Болгарией вопроса о федеративном объединении в границах Османской империи. Этот же вопрос деятельно обсуждался во французских правительственных кругах. 6 января 1849 г. посол Франции в Стамбуле Ж. Опик предложил проект административных реформ в балканских землях¹⁵⁻¹⁶. В основе проекта лежала идея федерации Болгарии, Боснии и Сербии в рамках Османской империи при ведущей роли Сербии. Пока проект переводился и обсуждался, в марте 1849 г. вспыхнуло народное восстание в северо-западной Болгарии, на грани крестьянского восстания оказалась Босния.

Высокая Портагромила болгарских повстанцев, а европейским державам направляла ноты, в которых говорилось, что основная причина восстаний — замедленность в проведении реформ и сопротивление исламизированной знати в Боснии реформам и политике улучшения положения христиан.

В Париж, Вену и Лондон сообщали о русских происках и подстрекательствах к восстанию в Болгарии. Посланнику России тем временем внушалась идея общности интересов Стамбула и Петербурга в пресечении бунтарской французской пропаганды в Дунайских княжествах.

Турецкая историография возлагает основную ответственность за восстания в Болгарии и Боснии в 1848 г., за подъем революционного движения в Дунайских княжествах в 1848—1869 гг. на Россию. «Разрушительной политике» России была противопоставлена, как писали турецкие историки, политика реформ, нацеленная на достижение единства Османской империи, укрепление османских политических институтов на принципах Танзимата и усиление армии с помощью европейских держав¹⁷. Такого мнения придерживались Т. Гюрель, Э. З. Карал, А. Н. Курат — представители старшего поколения — и Т. Дуран, Дж. Гюрсель, Ф. Дерин — из нового поколения турецких историков. В трактовке турецкого социолога из «новой волны» Самихи Айверди Османская империя предстает неким оплотом революций в Юго-Восточной Европе против панславизма и агрессивности царизма, чьи действия в Европе могли бы иметь далеко идущие последствия, если бы не «твердость турецкого правительства в защите революционеров Польши и Венгрии от царских войск»¹⁸.

Политика использования революционной ситуации, сложившейся в балканских провинциях в 1848—1849 гг., действительно прослеживается в активности Высокой Порты в эти годы, но не в связи с противодействием России, отнюдь не поощрявшей повстанцев 1848 г. где бы то ни было, а в интересах укрепления османской административной системы на Балканах, также и в связи с поисками новой формулы прямого управления, которая бы соответствовала духу Гюльханейского указа. Одновременно вырабатывался новый рисунок османской дипломатии, более гибко реагировавшей на внешние импульсы, чем в дотанзиматский период. Эти взаимосвязанные обстоятельства в полной мере проявились в связи с революцией в Дунайских княжествах и заключением русско-турецкой Балта-Лиманской конвенции 1849 г.

Посланник России в Стамбуле В. П. Титов, начиная с марта—февраля 1848 г., т. е. по мере развития революционных событий в Западной и Юго-Восточной Европе, подчеркивал на встречах с турецкими государственными деятелями, что «пожар революции быстро приближается к их границам и важно их (России и Турции. — *Авт.*) тесное сотрудничество»¹⁹. В. П. Титов находил полное понимание в собеседниках и их «живую заинтересованность» в этой проблеме. В. П. Титов сообщил Высокой Порте: «Если беспорядки в княжествах будут на грани взрыва, е. и. в. без колебаний займет их русскими войсками... *от имени султана*» (выделено в тексте. — *Авт.*). Он подчеркивал, что главная цель повстанцев в Дунайских княжествах — «восстановить христиан против султана и воссоздать там независимое государство», акцентировал общность интересов Османской империи и России в пресечении там «бунтарской французской пропаганды»²⁰.

Однако вплоть до начала мая 1848 г. Высокая Порта уклонялась от окончательного решения вопроса о совместных действиях с Россией. Она выясняла позиции России в отношении Сербии, а Франции — в отношении гипотетического союза Сербии с Болгарией

и Боснией, Лондона — относительно первых двух проблем, а также займа на военные нужды. Наконец, к границам Дунайских княжеств подтягивался 25-тысячный корпус регулярных войск, принимавших участие в недавнем подавлении восстания в Албании. Для командования им был срочно отозван из Парижа посланник Сулейман-паша, опытный дипломат и профессиональный военный. Были усилены отряды пограничной стражи на границах с Австрией, в Мраморном море крейсировала эскадра военных кораблей, гарнизоны фортов Дарданелл и Босфора были удвоены²¹. Уведомив предварительно европейские посольства, Высокая Порта ввела досмотр военными чинами всех торговых кораблей, входивших в Дарданеллы. Одновременно в Стамбуле было проведено публичное разбирательство арз-и махзара (коллективной жалобы) молдавских бояр на господаря, нарушавшего Органический статут 1834 г. Турецкая официозная пресса опубликовала серию статей в защиту христианского населения от несправедливых местных чиновников, уклонявшихся от исполнения указа Гюльхане о равенстве подданных²². Впрочем, это не помешало Порте сослать бояр в Бруссу, а в Яссы для наведения порядка направить личного представителя султана Талаат-пашу, бывшего посланника в Берлине, кадрового офицера, сторонника жесткой линии в проведении реформ. В инструкциях Талаат-паше, составленных при личном участии Абдул Меджида, что демонстрировало чрезвычайность обстоятельств, просматривается все та же двойственность, которая была характерна для политики Высокой Порты в связи с революцией²³. Во-первых, султан учитывал, что в Яссах находился посланец Николая I генерал-адъютант А. О. Дюгамель, который должен был на месте принять решение о введении русских войск в Дунайские княжества²⁴. В инструкциях появился пункт: исключить какое бы то ни было столкновение с Россией, «не бросить ни тени, ни намека на расположение султана к своим христианским подданным в княжествах». Во-вторых, надлежало подчеркнуть в разговоре с А. О. Дюгамелем, которого Талаат-паша лично знал со времени заключения Адрианопольского мира, что наряду с разбором жалоб и решением вопросов, «беспокоящих местное население, способом самым мирным», при этом по согласованию с русским представителем, Высокая Порта считала право России на покровительство княжествам неоспоримым, заслуживающим «уважения и соблюдения наравне с незыблемым суверенитетом Высокой Порты». В-третьих, вполне доверительно, как близкому знакомому, царскому посланцу можно было сообщить, что реформы и «восстановление порядка» не затронут сложившегося образа правления в княжествах, что «революционный ветерок из княжеств не достигнет русских пределов». Четвертого пункта инструкций русскому генералу знать не полагалось. Под ружье был вызван редиф (запас) из Малой Азии численностью более 50 тыс. человек регулярной пехоты и кавалерии. По согласованию с Англией началась доставка войск на английских пароходах на о. Хиос, откуда турецкие войска могли быть перебросены как в Европейскую Турцию, так и на Ионический архипелаг, греческое население которого готово было восстать, как

говорил Стрэтфорд Каннинг Высокой Порте, в любой момент. Не знал в то время А. О. Дюгамель и того, что идут переговоры Высокой Порты с Австрийским Ллойдом о транспортировке дополнительных контингентов турецких войск (до 100 тыс. человек) в княжества и Европейскую Турцию, если в Молдову войдут русские войска²⁵.

Турецкие историки Ф. Армаоглу и Дж. Учок подчеркивали, что именно у Порты искали защиты и справедливого решения своих проблем молдаване и, отчасти, валашские повстанцы. Аналогичные мысли высказывали Э. З. Карал, Т. Озтюна и некоторые другие турецкие историки, которые представляют противодействие Порты вмешательству России в дела Дунайских княжеств особой и отдельной проблемой выполнения Высокой Портой своих капитуляционных обязательств по ограждению интересов своих подданных-иноверцев²⁶.

С другой стороны, воспоминания русских представителей в княжествах в 1848—1849 гг. А. О. Дюгамеля и П. Х. Граббе, других участников событий, работы Д. Г. Розена, С. С. Татищева создают образы либеральствующих турецких пашей и министров, защитников конституционных начал, сокрушенно взиравших на сожженные, разграбленные (кем?) города и села Европейской Турции²⁷. Изучение документальных свидетельств о реальной обстановке в Стамбуле дало возможность определить истинные цели турецкого правительства в 1848—1849 гг. Какими бы миротворческими ни были заявления турецких министров, они не содержали самого главного: учета интересов страдавшего от национального и социального угнетения населения румынских княжеств. Никакие инструкции не могли решить главный вопрос революционной борьбы в княжествах — освобождение от османского ига. Наоборот, предусматривая сохранение Молдовы и Валахии в рамках османского господства, Николай I и Абдул Меджид порождали новые межгосударственные противоречия и осложнения на Балканах²⁸.

Развитие революционных событий в Валахии — провозглашение конституции, ширившиеся выступления крестьян против помещиков и бояр, введение в Яссы в начале июля 1848 г. русского пехотного корпуса (о чем Талаат-паша был заранее предупрежден А. О. Дюгамелем) — поставили перед Высокой Портой вопрос — как совместить продолжение реформ и борьбу с революцией. Современные турецкие историки относят замедление и неудачи реформ этого периода, как правило, за счет присутствия России в Молдове в 1848 г. Совсем иначе смотрели на эти обстоятельства турецкие руководители.

Прежде всего они хорошо понимали (в отличие от многих современных турецких историков), что «у царя было не больше резону идти на Стамбул войной, чем занимать Англию»²⁹. «Меня сейчас больше испугал бы уход русских войск из княжеств, чем их присутствие», — заметил однажды Мустафа Решид-паша в доверительной беседе с австрийским интернунцием. Глава Высшего совета по реформам Садык Рифат-паша заявил В. П. Титову, что не действия России по подавлению революции, а замедление

танзиматских реформ в случае расширения революции из Дунайских княжеств на другие балканские земли — вот что может погубить Османскую империю. Общая концепция Совета по реформам осенью 1838 г. прозвучала так: лучше некоторая демократизация в Молдове и Валахии, чем пожар в Болгарии и в других христианских провинциях³⁰.

Отражением позиции Турции по проблеме отношений с Россией явилось послание Абдул Межида Николаю I от 7 шабана 1264 г. х. (20 июля 1848 г.).

Кратко, но энергично султан выражал намерение укреплять дружественные узы, связывавшие оба государства, что особенно важно в обстановке политического кризиса в Европе и восстаний среди собственных подданных³¹.

Относительно реформ острые дебаты развернулись в узком кругу высших должностных лиц империи и были перенесены на заседания Высшего совета юридических установлений после появления 5-го корпуса русской армии в Молдове. Глава Совета Садык Рифат-паша и сам Абдул Меджид заняли примирительную позицию. Великий везир Сарым-паша обращал внимание на временность русского пребывания и отмечал, что этот факт скорее благоприятный для стабилизации положения в мятежных провинциях и минимальная из мер, которые, по его словам, могла бы принять Россия для ограждения своих интересов от распространения революции на ее территорию. Решид-паша и его сторонники, не выдвигая конструктивных предложений, обвиняли Сарым-пашу в бездеятельности и требовали обратить особое внимание на новые административные реформы и на получение срочных внешних займов³². В разгар дискуссий в Совете министр финансов Нафиз-паша тихо заметил, что от господарей в княжествах одни убытки и беспокойство — надо бы их должности упразднить. Идея всем понравилась. Было предложено ввести по примеру недавно «умиротворенного» Ливана прямое управление — через каймакама, который будет представлять в княжествах августейшую особу султана³³. Идея реформ казалась спасенной, но сначала следовало разгромить повстанцев. 19 июля 1848 г. 20-тысячный корпус турецких регулярных войск переправился через Дунай и начал карательные действия против повстанцев.

Вместе с тем совершенно отчетливо можно проследить стремление турецкого правительства воспользоваться ситуацией, урезать права и привилегии княжеств, возложив по крайней мере равную ответственность на Россию. В августе—начале сентября 1848 г. (после очередной отставки и возвращения 16 июля 1848 г. к должности великого везира Мустафы Решид-паши) в Министерстве иностранных дел В. П. Титова убеждали, что Высокая Порта хотела бы предельно «мягкого и лояльного» оккупационного режима в княжествах, ибо «нельзя озлоблять подданных и тут же проводить реформы»³⁴. На деле Бухарест был залит кровью повстанцев. В бою 13 сентября 1848 г. только турки потеряли 200 солдат, потери валахских бойцов даже не учитывались. Революция в Валахии была

разгромлена, ее предводители эмигрировали, турецкие отряды преследовали разрозненные группы повстанцев³⁵.

15 сентября 1848 г. В. П. Титову был вручен меморандум Высокой Порты по случаю отъезда в княжества нового специального эмиссара Мехмеда Фуад-паши, возглавлявшего тогда протокольный департамент правительства *. В документе, кроме дежурного набора уверений в тесном сотрудничестве, содержалось отражение реального, а не показного лояльного курса Порты. «Ложные и опасные установления местных властей, т. е. временного революционного правительства, подлежали ликвидации и должны были быть заменены прямым правлением каймакама-турка. «Поскольку местная знать, бояре с управлением не справлялись, Высокая Порта обязана позаботиться об общественном благоустройстве и покое для всех классов и привести к повиновению боярскую вольницу»³⁶. Таким образом, Органический регламент, введенный по согласованию между Россией и Турцией в 1834 г., отменялся. Представитель Высокой Порты Фуад-паша вместе с А. О. Дюгамелем были должны обеспечить введение в жизнь нового порядка.

Нельзя не признать, что и время, и метод отмены взаимобязывающего акта 1834 г., который явился одним из итогов русско-турецкой войны 1828—1829 гг., были выбраны Высокой Портой удачно. Революционные события в Австрии отвлекали внимание и силы Петербурга.

Высокая Порта действовала в княжествах давно проверенным способом разобщения недовольных подданных. Если, например, французская дипломатия на Балканах деятельно убеждала жителей Молдовы и Валахии, что они бесконечно далеки от славян — болгар, сербов, то пропаганда Высокой Порты была и острее, и опаснее. Она строилась на двух уровнях. Во-первых, на уровне этно-конфессиональных различий, закрепленных в деятельности миллетов, столь дорогих сердцу султана Абдул Меджида, что сообщения от их глав он заслушивал ежемесячно. Во-вторых, на все более широком уровне — внедрение в сознание подданных принципов османизма, основой которого был постулат о единстве граждан империи перед лицом вторжения с Запада. Посланцы Высокой Порты подогревали антирусские, националистические настроения в боярской среде, провозглашали обязательность реформ в городе и деревне. Они пропагандировали необходимость укрепления османской общности всех подданных в делах реформ перед Россией и Западом, равно заинтересованных, по их словам, в ослаблении Высокой Порты и ее балканских подданных³⁷. Одновременно были демонстративно свернуты переговоры с английскими финансистами

* Сын известного реформатора и поборника освобождения Греции Иззет Моллы, отравленного султаном Махмудом II осенью 1829 г., Мехмет Фуад-паша был человеком блестящего европейского образования, прекрасно владевший рядом языков Запада и Востока, убежденный реформатор. Он видел Османскую империю сообществом равноправных народов в составе великих держав. Многие годы был дружен домами с А. М. Горчаковым, с которым не раз обсуждал проблему сближения России и Турции.

о реформе денежного обращения в Османской империи, начиная с Балкан, равно как и о концессиях на судоходство по Дунаю. Военно-политические переговоры продолжались.

Следует также отметить, что при разгроме валашской революции Высокая Порта прибегала к демагогическим приемам не только в дипломатии, но и в реальной практике. Была опубликована серия воззваний к населению на местных языках, на французском языке, которые передавались через турецкие посольства в западноевропейские газеты. Предоставлялась защита и убежище эмигрантам из Венгрии и Польши. Все это должно было свидетельствовать о новых принципах турецкой политики. Умиротворительными по тону и содержанию были статьи в официозе «Журналь де Константинополь» осенью 1848 г. Большие подборки из капитуляций, дарованных, по мнению авторов статей, Баязидом Йылдырымом и Мехмедом Фатихом княжествам в XIV—XV вв., сопровождались разъяснениями, что нынешние и грядущие тотчас после восстановления порядка реформы суть развитие вековых прав Дунайских княжеств и нацелены на исправление неблагоприятных деяний недостойных местных правителей. В воскресном выпуске газеты от 24 сентября 1848 г., раздававшемся бесплатно на улицах столицы, был опубликован перевод инструкций Фуад-паше и другим должностным лицам, отбывавшим в Валахию. Охрана жизни, чести и собственности как главные принципы Танзимата, говорилось в документе, суть основа деятельности новой администрации в княжествах, которая обязана уважать права подданных независимо от их вероисповедания и, взимая налоги, должна опираться на выдвинутых местными жителями членов правительственных советов. Очевидно, что это была попытка, и отнюдь не первая, стимулировать в экстремальных условиях подъема национально-освободительного, революционного движения мифическое османское единство, принципы «османлыка» — османизма.

Тем временем посланцы Порты в княжествах Сулейман-паша, сменивший его Лютфи Омер-паша и Мехмед Фуад-паша вносили раскол в разобщенную правящую верхушку княжества.

Высокая Порта демонстрировала своим балканским подданным независимость курса; Европе — преданность идеалам реформаторства с опорой на собственные силы. Фуад-паша добился определенных успехов. К нему потянулись те, кто был готов принять ислам, вступить в турецкую армию; отбор проводил он сам. Вскоре получило огласку письмо группы бояр с заверением в их готовности стать для Порты «защитным валом», если ее войска отойдут за Дунай³⁸. Сочетание репрессий и обещаний в деятельности Фуад-паши и Омер-паши имело определенный успех, сделала свое дело и умум-и афф — султанская амнистия повстанцам.

Разочарованные разбродом среди руководителей восстания, к Фуад-паше потянулись простые крестьяне и ремесленники. Все их жалобы выслушивались, претензии, касавшиеся земли и прав наследования имущества, пересылались в соответствующие отделы Высокой Порты.

Фуад-паша не только подбирал в княжествах полезных для армии эмигрантов, но установил связи с частью вернувшихся из эмиграции молодых радикалов, обеспечил им амнистию, исподволь готовил кадры местной администрации не боярского, а разночинного происхождения. Предпочтение отдавалось тем, кто не симпатизировал России и, как он говорил, «духу коммунизма, против которого поднялась вся Европа». «Через 10 лет, — говорил он, — в княжествах уже не будет и речи о русских, так как все зависит от народных масс, а эти массы будут на нашей стороне...»³⁹ О появлении на Балканах сил, готовых объединиться против царизма «хоть с самим дьяволом» — султанской властью, говорили в своих статьях по Восточному вопросу еще К. Маркс и Ф. Энгельс. Развитие цивилизации, торговли, возникновение новых идей неизбежно приводили, по их словам, в среде греко-славянского населения, подданных султана, освободившихся или освобождающихся от его гнета, к появлению антирусской прогрессивной партии, «которая неизбежно зарождалась каждый раз после того, как та или иная часть этого населения становилась полунезависимой от Турции»⁴⁰.

Другой представитель Высокой Порты — Омер-паша (по рождению хорват Михаил Латас, принявший ислам в 1827 г.) прекрасно знал местные условия и действовал в княжествах «железом и прокламацией», не упуская из виду и личные интересы. Он вел пропаганду Танзимата среди крестьян и ремесленников княжеств, одновременно внушая им, что только раздельное существование Молдовы и Валахии под сенью Османской империи обеспечит им процветание. «Те же, — говорил он, — кто призывает к объединению княжеств и отделению от османского очага, вовсе и не природные влахи, а коварные заговорщики, обманом присваивающие власть...». «Мнения Омер-паши весьма вольнодумные, — писал осведомленный наблюдатель из его окружения, — он часто задумывается над судьбой своего почти земляка (боснийца. — Авт.) Мухаммеда Али — правителя Египта. И вообще он под сильным влиянием английского консула в Валахии. Он готов содействовать революции, если обстоятельства тому будут благоприятствовать»⁴¹.

Обстоятельства не могли способствовать честолюбивым замыслам талантливого военачальника и беспринципного политика. Россия, Англия и Франция твердо поддерживали идею османского интегритета и всячески это демонстрировали. Появившиеся из недр французского посольства проекты конвенции Франции с Сербией (октябрь 1848 г.) или объединения православных церквей Болгарии и Боснии под властью патриарха Воеводины (январь 1849 г.) в Высокой Порте вызвали естественную настороженность, но не больше. О чрезвычайном после Французской республики Жаке Опики сам шейх уль-ислам отзывался благосклонно: «Опик совсем не бунтовщик». Однако ни на какие союзы с державами Высокая Порта не ориентировалась, несмотря на прямые или косвенные предложения под предлогом борьбы за дальнейшие преобразования.

Опасения в Высокой Порте, что державы могут в своих интересах воспользоваться борьбой турецких властей с революционными движениями, были очень значительными. Настолько значительными, что были отвергнуты признававшиеся крайне важными в предреволюционные годы проекты судоходного канала от р. Сакары до Черного моря (1847 г.), проект займа у банка Ротшильда (1846—1847 гг.), соглашения с английскими финансистами о реформе денежного обращения и крупном займе (1848 г.).

В конце жаркого лета 1848 г. появился документ, подготовленный английским послом Ч. Стрэтфордом Каннингом и Мустафой Решид-пашой. Он содержал пункты о подтверждении равенства мусульман и христиан и возможном зачислении христиан на военную службу и их праве на свидетельство в суде против мусульман. Документ был переведен на болгарский, сербский и греческий языки, но более чем проектом не стал. Следует, однако, признать, что революционная обстановка 1848 года породила этот документ как бы переходный по характеру от хатт-и шерифа 1839 г. к хатт-и хумаюну 1856 г.⁴² Дальнейшая судьба «проекта Стрэтфорда-Решиды» была связана с усилением крайне правой группировки в правительстве, которая считала, что он ведет к союзу с Западом и лишь отвлечет силы Османской империи на европейские проблемы.

«Пять пунктов Стрэтфорда-Решиды» содержали главное направление политики держав, в первую очередь Англии, в связи с революционным подъемом в Османской империи: вырвать из рук России инициативу в защите прав угнетаемого большинства населения Балкан; опираясь на углублявшееся экономическое подчинение Османской империи, контролировать процесс политического, национально-государственного возрождения наиболее развитой в социально-экономическом отношении христианской части населения Османской империи; обеспечить развитие военно-политических связей немусульман Османской империи с военными и общественными эмигрантскими кругами. Последнее избавило бы правительства Западной Европы от избытка взрывчатого материала — повстанческих революционных низов из Польши, Венгрии, Италии и других стран, позволило бы эмигрантам с оружием в руках, не переходя в ислам, поступать на турецкую службу, подальше от центра Европы, на ее периферию, к границам Азии и Африки.

«Пять пунктов» были, естественно, предметом самого детального изучения в высшем эшелоне власти Турции. Не менее двух раз в неделю заседали Совет по военным вопросам и Высший Совет по реформам. Наибольший спор вызвала проблема службы христиан в армии и права свидетельства на суде. Свои контрпредложения в августе 1848 г. выдвинул военный министр Рыза-паша. Он признал, что, как показали события последних месяцев, рекрутские наборы изматывают мусульманское население, оно очевидным образом редет в ряде городов и областей. Ослабить этот процесс можно с помощью набора в армию христиан. Последние, не сомневался Рыза-паша, будут против военной службы, но их следует «утешить

авансами на субалтерн-офицерские должности...» «Это уж чрезмерная осторожность, — прервал военного министра Решид-паша, — надо дать христианам перспективу дослужиться до чина паши». Проблема осталась нерешенной, как, впрочем, и вопрос о свидетельстве в суде христианина против мусульманина ⁴³. Осторожный и тонкий дипломат, компетентный администратор Мехмед Эмин Али-паша, возглавлявший МИД Турции осенью 1848 г., так излагал идеи реформаторов в связи с развитием событий в Западной Европе и в Дунайских княжествах: необходим ферман о новом статуте княжеств независимо от исхода событий; облегчение положения христиан — лучший, по его словам, способ отвлечь их от участия в революции, с которой не могут справиться европейские державы. «Австрия увязла в Венгрии, Англия — в Ирландии и на Ионических островах, — говорил Али-паша В. П. Титову. — Они применяют репрессии, а в Османской империи все подданные равны, у всех равные условия и равная ответственность перед общей империей. Умеренность и реформы», — формулировал политический курс Высокой Порты в условиях революции министр ⁴⁴.

Неудачу этого курса определили внешнеполитические осложнения. Они были связаны с Балта-Лиманским сенедом (конвенцией) 1849 г., с вопросом о статусе Дунайских княжеств, а также с проблемой о политических беженцах 1848 г., оказавшихся на турецкой территории. Турецкая историография рассматривает эти проблемы в совокупности. А. Н. Курат, Э. З. Карал, Дж. Учок и другие авторы трактовали их как воплощение курса Османской империи на защиту эмигрантов-революционеров при сочувственном отношении Высокой Порты к столь «чисто европейской проблеме», как революция 1848—1849 гг. Для молодого поколения турецких историков «новой волны» характерен иной подход к конвенции (сенеду) 1849 г. и сопутствовавшим ей обстоятельствам. Противоположные политике царизма, например, в вопросе об эмигрантах рассматривается с позиции реформаторского обновления внутренней и внешней деятельности Высокой Порты, которая, в свою очередь, представляется как попытка достигнуть общеевропейского взгляда на международные проблемы. Турецкие историки 70—80-х годов считают, что в вопросе об эмигрантах Порта продемонстрировала отход от локальных параметров международной политики, характерных для предреформаторской эпохи. Между тем очевидна вынужденность и узкая ограниченность перемен в политике, на которые шла Высокая Порта в 1848—1849 гг.

Необходимость перемен в Дунайских княжествах в условиях подъема революции была очевидна и России, и Турции, и державам. В Петербурге полагали возможным возобновить Органический регламент 1834 г. так, чтобы укрепить политическое влияние России в княжествах, устранить эмиграционные центры в Молдове и Валахии, не допустить новых революционных выступлений ни в княжествах, ни в сопредельных районах России. Эта весьма непростая задача должна была решаться с помощью и при участии Османской империи, в составе которой княжества должны были оставаться

по-прежнему. Делом первостепенной важности считалось исключение вмешательства Англии и Франции в контакты с Турцией по этим вопросам⁴⁵. После коротких, но весьма напряженных переговоров без посредничества третьих держав 19 апреля (1 мая) 1849 г. была подписана Балта-Лиманская конвенция. Заключенная сроком на семь лет, она продлевала совместный оккупационный режим царя и султана в княжествах. Элемент демократии — выборность институтов управления — заменялся назначением боярского совещательного дивана господарем, назначенным Портой по согласованию с Россией. Петербург и Стамбул могли вводить свои войска в княжества для поддержания «законного порядка» без дополнительного согласования⁴⁶.

Ужесточение режима Дунайских княжеств по сравнению с Адрианопольским миром 1829 г., установление прямого правления султана, в том числе права на ввод и содержание в княжествах турецких войск, против чего выступали многие поколения борцов за освобождение княжеств от турецкого ига, а также провозглашение особым хатт-и шерифом создания комиссии Высокой Порты для выработки новых аграрных законов для Дунайских княжеств (на что Фуад-паше во время своего чрезвычайного посольства в Петербург пришлось добиваться согласия Николая I) рассматривались в османском правительстве как удачное решение конфликтной ситуации без посредничества западноевропейских держав.

В определенной степени Высокая Порта перехватывала инициативу российского посланника, как, впрочем, и английского, выступить с предложениями в защиту христианских подданных. Однако объективно это обстоятельство, равно как и трехлетнее противостояние вооруженных контингентов Турции и России в Дунайских княжествах, а главное — сам факт сохранения османского господства в княжествах означали рост дальнейшей напряженности в регионе.

Неудовлетворенность ситуацией, сложившейся после подписания Балта-Лиманской конвенции, России, Турции, Англии и Франции проявилась спустя считанные недели. В России вызывал беспокойство будущий статус Дунайских княжеств взамен привычного Органического регламента. В Турции были недовольны присутствием русских войск на территории Османской империи и вмешательством России в отношения Порты и эмигрантов. Во Франции, Англии, да и Австрии — тем, что конвенция была согласована на двусторонней основе, без привлечения западных держав. Они опасались, что Россия может поддержать широкое освободительное движение славян и греков на Балканах против турецкого господства и потеснит на правах фактического союзника Турции западноевропейские державы, которые два десятилетия подряд прикладывали титанические усилия, чтобы нейтрализовать последствия Адрианопольского мира 1829 г. и Ункяр-Искелесийского договора 1833 г.

Подписанная в Балта-Лимане конвенция отнюдь не означала окончательного подавления революционного, национально-осво-

бодительного движения ни в Молдове, ни тем более в Валахии, где местная реакция и турецкие власти реставрировали режим в типичной для послереволюционной Европы крайне правой форме. Вместе с тем, как отметил румынский историк П. Бойку, интенсивность общественного развития в княжествах в 1835—1855 гг. была вдвое выше, чем за двести предшествующих лет. Борьба Молдовы и Валахии за национальную независимость, за объединение усиливалась, приобретала новые формы⁴⁷. На грани крестьянской освободительной войны в 1848—1849 гг. были также Босния и Герцеговина; в 1850 г. восставшие крестьяне ликвидировали в юго-восточных районах Герцеговины османское управление и создали органы национального самоуправления. Реальная база дальнейшего углубления национально-освободительного движения сложилась в Болгарии. В 1850 г. в северо-западной Болгарии с ее компактным в национальном отношении населением вспыхнуло крестьянское восстание. Подавленные войсками Омер-паши, восстание все же имело реальный результат — наделение крестьян земель, хотя и за выкуп. Ни умеренности, ни реформ со стороны турецких властей не было. Новации при подавлении революции 1848—1849 гг. состояли в том, что Высокая Порта наряду с «испытанными» карательными мерами широко пользовалась новыми приемами, характерными для периода реформ после 1839 г. Она объявляла и крестьян-повстанцев в Болгарии и Герцеговине, и феодалов-сепаратистов в Боснии и Ливане бунтовщиками против «благотельных реформ», призванных объединить всех подданных без различия веры и национальности под сенью «единой османской родины». Этот прием встречал поддержку и сочувствие английских, французских, австрийских посланников и консулов в Турции. Постоянно возбуждая в турецких правительственных кругах сомнения относительно готовности России поддерживать целостность османских территорий, Ж. Опи и Ч. Стрэтфорд призывали Порту к «быстрому и эффективному» решению проблем борьбы с повстанческими движениями в Дунайских княжествах, в Ливане, Болгарии, других провинциях. Если в отношении балканских территорий державами искусственно создавалась угроза всеславянского восстания во главе с царем — покровителем православных христиан, то в отношении мусульманских провинций выдвигался тезис близкого крестового похода царя во главе христиан против мусульман, спасение от которого — укрепление связей Турции с европейскими державами, опора на «цивилизованных по-европейски» мирных подданных — католиков и протестантов, тесно связанных торговыми и религиозно-культурными узами с западными державами⁴⁸. Французские консулы действовали в этом направлении на Балканах и в Сирии. Английские — также на Балканах, а кроме того, весьма интенсивно на Аравийском полуострове, где стремились укрепить пошатнувшиеся позиции в Адене и Йемене, воспользовавшись занятостью Порты событиями в Дунайских княжествах. Английские консулы на местах и Ч. Стрэтфорд в Стамбуле прилагали массу усилий к тому, чтобы направить турецкие войска из Юго-Восточной Европы

против аравийского султана Лахеджа (там шла борьба за возвращение Адена арабам) и одновременно против французов, активно внедрявшихся под «шум революции 1848 г.» в Оман, султану которого принадлежало восточно-африканское побережье, один из наиболее привлекательных объектов прямых колониальных захватов. На некоторое время, до начала войны Турции с Россией в 1853 г., лозунги защиты Индии были потеснены призывами к всемерному укреплению британских позиций в Западной Азии. При всей этой сложной, открытой и закулисной борьбе за влияние на Порту, за применение ее сил и власти султана — халифа над миллионами подданных в районах, близких или непосредственно расположенных на пути к ближайшим целям колониальных захватов — в Северной и Восточной Африке, — дипломатия Англии и Франции должна была сохранять благопристойный вид. Благородные лорды, достойные пэры, почтенные граждане в парламентах Лондона и Парижа не могли связывать себя дружественными, столь широко рекламируемыми узами с кровавыми баши-бузуками, душителями болгар, румын, сирийцев. Поэтому и призывали Порту послы этих держав подавить восстания как можно скорее, поэтому и следовало чаще и больше публиковать в Европе статьи об успехах реформ в Турции, о противодействии им со стороны России. Поэтому следовало изображать турецких реформаторов либералами, грудью вставшими на защиту политических эмигрантов в 1849 г.

Впрочем, не следует забывать и о том, что правительственные круги Османской империи имели особые представления о складывавшейся в Европе ситуации и что далеко не всегда они искали решения по рецептам Даунинг-стрит и Кэ д'Орсэ. Примером был вопрос об эмигрантах, в немалой степени осложнивший ситуацию в 1849—1850 гг. и послуживший прологом обострения Восточного вопроса в начале 1850-х годов.

Статус Дунайских княжеств и эмигранты, оказавшиеся в Турции после разгрома Венгерской республики, составили взаимосвязанную проблему международного уровня. Россия, уступив Турции в вопросе о новом статусе княжеств, потребовала в августе 1849 г. выдать поляков — участников восстания 1830—1831 гг., служивших в венгерской революционной армии. С просьбой выдать венгерских повстанцев обратилось к Порте австрийское правительство. Высокая Порта уклонялась от прямого ответа и Петербургу, и Вене. Она изучала возможность «очистить» Дунайские княжества от русских войск силами турецких войск и эмигрантских волонтерских отрядов. Под командованием Омер-паши уже находилось несколько сот бывших повстанцев, готовых сражаться под османскими знаменами где угодно, лишь бы не возвращаться в Россию или Австрию. По предложению Омер-паши, поддержанному Фуад-пашой, эмигрантов, принявших ислам, зачислили на военную службу и частью отправили в Анатолийскую армию, частью привлекли к строительству крепостей на Нижнем Дунае. Они становились полноправными подданными Османской империи. Те из эмигрантов, кто не хотел менять свою веру, в начале сентября 1849 г. были

отправлены на острова Эгейского моря — Крит и Родос. Эти люди становились членами христианских миллетов, т. е. неполноправными, но все же османскими подданными. Поэтому представления России о польских, а Австрии — о венгерских эмигрантах Высокая Порта расценила как вмешательство во внутренние дела. Недовольством Порты в этом вопросе воспользовалась Англия. Без согласования с турецким правительством Ч. Стрэтфорд вызвал английскую эскадру, крейсировавшую у входа в Дарданеллы. Формально, чтобы забрать в Стамбуле (!) на борт «несчастных инсургентов». Фактически, чтобы под жерлами британских пушек заставить наконец «этих ленивцев на Босфоре оторваться от кальяна и подписать на условиях Англии военный договор и соглашение о займе»⁴⁹. Возмущение в Турции нарушением статуса Черноморских проливов было всеобщим. Кое-кто еще помнил, как в 1807 г. старые пушки дарданелльских фортов грозно уставились в борта британской эскадры, втянувшейся в Дарданеллы более чем на двадцать миль. Англичане тогда остановились и вскоре самым малым ходом покинули турецкие воды.

В Петербурге и Вене были получены сообщения из Турции о том, что все эмигранты удалены от русско-турецких и австро-турецких границ. Локальный конфликт, грозивший вылиться в войну, вплоть до 1853—1856 гг. приобрел скрытую, вяло текущую форму.

Итак, политика отстраненности от острых европейских проблем, к которой Высокая Порта попыталась прибегнуть в самом начале революции 1848 г. во Франции и Австро-Венгрии, потерпела неудачу уже к середине 1848 г. Курс на умеренность и реформы с приоритетами танзиматских преобразований разбился о неодолимое стремление балканских народов к свободе и независимости. Вместе с тем довольно гибкое маневрирование на международной арене и использование новых внутривластных установок при значительной разобщенности балканских патриотических, национально-освободительных движений свидетельствовали о том, что османская система обладает еще значительным инерционным моментом, усиленным реформаторством.

Революция 1848—1849 гг. показала османскому центру, что его спасение — в углублении реформ. Балканской периферии — что ее свобода достижима только путем революционной борьбы с османской метрополией.

¹ *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа, вторая треть XIX в. М., 1986. С. 119—139; Международные отношения на Балканах, 1830—1856. М., 1990. С. 218—228.

² *Karal E. Z.* Osmanlı tarihi. Nizam-i cedit ve Tanzimat devirleri (1789—1856). 3-cu baskı. Ankara, 1970. S. 278.

³ *Tarih.* İstanbul, 1933. Cilt 3; *Tanzimat.* İstanbul, 1940; *Soysal T.* Fransız İhtilali ve türk-fransız diplomasi münasebetleri. Ankara, 1964; *İnalçık H.* Tanzimatın uygulanması ve sosyal tepkileri // *Belleten.* Ankara, 1964. Cilt 28. S. 623—649.

⁴ *Kurat A. N.* Türkiye ve Rusya, XVIII yüzyıl sonundan kurtuluş savaşına kadar türk-rus ilişkileri 1798—1919. Ankara, 1970. S. 68—70; *Şakir Z.* Büyük Türk İnkılabı.

- Istanbul, 1956. S. 67—69; *Armaoğlu F.* Siyasi tarih, 1789—1960. Ankara, 1964. S. 118—119.
- 5 *Key K.* An outline of modern Turkish historiography. Istanbul, 1954; *Тодорова М. Н.* Европеизация Османской империи: Постановка проблемы и ее освещение в современной западной и турецкой историографии // Народы Азии и Африки. 1977. № 2. С. 204—210.
 - 6 *Avcioglu D.* Milli kurtuluş tarihi 1830 den 1895e. Istanbul, 1974; *Islamoğlu H., Keyder C.* Agenda for Ottoman History // Review. Binghampton, 1977. V. 1, N 1; *Cem I.* Türkiye'de Gerikalmışlığın Tarihi. Istanbul, 1970; *Yerasimos S.* Azgelişmişlik sürecinde Türkiye. 3-cu baskı. Istanbul, 1977; *Yetkin C.* Etnik ve toplumsal yönleriyle türk halk hareketleri ve devrimler. Istanbul, 1974.
 - 7 *İnalcik H.* Tanzimat ve Bulgar meselesi. Ankara, 1943. S. 2—6; *Baysun C.* Mustafa Reşit paşa // Tanzimat. Istanbul, 1940. S. 723—740; *Karal E. Z.* Gülhane Hatt-i Hümayununda batinin etkisi // Belleten. Ankara, 1964. Cilt 28. S. 581—592.
 - 8 *Yetkin C.* Etnik ve toplumsal yönleriyle... S. 111—115.
 - 9 Польская политическая эмиграция на Балканах в 40-х — начале 50-х годов XIX в. // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1970. Вып. 2. С. 39—68; България и европейските страни през XIX—XX в. С., 1975. С. 65—67; Международные отношения на Балканах... С. 237.
 - 10 *MacFarlane Ch.* Turkey and Its Destiny. Philadelphia, 1850. Vol. 2. P. 1950. О такой же реакции населения по турецким материалам см.: *Kuneralp S.* Bir osmanli diplomati *Kostaki Musurus paşa* // Belleten. Ankara, 1970. Cilt 34, N 195. S. 430.
 - 11 Дешеш В. П. Титова — К. В. Нессельроде, апрель 1848 г. // Архив внешней политики России (далее: АВПР). Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 39. Л. 203—204 об., 216—218, 222; *Розен Д. Г.* История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата в 1856 году. СПб., 1872. Ч. 2. С. 125—126; *Tarih-i Lütfi.* Istanbul, S. a. Cilt 8. S. 159.
 - 12 См. приложение к депешам В. П. Титова К. В. Нессельроде // АВПР. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 42. Л. 108—111.
 - 13 *Ђерић Д.* Илија Гарашанин и хрватска политика у доба револуције 1848—1849 год // Ист. часопис. 1976. Књ. 23. С. 74; Международные отношения на Балканах... С. 235—236.
 - 14 *Милићевећ Ј.* О Босни 1848 године // Ист. гласник. 1973. № 1. С. 109; История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 339—340.
 - 15-16 *Екмећџи М.* Marginalije o srpsko-bugarskim odnosima 1844—1851 // Godišnjak Društva istoričara Bosne i Hercegovine. 1967. S. 128—133; *Димитров С.* Сербия и крестьянское восстание 1850 г. в Болгарии // Etudes balkaniques. 1964. N 1. P. 51.
 - 17 *Karal E. Z.* Osmanli tarihi. S. 219; *Gürel T.* 1853—1856 türk-rus müttefiklerin Kırım savası. Istanbul, 1935. S. 3—4; *Kurat A. N.* Türkiye ve Rusya... S. 68—70; *Duran T.* Türk-rus ilişkilerinde önemli gelişmeleri // Belgelerle türk tarih dergisi. Ankara, 1969. N 25. S. 24; *Derin F.* Osmanli devletinin siyasi tarih // Türk Dunyasi el kitabı. Ankara, 1976. S. 1000—1018; *Ayverdi S.* Türk-rus münasebetleri ve muharebeleri. Istanbul, 1970. S. 198.
 - 18 См.: *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа... С. 147—148.
 - 19 Инструкции К. В. Нессельроде В. П. Титову, апрель 1848 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 43. Л. 340, 342—344.
 - 20 Там же. Л. 361.
 - 21 *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа... С. 124—125.
 - 22 *Journal de Constantinople.* 1848. 12, 14, 18.X.
 - 23 Копии инструкций султана Талаату-паше стали известны В. П. Титову. См. депешы от 5 (17) апреля 1848 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 42. Л. 298—299.
 - 24 [Дюгамель А. О.] Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля. М., 1885. С. 162—163. Текст инструкции Дюгамелю см.: *Авербух Р.* Николай I и европейская революция в 1848—1849 гг. // Красный архив. М., 1931. Т. 17/18. С. 186.
 - 25 *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа... С. 125—126.
 - 26 *Armaoğlu F.* Siyasi tarih... S. 119; *Uçok C.* Siyasal tarih. Ankara, 1960. S. 172.

- 27 Версия о «либерализме» султана и его министров была распространена в отечественной и зарубежной литературе. См.: *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. С. 594—598; *Покровский М. Н.* Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923. С. 114; *Розен Д. Г.* История Турции... Ч. 2. С. 125, 134.
- 28 О расстановке классовых сил и внутренней борьбе в княжествах см.: Международные отношения на Балканах... С. 213—223.
- 29 *MacFarlane Ch. Tutkey*... Vol. 2. P. 201.
- 30 В. П. Титов — К. В. Нессельроде 24 июля (5 августа) 1848 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 42. Л. 473.
- 31 Оригинал с тугрой Абдул Меджида // Там же. Л. 443—444.
- 32 Там же. Л. 470—472.
- 33 Там же. Л. 473.
- 34 В. П. Титов — К. В. Нессельроде 4 (16) сентября 1848 г. // Там же. Д. 43. Л. 81—86.
- 35 Международные отношения на Балканах... С. 214—218.
- 36 Копии донесений В. П. Титова К. В. Нессельроде (1848 г.) // ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1766. Л. 35—37.
- 37 Копии воззваний Сулейман-паши и Фуад-паши к местному населению // ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17762. Л. 159, 173—176; Рапорты командования 5-го пехотного корпуса Николаю I, сент. 1848 г. // Там же. Д. 17763. Л. 2, 5 об., 18.
- 38 Там же. Д. 17762. Л. 143, 144; Международные отношения на Балканах... С. 219.
- 39 [*Дюгамель А. О.*] Автобиография... С. 170; *Inal M. K. Osmanlı devrinde son sadrazamlar. 2-cu baskı. İstanbul, 1955. S. 103—104.*
- 40 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 10.
- 41 Материалы штаба 5-го пехотного корпуса о личных свойствах некоторых турецких военачальников // ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17806. Л. 16—39.
- 42 Подробнее см.: *Шеремет В. И.* Османская империя и Западная Европа... С. 136—137.
- 43 Сообщения о заседаниях в правительстве Османской империи были получены от одного из участников заседаний // АВПР. Ф. Канцелярия. 1848 г. Д. 43. Л. 149—150.
- 44 Там же. Л. 150.
- 45 АВПР. Ф. Отчеты МИД. Отчет МИД за 1849 г. Л. 64; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 127.
- 46 *Юзефович Т.* Договоры России с Востоком: Политические и торговые. СПб., 1869. С. 103—107; Международные отношения на Балканах... С. 226.
- 47 *Boicu L. Austria și Principatele Române în vremea razboiului Crimeii (1853—1856). Buș, 1972. P. 57; История Румынии, 1846—1917. М., 1964. С. 31.*
- 48 Весьма красноречиво они призывали Высокую Порту использовать вооруженных мусульман для подавления христиан прежде, чем их возглавит Россия. См.: *Journal des Débats. 1850. 10. IX.*
- 49 Международные отношения на Балканах... С. 223—234; см. также: *Puryear V. J. England, Russia and the Straits question, 1844—1856. Berkeley; Los Angeles, 1931. P. 159; Lane-Poole S. The life of right honourable Stratford Canning Viscount Stratford de Redcliffe: From memoirs and private and official papers. L., 1888. Vol. 2. P. 208.*

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 г. В ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВАХ И ФРАНЦУЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Э. А. Джапаридзе, Н. В. Кабакова

Многовековая история румынского народа наполнена самоотверженной и длительной борьбой за национальное освобождение от чужеземного гнета.

Революция 1848 г., прокатившаяся по Молдове и Валахии, была одной из волн общего революционного вала, захлестнувшего Европу, но явилась в то же время результатом внутреннего экономического и политического развития княжеств.

В советской историографии только монография Н. В. Березнякова «Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг.» (Кишинев, 1955) посвящена непосредственно революции 1848 г.

Из работ, касающихся в той или иной степени интересующей нас темы, следует отметить монографию В. Н. Виноградова «Очерки общественно-политической мысли в Румынии» (М., 1971) и «Краткую историю Румынии» (М., 1987). В румынской историографии отметим работы, появившиеся в последние годы: А. *Stan*. *Revoluția română de 1848: Solidaritate și unitate națională*. Buc., 1987; *Platon G.* *Revoluția română de la 1848 în viziunea presei europene*. Iași, 1986. Следует выделить также работу болгарского историка С. Дамянова «Френската политика на Балканите 1829—1853» (София, 1977), содержащую сведения, касающиеся непосредственно нашей темы. Некоторый материал содержится и в монографии В. Н. Виноградова «Великобритания и Балканы» (М., 1985) и коллективной монографии «Международные отношения на Балканах, 1830—1856» (М., 1989).

После Адрианопольского мира Дунайские княжества вступили в новый исторический этап. Появились условия для более быстрого экономического, политического и культурного развития. Была принята первая конституция — Органические регламенты, свидетельствующая о начавшемся процессе превращения Молдовы и Валахии в буржуазные государства. Однако в самой основе Органических регламентов были заложены глубокие противоречия. Они давали некоторую возможность развитию новых отношений, способствовали более быстрому переходу экономики княжеств к капиталистическому способу производства и в то же время укрепляли экономическую базу феодального государства. Поэтому менее чем за десять лет Органические регламенты изжили себя. Передовая часть населения княжеств стала смотреть на них как на символ застоя.

Два десятилетия, предшествовавшие революции 1848 г., подняли общественно-политическое движение в княжествах на более высо-

кую, качественно новую ступень, когда национальные и политические идеалы объединились с задачами социального преобразования. «Регламент со всеми своими недостатками все же утвердил некоторые полезные принципы и стал орудием прогресса, национальный политический дух окреп... Образуется молодая Национальная партия из прогрессивных слоев наших бояр», — писал Н. Бэлческу¹.

В рассматриваемый период в княжествах существовала определенная, довольно устойчивая группа людей (так называемая Национальная партия), выдвигавших национальные и социально-политические требования. Люди, которые составляли ядро этой партии, принимали активное и непосредственное участие в общественно-политической жизни княжеств, выдвинули программу революционных преобразований, отдали много сил подготовке революции, разработали ее план и тактику. Национальная партия использовала как легальные, так и нелегальные формы борьбы.

С 1843 г., с момента создания общества «Фрэция», а затем «Общества румынских студентов в Париже», начинается сознательная и планомерная подготовка революции. При этом руководители движения делали ставку на помощь извне и были склонны сотрудничать не только с демократическими и революционными, но и с правящими кругами Запада. Поскольку одной из целей движения было освобождение от царского протектората, свои надежды они возлагали на помощь стран, враждебных России. Особое место в этих планах отводилось Франции, с которой княжества были особенно близки в силу своего латинского происхождения и языковой близости.

В свою очередь, после революции 1830 г. Франция активизировалась на Балканах, в частности в Дунайских княжествах. В стремлении укрепить здесь свои позиции она ориентировалась на интеллигенцию и молодежь. Французское влияние на общественную мысль в княжествах распространялось различными путями: через непосредственное общение с представителями французской общественности, через французскую литературу, очень там популярную, прессу, школы. О его росте в 30—40-е годы свидетельствуют многие источники. Франция особенно усилила идеологическое влияние на духовную жизнь княжеств. Широкое распространение получила здесь французская культура, передовая общественно-политическая и философская мысль.

Появилось большое количество переводов видных французских мыслителей и писателей (Вольтера, Монтескье, Мирабо, Монтеня, Делилля, Ламартина, Бальзака, Гюго, Руссо, мадам де Сталь и др.). Французский язык из языка официального и салонного становится языком обучения. В княжествах открывается несколько французских пансионов: В. Г. Тура в Яссах, Пулье в Брэиле, Л. Кулена и Жеанелони в Бухаресте, в последнем преподавал Ж. Ваян. В Яссах и Бухаресте французами были открыты школы для девочек². Выпускаются румыно-французский и французско-

румынский словар. В 1836 г. Ж. Ваян * издал валашскую грамматику, которая, по его словам, должна была сблизить оба народа так, как он сблизил два языка³.

«Франция — сестра наша великая стояла у истоков наших больших политических свершений. Париж зажег огонь румынской национальности в своих школах, объединил и оказал поддержку. Влияние французское у нас в крови»⁴, — писал И. Бреазу.

Эти настроения подогревались живущими в Молдове и Валахии французами и французской прессой. «В княжествах говорят и пишут только по-французски, читают книги только французские, в театр ходят только на французские пьесы»** — с удовлетворением отмечал в своем донесении из Бухареста французский консул Дюкло⁵.

В конце 1845 г. в столице Франции по инициативе представителей Молдовы (М. Когэлничану и С. Вырnavы) и Валахии (И. Гики и К. Росетти) было создано Общество румынских студентов в Париже. Своей целью оно объявило содействие в продолжении образования талантливой молодежи, «которая могла бы оказать родине большую помощь». Но эта цель не была главной и тем более единственной. Официальные круги княжеств рассматривали эту организацию как опасную и принимали меры, чтобы помешать отъезду молодежи на учебу во Францию.

Общество румынских студентов находилось под покровительством французского поэта и общественного деятеля А. де Ламартина. В него входили не только студенты, но и известные общественные деятели. На заседаниях Общества обсуждали все «больные» вопросы Молдовы и Валахии.

Большое влияние на формирование взглядов румынской молодежи имели лекции французских профессоров Эдгаре Кине и Жюля Мишле, в которых они говорили об идеях свободы и демократии, выступали против иностранного господства и прославляли национальные движения. В своем курсе по национальной проблеме Ж. Мишле рассматривал революцию как единственный путь создания государства. Когда французские профессора за свои демократические взгляды были отстранены от чтения лекций, румынские студенты участвовали в манифестациях в их защиту. В честь Э. Кине они устроили митинг, где с пламенной речью выступил Дм. Брэтиану.

* Ж. Ваян, француз, приехал в Валахию по приглашению господаря в 1829 г. Преподавал в коллеже Св. Саввы в Бухаресте, среди его учеников было много будущих деятелей революции 1848 г. (Н. Бэлческу, К. Росетти и др.). Активно участвовал в общественно-политической жизни княжеств. Был одним из руководителей заговора 1840 г. (заговор Дм. Филипеску) в Бухаресте и 1841 г. (сыны колонии Траяна) в Яссах. Был выслан из княжества навечно. Автор трехтомника по истории, литературе княжеств (*La Romanie ou Histoire langue, littérature, orthographe statistique des peuples de la langue d'or Ardialiens, Valaques et Mondaves, résumés sous le nom de Romans*. P. 1844. 3 v.) В конце жизни Ж. Ваян был избран почетным членом Академии.

** Следует учесть, что все это относится к образованной части общества, так как крестьянство, основная часть населения княжеств, было неграмотно.

Члены Общества делали много для того, чтобы привлечь внимание французской общественности к своей родине, многие из них сотрудничали во французских газетах и журналах, помещая статьи о Молдове и Валахии (*National*, *Revue des Deux Mondes*). Об этой стороне деятельности Общества пишет в своих воспоминаниях один из его членов: «Мало кто в Европе знал о далеких наших княжествах, мы старались через французские газеты, влиятельных политических деятелей рассказать о них, привлечь внимание европейской общественности»⁶. Не без их влияния опубликовали свои статьи и книги о Молдове и Валахии французы Ж. Ваян, Ф. Кольсон, П. Батайяр, Тавернье и другие, в которых знакомили западноевропейского читателя с историей и культурой Дунайских княжеств⁷.

К. Росетти, один из основателей Общества и его секретарь, был активным сотрудником журнала «Ecole» (основателями его были Блан и Прудон). Братья Ион и Дмитрий Брэтиану и К. Росетти принимали активное участие в Обществе для иностранцев (*L'Athenée des Etrangers*). Здесь они познакомились с известными прогрессивными политиками республиканского толка Ф. Бастиа, О. Баро и др.

Несмотря на то что Общество румынских студентов находилось на территории другого государства, оно имело тесные связи с революционными организациями Молдовы и Валахии. После разгрома «Патриотической ассоциации» в Молдове ее руководители Т. Рышкану и В. Мэлинеску бежали в Париж, где активно включились в работу Общества.

Знаменательным событием в жизни Общества был новогодний вечер 31 декабря 1847 г., на котором Н. Бэлческу выступил с программной речью. Главную цель борьбы он определил как национальное объединение румын, объединение сначала мыслей и чувств, которое затем приведет к политическому объединению. Под руководством Н. Бэлческу Общество становится центром идеологической подготовки будущей революции на родине.

Вспыхнувшая в феврале 1848 г. революция в Париже не оставила румынскую молодежь равнодушной. Ее представители находились в отряде Э. Кине, который штурмовал Тюильри. Румынская молодежь во главе с Н. Бэлческу восторженно приветствовала провозглашение республики. Молодые румыны ходили приветствовать Временное правительство. Газета «*Constitutional*» писала, что румыны пришли в отель «*Ville de Paris*» со своим трехцветным флагом. От имени Временного правительства их приветствовал Филипп Буше: «Мы не удивлены, что Вы находитесь с нами на баррикадах во Франции, принцип братства наций был провозглашен нами давно, и Вы должны нас считать братьями»⁸. Молодые румыны предложили французскому правительству создать легион для защиты революции, собирали деньги и медикаменты для раненых⁹.

Французская пресса в этот период уделяла особое место княжествам. В многочисленных статьях говорилось об истории страны, развитии национального самосознания, о роли румын в защите

европейской цивилизации. Дунайские княжества рассматривались как единое целое. Проблема княжества называлась в числе главных проблем Юго-Восточной Европы. Следует подчеркнуть, что положение об едином, национальном и независимом румынском государстве подавалось европейскому общественному мнению в контексте, враждебном царской России¹⁰.

Рассмотрим теперь, как складывались взаимоотношения республиканской Франции с революционным движением в Дунайских княжествах.

Революция 1848 года изолировала Французскую республику от всех государств Европы. Поэтому перед французской буржуазией наряду с укреплением политического господства внутри страны встала важная задача упрочения ее внешнеполитических позиций. Это заставляло дипломатию страны действовать особенно активно. Наиболее враждебно к Французской республике относилась феодально-монархическая Европа, которая видела в ней источник «социальной заразы», распространившейся и на другие страны (Германию, Австрию, Италию). Поэтому Франция прилагала все усилия для того, чтобы расстроить союз России, Австрии и Пруссии и предотвратить их интервенцию против республики. Этой задаче были подчинены все дипломатические действия и в Юго-Восточной Европе. Балканская политика Второй республики, по существу, не отличалась от внешней политики июльской монархии.

Временное правительство республики выступало с торжественными декларациями, в которых выражалось сочувствие освободительным движениям других наций. Тем не менее контакты, которые оно установило с революционными движениями других стран, были продиктованы отнюдь не желанием объединиться для борьбы с европейской реакцией. Франция рассматривала революцию в Германии, Австрии и Италии как средство отвлечения внимания феодально-монархической Европы от своих проблем. Министр иностранных дел Франции Ламартин поспешил успокоить ее, заявив, что республика не намерена вести революционных войн или пропаганды в соседних государствах. Конфиденциально он заверил в том же Николая I, прусского короля, римского папу и английское правительство¹¹.

Что касается балканской политики Франции, то нигде так ярко не проявился демагогический характер ее внешнеполитических принципов, как в Юго-Восточной Европе. Провозгласив право наций на самоопределение одним из первых пунктов своей внешнеполитической программы, Французская республика без колебаний выступила против национально-освободительной борьбы на Балканах. Между тем прогрессивные, свободолюбивые идеи февральской революции во Франции всколыхнули балканские народы, попав на почву, подготовленную всем экономическим и политическим развитием Юго-Восточной Европы первой половины XIX в. Образное выражение К. Маркса о том, что галльский петух пробуждал к активной политической жизни европейские народы¹², с полным правом может быть отнесено и к народам Юго-Восточной Европы.

Наиболее сильное влияние французские революционные идеи оказали на Молдову, Валахию и Трансильванию.

Официальная же Франция, как и прежде, руководствовалась в своей внешней политике на Балканах принципом территориальной целостности Османской империи, что практически означало для балканских народов сохранение османского ига. Направление балканской политики Франции было четко обозначено в специальной общей инструкции всем ее консулам на Балканах: «... не поднимать другого знамени, кроме знамени Османской империи. Только под это знамя должны объединиться все подданные султана, только под этим знаменем Франция обещает им улучшение их положения и прогресс»¹³.

Французская дипломатия на Балканах избрала базой распространения своего влияния Дунайские княжества и в борьбе за ослабление влияния там России использовала метод противопоставления интересов славянских и неславянских народов. Французские консулы в княжествах внушали жителям Молдовы и Валахии, что у них нет ничего общего со славянами — сербами и болгарами, культивировали распространявшееся в эти годы мнение об исключительности молдаван и валахов, об их принадлежности к латинской расе и, следовательно, близости к романским странам. Под французским влиянием в Дунайских княжествах сложилось скептическое отношение к планам Сербии об объединении трех дунайских государств. Французские консулы поддерживали любую оппозицию, которая ориентировала Дунайские княжества на западные державы, распространяли слухи о том, что Россия провоцировала и поддерживала выступления болгар, сербов и греков, проживавших на территории княжеств¹⁴. Все это делалось для того, чтобы подчеркнуть неприязненное отношение России к княжествам и ее близость к славянским народам.

Политика Франции оставалась прежней, однако обстановка в княжествах резко менялась. Долго зревшее недовольство феодальными порядками, гегемонией крупного боярства, произволом и самовластием господарей вылилось наружу. Ощутимое влияние на развитие событий оказало начавшееся революционное движение в европейских странах, особенно во Франции и Австрии. Но они не предопределили событий в княжествах, а лишь ускорили революционный взрыв. «Всеобщая революция в Европе была лишь поводом, а не причиной революции в румынских княжествах», — подчеркивал Н. Бэлческу¹⁵.

Значительную роль в складывании революционной ситуации в княжествах сыграли экономические трудности 1847—1848 гг.: засуха, падеж скота, голод, эпидемия холеры в Валахии. В 1847 г. в Бухаресте вспыхнул пожар, нанесший ущерб более чем в 100 млн лей. С осени 1847 г. отказ от барщины, бегство и выступления крестьян против помещиков не прекращались¹⁶. Накалялась политическая атмосфера. Открытый конфликт боярства с князем и междоусобные раздоры в его среде являлись проявлением кризиса, охватившего к этому времени верхушку общества.

Суровое подавление правительством всякого социального конфликта поднимало на борьбу новые силы. Все слои населения Молдовы были недовольны деспотическими методами правления господаря М. Стурдзы. «Слава» о его казнокрадстве и злоупотреблениях вышла за пределы страны. Опытный политик М. Стурдза заранее принял меры борьбы с «мятежом» и сформировал отряд иноземных наемников¹⁷.

Барон Рихофен, генеральный консул Пруссии, и консул Франции Геру в марте 1848 г. в беседе в господарем Молдовы выражали свое беспокойство по поводу волнений, происходящих в княжестве, которые, по их мнению, могли вылиться в события, подобные происходившим тогда в Европе, и советовали Стурдзе собрать Чрезвычайное собрание. Господарь заверил их, что нет причин для беспокойства и предложенные западными консулами меры невозможны, так как он не является независимым правителем и в своих действиях руководствуется договорами России и Порты¹⁸.

Под влиянием революции на Западе в Яссах и других городах Молдовы состоялись многочисленные собрания, среди которых выделялось созданное 27 марта в яесской гостинице «Петербург». В нем приняли участие более 1000 человек, в их числе мелкие и крупные бояре, купцы, ремесленники, прибывшие из разных районов Молдовы¹⁹. Собрание избрало комитет, который сформулировал требования в виде «петиции-прокламации» и вручил их господарю.

В 35 пунктах петиции выдвигались требования неприкосновенности личности, отмены телесных наказаний и цензуры, преобразования школы, введения ответственного министерства, освобождения политических заключенных, роспуска отрядов иностранных наемников, создания национальной гвардии и др.²⁰ Об отмене барщины и наделении крестьян землей не говорилось ни слова. Высказывались только общие пожелания улучшить положение крестьян, урегулировав их отношения с помещиками и правительством. В петиции был обойден вопрос и об объединении княжеств, не было ничего сказано не только о борьбе за независимость, но даже о расширении автономии. Умеренность документа в социальных вопросах объяснялась характерной для Молдовы спецификой: каждый второй представитель буржуазии был иностранным подданным, пользовавшийся привилегиями в соответствии с капитуляционными соглашениями Османской империи со странами Западной Европы.

Несмотря на то что господарь М. Стурдза принял большинство пунктов петиции, конфликт не затухал. Среди участников движения произошел раскол. Наиболее решительные (Ион Гика, Александр Маврокордат и др.) требовали распространить петицию среди жителей Ясс и поднять их на вооруженную борьбу. Более умеренные выступали против обращения за помощью к народу. Захария Молдован призывал горожан провозгласить республику. Отмечались и попытки привлечь к движению крестьян, пообещав им улучшение их участи. Но, так как молдавские революционеры не имели четкой социальной программы по аграрному вопросу, повести за собой крестьян и городские низы им не удалось.

Поздно ночью 28 марта М. Стурдза приказал своим сыновьям с помощью милиции провести аресты противников режима. Было произведено около 300 арестов, 13 «зачинщиков» были отправлены через Галац в турецкие крепости. Некоторые из них по дороге бежали и пробрались в Трансильванию²¹. Там и в Буковине (т. е. на территории Австрийской империи) обосновалась значительная часть эмигрантов, выработавших два важных документа. Первый — «Наши принципы для преобразования родины» (май 1848 г., Брашов). Составила этот документ группа молдавских революционеров во главе с К. Негри и З. Молдовану²². В августе того же года в Черновцах вышла брошюра М. Когэлничану «Пожелания национальной партии в Молдове»²³. Эти документы выдвинули широкую программу буржуазно-демократических реформ. Одной из важнейших проблем, стоявших перед княжествами, авторы обоих документов считали их объединение.

После проведенных в Яссах арестов, М. Стурдза заявил жителям Молдовы, что «недостойные люди с мятежным складом ума» утихомирены, планы заговорщиков сорваны, спокойствие восстановлено²⁴. Но господарь поторопился с этими заявлениями. «Всеобщий ропот распространяется в крае всевозможными средствами», — сообщает А. Кола и пишет, что «в Черновцах напечатано большое число брошюр вроде воззвания, в которых описываются противозаконные действия господаря». В заключение высказана укоризна «покровительствующей и владетельной Державам» (т. е. России и Османской империи) за снисхождение к правителю Молдовы. Кола пишет: «Два экземпляра брошюр уже в Галаце, уверяют, что множество таковых выслано по цынутам»²⁵. Движение перешло в деревню. Со всех концов княжеств шли сведения о том, что крестьяне начали делить барские земли, отказывались выполнять барщину, выступили против судебных властей. В ряде уездов крестьяне начали вооружаться. М. Стурдза направил в села войска и обратился к Николаю за помощью. Просьбу господаря Стурдзы поддерживал консул К. Е. Коцебу, который считал, что «... нельзя быть уверенным в восстановлении общего спокойствия жителей», пока не будет оказано надежное содействие и со стороны пашей. Коцебу писал, что сам «охотно бы исполнил желание его светлости переводом некоторого числа войск в княжества собственно для народного успокоения»²⁶.

В апреле в княжества был направлен чрезвычайный комиссар А. О. Дюгамель, получивший от царя самые широкие полномочия вплоть до вызова русских войск. Одновременно с Дюгамелем в княжества прибыл турецкий комиссар Талаат-паша.

Как только началась революция в Валахии, Дюгамель отдал приказ генералу Д. А. Герштенцвейгу перейти границу Молдовы, чтобы сделать невозможным там новый подъем революционного движения *.

* Это распоряжение Дюгамеля не встретило одобрения С.-Петербурга. Царь понимал, что введение войск для подавления революционного движения неизбежно подрвет

28 июня в Яссы вступили войска царской России. Присутствие войск приостановило развитие революционных событий.

О революционных событиях в Молдове подробно информировал свое правительство французский консул в Яссах Геру. По его мнению, администрация княжества своей политикой провоцировала многочисленные проявления недовольства. Геру считал, что под царским протекторатом и сюзеренитетом Порты автономия княжества была иллюзорной, в подобной ситуации не могло быть и речи о какой-либо эффективной реформе²⁷. Тем не менее дипломат считал революционные действия в Молдове необдуманными и несвоевременными, а позицию господаря назвал шаткой. По мнению Геру, царское правительство не должно было вводить войска²⁸. Он полагал, что Австрия попытается компенсировать за счет румынских княжеств свои территориальные потери в Италии, и Франции останется сожалеть, если румынские княжества станут выкупом за Италию, так как при этом французскому влиянию и торговле будет нанесен большой удар. Об этом же писала французская газета «*Siècle*»²⁹.

События в Молдове получили широкое освещение во французской прессе. 21 апреля 1848 г. в «*Journal des Débats*» в корреспонденции из Константинополя волнения в Молдове оценивались как серьезные и проникнутые стремлением изменить положение в княжествах к лучшему. «Жестокость, с которой было подавлено движение в Яссах, вызвала всеобщее негодование. Город опустел, многие бежали из княжества»³⁰. 2 мая 1848 г. тот же «*Journal des Débats*» отмечал, что «заговорщики в Яссах хотели сместить господаря Стурдзу, провести реформу и освободить страну от русского протектората»³¹.

За оккупацией русскими войсками Молдовы последовало коллективное заявление: консулов Франции и Пруссии Государственному Совету Молдовы, консулу России и комиссару Высокой Порты о том, что французский и прусский консулы слагают с себя полномочия, поскольку не могут находиться при правительстве, которое подчиняется не Османской империи. Французский консул сообщил в Париж министру иностранных дел 2 июля 1848 г. о намерении покинуть свой пост в Яссах³².

Революционное движение в Молдове так и не переросло в революцию. Причин для этого было довольно много — слабость буржуазии, отсутствие руководящей организации (Патриотическая ассоциация, которая могла бы возглавить революцию, была разгромлена в 1846 г.), раскол среди молдавских революционеров, оккупация княжеств.

По-иному развивались события в Валахии. Руководящее ядро валахской революции составило поколение, обучавшееся на Западе, главным образом во Франции, вступившее в активную политическую

русское влияние, поэтому он колебался в выборе средств. Генералу был отдан приказ вернуть войска обратно за Прут. Но нарастание революции в Валахии заставило Николая I вновь вернуть русскую оккупационную армию в Молдову.

жизнь в 40-х годах, так называемое пашоптистское поколение, готовое воплотить в жизнь в княжествах лозунг Французской революции «Свобода, равенство и братство». Руководители валашской революции рассчитывали, что Франция придет к ним на помощь, и соответственно строили свои политические планы.

Еще 8 (20) марта 1848 г. в Париже члены Общества румынских студентов обсуждали план действий и программу будущей революции. Валашские революционеры направили министру иностранных дел Франции А. де Ламартину письмо с просьбой о поддержке. Братья И. и Д. Брэтиану перед отъездом из Парижа встречались с ним лично. Они были убеждены, что достаточно было обещания со стороны Франции поддержать княжества вооруженной силой, чтобы предотвратить вмешательство России³³. Сам вопрос о выступлении связывался с позицией Парижа. Братья Брэтиану предлагали следить за развитием событий во Франции и подождать ее помощи. Н. Бэлческу, учитывая рост революционных настроений в стране, предложил выступить 11 (23) мая, в первый день Пасхи³⁴.

Вскоре члены Общества выехали в княжества. Н. Бэлческу, возвращаясь на родину через Германию, встретился в Ганновере с А. Чарторыйским, который обещал прислать оружие и военного польского инструктора для помощи румынской армии. Чарторыйский сообщил Бэлческу о своем свидании с А. де Ламартином, который от имени французского правительства обещал поддержку революционным выступлениям поляков и румын, в том числе и оружием*. Но надежды на французскую поддержку оказались иллюзорными³⁵.

В мае 1848 г. в революционный комитет вступила группа умеренной буржуазии во главе с братьями Голеску и И. Элиаде-Радулеску. Присоединение этой группы расширило социальную базу комитета, объединив все силы, выступавшие против господаря. С другой стороны, это присоединение имело и свои минусы, так как Элиаде по своим политическим взглядам охотно шел на компромисс с боярством, а его протурецкая ориентация затрудняла деятельность комитета.

17 мая был окончательно сформирован Революционный комитет. В него вошли А. Голеску-Негру, Н. Бэлческу, И. Гика, К. Росетти, братья Брэтиану, Ч. Боллиак, И. Элиаде. Была создана также исполнительная комиссия (Н. Бэлческу, И. Гика и А. Голеску) со всей полнотой власти по подготовке революции³⁶. В первые же дни революцией Комитет обратился с письмом к друзьям из Франции:

* Интерес к валашской революции у Ламартина ограничивался тем, что он послал своего агента Луи Мандля в княжества, чтобы тот оценил политическую ситуацию в них. В своем отчете агент сообщал, что «... вся интеллигенция княжеств поднялась против существующей администрации, готова совершить революцию и могла бы даже рассчитывать на счастливый конец, если бы угроза русской интервенции не стояла бы перед ней ежеминутно» (*Jon Ghica. Amintiri din pribegia după 1848. Craiova, 1940. P. 18—19; Jordache A. Apărarea autonomiei Principatelor române 1821—1859. Buc., 1987. P. 479—480*).

«Вся наша надежда теперь на вас, на нашу вторую родину. Франция взрастила нас... мы вместе боролись на ее баррикадах»³⁷.

Комитет провел большую организационную работу по подготовке восстания. Закупалось оружие, в Бухаресте создавались вооруженные группы по 10—20 человек. Во многие районы Валахии были посланы специальные эmissары, которые должны были поднять революционные силы. Окончательно выступление было намечено на 9 (21) июня и должно было одновременно произойти в уездах Вылча и Прахова, в Бухаресте и Ислазе (Олтении). Революционный комитет выработал программу, которая предусматривала административную и законодательную независимость (т. е. автономию княжеств), провозглашала равенство всех граждан перед законом, отмену титулов и рангов, создание ответственного министерства, образование национальной гвардии, свободу слова, собраний, печати, введение прогрессивного подоходного налога, всеобщее обучение всех детей до 12 лет, отмену рабства цыган, проведение прямых и свободных выборов в учредительное собрание. Господаря предлагалось избирать на пять лет. Большой победой входившего в комитет революционного демократа Н. Бэлческу было включение в программу 13-го пункта, предусматривающего отмену феодальных повинностей крестьян и наделение их землей за выкуп. «Данная статья, — по мнению Н. Бэлческу, — представляет особую и главную черту революции 1848 года»³⁸. Несмотря на некоторые недомолвки, это был выдающийся документ буржуазно-демократического характера.

С самого начала революции в Валахии отчетливо прослеживалось несколько общественно-политических направлений, по-разному стремившихся решить назревшие проблемы: либеральное, во главе которого стояли будущие руководители либеральной партии К. Росетти и братья И. и Д. Брэтиану, представлявшие интересы крупной буржуазии и либерального боярства, возглавляемое И. Элиаде-Рэдулеску, и — революционное во главе с Н. Бэлческу.

Выступить одновременно в разных частях страны не удалось. В селении Ислаз выступление 9 (21) июня увенчалось успехом. От имени Революционного комитета Элиаде зачитал собравшимся крестьянам революционную программу (известную как «Ислазская прокламация»). Священник Р. Шапкэ произнес проповедь, в которой призвал бога избавить народ от «произвола клаки» (барщины). Собравшиеся восторженно приветствовали программу и проповедь и тут же присягнули ей. Было образовано Временное правительство, в которое вошли И. Элиаде, Шт. Голеску, Хр. Телль, П. Плешояну и Р. Шапкэ. Вести о начавшейся революции распространились по всей Олтенции, народ с радостью встретил Ислазскую прокламацию, трехцветные знамена развивались на улицах городов.

В то время как народ ликовал, Временное правительство обратилось к валахскому господарю Георге Бибеску с адресом, в котором заверяло его в том, что встало во главе «стихийно вспыхнувшего восстания», стремясь не допустить его вырождения в анархию, и призывало князя подписать Ислазскую прокла-

мацию³⁹. В Крайове Элиаде принял депутацию бояр, которым пообещал убедить своих товарищей изъять из программы 13-й пункт. И действительно, почти все члены Временного правительства согласились с ним.

Господарь Г. Бибеску, напуганный разыгравшимися событиями, подписал прокламацию, которую стали теперь называть Конституцией⁴⁰. Вскоре было образовано новое правительство. Ключевые посты в нем заняли умеренные. Н. Бэлческу был введен в правительство на правах государственного секретаря, ему же было поручено заниматься внешними делами. Умеренные считали революцию законченной и были готовы к компромиссу с боярством. Когда развернулись события в Бухаресте, Временное правительство поспешило ознакомить Европу с действительным положением дел в княжестве, надеясь, что западные страны признают новую Валахию и воспрепятствуют интервенции. 13 июня 1848 г. Н. Бэлческу известил консулов в Бухаресте, что принята новая конституция, и выразил желание «поддерживать добрые отношения со всеми»⁴¹. 14 июня министр иностранных дел И. Войнеску 2-й нанес визиты иностранным консулам, информируя их о низложении Г. Бибеску, о составе нового правительства, и пригласил их на торжества 15 июня на Филаретовом поле (поле Свободы). Консулы отказались принять участие, ссылаясь на отсутствие инструкций от своих правительств⁴².

В тот же день И. Войнеску 2-й известил как «равный равного» министра иностранных дел Франции о событиях в Валахии и просил помощи против внешней интервенции⁴³. Валашские революционеры надеялись, что Франция и Германия помогут им не допустить оккупации страны⁴⁴. В ответ на просьбу о помощи Ламартин писал, что, «будучи только членом правительства, не может ничего предложить, кроме своих чувств»⁴⁵.

Временное правительство послало своих представителей И. Гику в Константинополь и А. Голеску в Париж. Там Голеску повторил просьбу о политической поддержке и возможной помощи деньгами, оружием и специалистами для организации управления и национальной обороны княжеств. Голеску принимал Кавеньяк. «Он не обещал большой помощи нашему делу: „При нашем положении мы не можем дать вам оружие,“ — заявил он мне», — писал Голеску из Франции своему правительству. Еще более враждебным был ответ военного министра Франции Ламорисьера: «Что вы, я не признаю вашего Временного правительства. Наше правительство признает право России вступить в Молдову и Валахию»⁴⁶.

Посол Франции в Константинополе генерал Опик отнесся к валашскому представителю лично с симпатией, но в своих инструкциях французскому консулу в Бухаресте советовал убедить валахов поддерживать порядок и ждать, когда Франция сможет заняться судьбою Дунайских княжеств⁴⁷. Генерал Опик советовал турецкому правительству принять валашскую революцию, убеждая его, что идеи валашских либералов ни в коей мере не опасны для Порты. Валашская революция, утверждал Опик, была направлена

против русского протектората и поэтому только усиливала позиции сузеренной державы. В интересах Порты было предотвратить любую интервенцию против княжеств. Особенно решительно французский посланник выступал против совместной оккупации Молдовы и Валахии Россией и Турцией. Союз этих двух держав не отвечал интересам Франции. Опик убеждал Порту, что совместная оккупация будет большой ошибкой. Он советовал турецкому правительству «избежать любой ценой вооруженной оккупации Дунайских княжеств — как самой, так и совместно с Россией, а в случае, если Россия оккупирует сама, протестовать и обратиться по этому поводу к дружественным державам»⁴⁸.

Вслед за радостью победы последовали тревожные дни. В Бухаресте назревал контрреволюционный мятеж боярства. По городу распускались слухи, что «в страну вторглись иностранные армии, турецкие и русские войска, чтобы восстановить порядок в революционной Валахии...»⁴⁹. Левое крыло валашского руководства требовало вооружить народные массы. И. Элиаде настаивал на том, чтобы правительство покинуло город. В ночь на 29 июня вместо того, чтобы «вынести знамя на площадь и барабанным боем созывать народ», как предлагал Бэлческу⁵⁰, министры оставили Бухарест и бежали в Карпаты. Бегство правительства было крупной политической ошибкой. В это время непосредственной опасности ввода русских войск не существовало. Как раз в эти дни царь писал: «Укротив мятежи в Молдавии, я хочу воротить войска свои и ни в коем случае не переходить Серет и не вступать в Валахию»⁵¹. Утром 29 июня митрополит Неофит известил народ, что «бунтовщики» покинули столицу и старый режим восстановлен. Была создана каймакамия (наместничество) из двух крупных бояр (Т. Бэляну и Е. Вакареску). Старой администрации предписывалось вернуться на свои посты, сжечь все декреты Временного правительства и придерживаться впредь положений Органического регламента.

Но торжество бояр длилось всего два дня. На защиту революции поднялся народ. Испуганное революционным подъемом масс, городское купечество направило Неофиту делегацию с требованием вернуть беглецов⁵². Новая вылазка реакции окончилась полным провалом, жители столицы защитили революцию.

Революционное руководство провело несколько полезных и значительных мер: освободило политических заключенных, предоставило гражданские права евреям и другим иноверцам, отменило боярские звания, провозгласило свободу слова, собраний, печати, ликвидировало цензуру, было принято решение о создании национальной гвардии⁵³, образована добровольческая регулярная армия во главе с Г. Магеру. Перед правительством стояли два важнейших вопроса — аграрный и выборы в Учредительное собрание.

14 июля был опубликован декрет о созыве Учредительного собрания путем всеобщих двухступенчатых (Н. Бэлческу предлагал прямые) выборов.

Крестьянство больше всего волновал вопрос о земле — ликвидации феодальных повинностей и получении в собственность

наделов. Только кардинальное решение аграрного вопроса могло породить тот революционный подъем, который был необходим для отпора внутренней реакции и отражения возможного иноземного нашествия.

Временное правительство оттягивало проведение аграрной реформы и призывало крестьян до созыва Учредительного собрания выполнять свои обязанности перед земледельцами, что вызвало резкое и растущее недовольство. Волна антибоярских выступлений прокатилась по всей Валахии⁵⁴.

В середине июля в деятельности Временного правительства на первый план выдвигаются вопросы внешней политики. Международное положение Валахии было довольно сложное.

Соотношение революционных и реакционных сил в Европе складывалось в пользу последних. Поддержка со стороны Франции, на которую рассчитывало руководство Валахии, отсутствовала. Существовала серьезная опасность вмешательства султанской Турции и царской России.

Правительство, пытаясь сыграть на противоречиях между царизмом и Портой, заигрывало с турками со дня принятия Ислазской прокламации. Сторонники Элиаде неустанно говорили об «общих интересах валахов и султана» и «защите традиций добрососедских отношений». Элиаде даже высказывался в пользу «конфедерации между двумя странами на базе старых договоров»⁵⁵.

Протурецки настроенные И. Элиаде и И. Гика хотели добиться невмешательства Порты в события в Валахии. В Константинополь была срочно послана дань, с выплатой которой не спешил князь Г. Бибеску.

Протурецкая ориентация Временного правительства наносила большой ущерб делу революции. Зная резко отрицательное отношение Турции к идее объединения княжеств, Временное правительство не включило это требование в программные документы, хотя этот вопрос широко обсуждался общественностью⁵⁶.

Опасаясь потерять влияние в Дунайских княжествах, царское правительство предпочитало, чтобы молдово-валашскую революцию подавили турки. Поэтому Николай I и К. В. Нессельроде неоднократно предлагали султану восстановить законный порядок. Порта же рассчитывала использовать революцию для подрыва позиции России, этим объясняется ее нежелание принять предложение последней⁵⁷.

Вступление царских войск в Молдову заставило Турцию принять решение. Оно было однозначным — в пользу сотрудничества с Петербургом.

Высокая Порта направила в Валахию своего комиссара Сулейман-пашу, бывшего посланника в Париже, опытного военного и дипломата, хорошо известного в политических кругах Запада.

19 июля 20-тысячный турецкий корпус переправился через Дунай в Джурджу. Русское правительство поспешило специальной нотой известить европейские дворы, что оно оправдывает действия Порты и собирается последовать ее примеру⁵⁸.

Правительство не собиралось поднимать народ на борьбу с интервентами, а, напротив, обратилось к народу с воззванием, в котором говорилось, что «...войска пришли не с враждебными намерениями, а только с одной целью — защитить наши вечные права и установить законный порядок... Правительство просит вас не забывать, что Высокая Порта имеет с нами дружеские отношения. Румыны, будьте спокойны и миролюбивы»⁵⁹.

Начавшаяся турецкая интервенция вызвала в Валахии взрыв возмущения. 20 июля на поле Свободы состоялось 30-тысячное собрание жителей столицы и крестьян окрестных деревень. Участники собрания решительно требовали вывода турецких войск из Валахии, заявив, что в случае отказа считают себя свободными от всех обязательств перед Портой⁶⁰. Специальная депутация передала Сулейману текст протеста с тысячами подписей. В ответ на это на следующий день еще 12 тыс. турецких солдат переправились на левый берег Дуная. Сулейман-паша от имени Высокой Порты потребовал распустить Временное правительство, назначить наместника, прекратить деятельность вновь созданных учреждений. На размышление было дано 24 часа⁶¹. По требованию турецкого правительства 28 июля власть была передана наместничеству из трех человек: Н. Голеску, Хр. Теля, И. Элиаде.

В первом же своем послании наместничество указало на необходимость, «изменив конституцию, направить ее на утверждение султану»⁶².

По настоянию Сулейман-паши были изменены статьи: о выборах господаря, о свободе печати, вводился ценз грамотности для избирателей, ст. 13 по аграрному вопросу также исключалась из проекта конституции.

Наместничество ознаменовало свой приход к власти тем, что пожертвовало автономией страны и передало султану право решать судьбу народа. Послы иностранных держав в Бухаресте поспешили признать наместничество, так и не сделав этого в отношении Временного правительства. Французский и английский консулы, представители Пруссии и Греции выразили «симпатии и сердечные пожелания новым властям»⁶³ и установили с ними официальные отношения. Французские газеты особенно подчеркивали, что правительства европейских стран «поздравляют румын с победой... достигнутой мирным путем во славу свободы»⁶⁴.

Демократически настроенные руководители революции Н. Бэлческу, А. Голеску-Негру, Ч. Болиак, выступали за сохранение конституции и настаивали на сопротивлении интервентам. Но, оказавшись в меньшинстве, они не смогли противостоять капитулянтской политике наместничества. Оценивая создавшееся в августе 1848 г. положение, Н. Бэлческу писал: «...политическая революция была принесена в жертву и отброшена, как это произошло раньше с революцией социальной»⁶⁵.

Непоследовательная, половинчатая политика руководителей валашской революции позволила царской России и Порте сравнительно легко с ней расправиться.

Российский посланник в Константинополе В. П. Титов обратился к Порте с предложением: «...вести турецкие войска в Бухарест и восстановить законный порядок в соответствии с Органическим регламентом»⁶⁶. Это предложение России совпадало с интересами самой Порты. Заручившись согласием английского и французского послов в Константинополе, Турция договорилась с Россией о совместных военных действиях.

Н. Бэлческу и немногочисленные его сторонники выступали против капитуляции, ратуя за вооруженное сопротивление: «...наша страна может превратиться в общую братскую могилу, но и тогда она останется родиной румын»⁶⁷. Ч. Болиак поддерживал его: «На повестку дня поставлена проблема сопротивления вооруженного народа для защиты суверенитета страны, потому что речь идет о жизни и смерти... двух с половиной миллионов человек»⁶⁸. Но правительство, боясь, что оружие повернется против него, продолжало убеждать народ в добрых намерениях турецких войск.

В ночь на 13 сентября турецкие силы подошли к Бухаресту, наместничество самораспустилось. Турецкий комиссар объявил, что наместником назначается К. Кантакузино, представитель реакционной части боярства.

На защиту Бухареста поднялись тысячи его жителей, но сотни людей были смяты, порублены саблями, погибли под копытами турецкой конницы. 13 сентября Бухарест пал, оставшиеся в живых его защитники пробирались в Олтению к генералу Г. Магеру. В столице начался террор.

15 сентября границу Валахии перешли русские войска генерала Лидерса, торопясь восстановить здесь прежние порядки. Царизм спешил еще и потому, что опасался, как бы Османская империя не вытеснила его из княжеств.

Получив известие о сдаче Бухареста, генерал Магеру обратился к народу с призывом вооружаться, чтобы защитить революцию. В эти трагические дни единственным очагом сопротивления оставался лагерь в Карпатах, где генерал Г. Магеру собрал 4 тыс. солдат, 8 тыс. добровольцев, к которым присоединилось до 18 тыс. окрестных крестьян. На предложение наместника Кантакузино сложить оружие, Магеру ответил: «Пока мы живы, мы не склоним наши головы перед тиранией»⁶⁹.

27 сентября в лагерь к Магеру прибыл секретарь английского посольства Грант, привезший письмо от консула Колхуна с известием о приближении многочисленных турецких войск. Грант советовал не оказывать сопротивления и распустить плохо вооруженных людей⁷⁰.

28 сентября Магеру отдал приказ о роспуске войска. Трудно было убедить солдат и крестьян разойтись по домам. Отдельные группы не подчинились приказу и ушли в Трансильванию. 31 сентября русские отряды соединились с османскими войсками. «Это решительное доказательство... окончательного восстановления во всем пространстве края придунайского нарушенного в нем порядка

освободило Валахию от революционного ига», — говорилось в отчете МИД России за 1848 г.⁷¹

Передовая Россия восприняла революцию в Европе с большим воодушевлением и сочувствием и отрицательно отнеслась к походу русских войск в Молдову и Валахию. Некоторые русские солдаты и офицеры, находившиеся в Дунайских княжествах, сочувствовали повстанцам, отмечались случаи дезертирства⁷².

Франция рассматривала оккупацию Дунайских княжеств как провал своей политической стратегии в Юго-Восточной Европе. Французская дипломатия решительно противилась оккупации княжеств силами двух держав — сюзеренной и покровительствующей. «Достаточно, если Порта будет протестовать против оккупации Дунайских княжеств Россией, а Франция и Англия ее поддержат», — заявляли руководители французской дипломатии. Однако, когда турецкие войска вступили в Бухарест, французское правительство ограничилось лишь советом не проявлять жестокости. Более того, французское правительство приказало Дюкло (консулу в Яссах) восстановить прерванные после вступления царских войск отношения не только с молдавским правительством, но и с русским консульством. Французскому консулу в Бухаресте Сегюру, вступившему в конфликт с командующим турецкими войсками Фуад-пашою, было приказано уладить с ним отношения. Такое же приказание получил и консул в Яссах в отношении Талаат-паши⁷³.

Но если правящие круги западных стран не хотели вмешиваться в отношения России и Турции с Дунайскими княжествами, то прогрессивная общественность была на стороне Валахии и выражала ей свои симпатии. Пресса Франции, Германии, Австрии знакомила своих читателей с событиями в Валахии, публиковались выступления деятелей валашской революции.

Оценивая стратегическое и политическое значение румынской проблемы, французская пресса утверждала, что именно эта проблема является узловой для Европы: «Спасение Европы и цивилизации» находится на Дунае. Прут представляет «Рубикон современной истории». По мнению «*La Réforme*», румынский вопрос являлся одним из самых важных с точки зрения европейского равновесия и «большой дуэли, заканчивающейся... в Европе между демократией и абсолютизмом». Румынская нация, утверждалось в этой статье, представляет «авангард европейской свободы и республики, призванный водрузить знамя независимости между Турцией и Россией и поднять голос свободы между Кремлем и Семью Башнями»⁷⁴, т. е. Константинополем. В корреспонденции из Константинополя в газете «*Le National*» отмечалось, что общественное мнение, симпатизирующее попыткам эмансипации, благосклонно встретило известие о молдово-валашской революции⁷⁵. В сентябре 1848 г. в ряде французских газет и журналов («*Le Siècle*», «*Journal des Débats*», «*Le National*») появились статьи, осуждающие действия европейских правительств, не оказавших помощи революции в княжествах: Австрия была занята итальянской проблемой и не сделала ничего,

чтобы помешать вооруженной интервенции, Германия сосредоточилась на вопросе объединения, Англия и Франция не могли договориться об оказании эффективной помощи румынам⁷⁶. «Благодаря невмешательству или слабости Европы, — писала 3 сентября «Le National», — триумф России есть или будет полным в Дунайских княжествах»⁷⁷.

Не только газеты и журналы, но и некоторые парламентарии Европы проявили интерес к событиям в Дунайских княжествах. Группа депутатов Национального собрания Франции потребовала ответа от своего правительства на вопрос об отношении к Валахии и политике военной угрозы со стороны России и Турции⁷⁸.

«Революция 1848 г., которая, по словам Н. Бэлческу, — не была направлена ни против Порты, ни против России»⁷⁹, потерпела поражение. Слабость буржуазии, боязнь привлечь к движению широкие народные массы, склонность к компромиссам с реакционным боярством, отсутствие единых действий в Молдове, Валахии и Трансильвании — все это явилось внутренними причинами неудачи революции 1848 г. Тому же способствовали неблагоприятная международная обстановка, интервенция царской России и Османской империи.

Несмотря на сочувствие французской общественности, благосклонное отношение некоторых представителей дипломатии, оценка революции в Дунайских княжествах официальной Францией была негативной. Непризнание Временного правительства, отказ в помощи восставшему народу, с одной стороны, и установление отношений с наместничеством, созданным Портой, с представителями турецкой и царской армий, оккупировавшими княжества, — с другой, — таков был ответ «старшей сестры». Но другого трудно было ожидать от Французской республики, провозгласившей преемственность внешнеполитического курса июльской монархии.

¹ Bălcescu N. Opere. Buc., 1953. Vol. I. P. 275—276.

² Albina Românească. 1831. III; 1832. IV; Curielul Românesc. 1832. N 49; 1831. N 28, supl.

³ Penela G. Spiritul public în epoca regulamentară // Revista de istorie. 1987. N 6. T. 40. P. 576—579.

⁴ Breazu J. Școala România din Franța. S. I., 1930. P. 3.

⁵ Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria românilor. Buc., 1913. Vol. XVII. P. 962, 972.

⁶ Kretzulescu N. Amintiri istorice. Buc., 1940. P. 56.

⁷ См.: Colson F. L'état présent et de l'avenir des principautés de Moldavie et de Valachie. P., 1839. P. 462; Vaillant J. La Romanie ou Histoire langue, littérature, orphographie statistique des peuples de la langue d'or Ardialiens, Valaques et Moldaves, résumés sous le nom de Romans. P., 1844. Vol. 3.

⁸ Anul revoluționar 1848 în Moldova / Sub. red. M. Roller. Buc., 1950. Vol. 1. P. 140.

⁹ Bucur M. Un act de solidaritate al «Moldo-Românilor» cu revoluția franceză de 1848 // Studia et Acte Musei Nicolae Bălcescu. 1970—1971. Bălcești pe Topolog. P. 113—118; Stan A. Revoluția română de 1848: Solidaritate și unitate națională. Buc., 1987. P. 26.

¹⁰ Anul 1848 în principatele Române: Ate și documente: Vol. I—VI. Buc., 1902—1910. Vol. II. P. 609—614. (Далее: Anul. 1848).

- 11 История Франции. М., 1973. С. 276.
- 12 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 159.
- 13 Есмеџић М. Marginalije o srpsko-bugarskim odnosima, 1841—1851 // God. Ist. Društva. Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1967. God. XVI (1965). С. 125; цит. по: Дамянов С. Френската политика на Балканите, 1829—1853. С., 1977. С. 223.
- 14 АВІР. Ф. ГА V-A₂. Д. 161. Л. 26—29; Ф. Консульство в Бухаресте. Д. 632. Л. 108 об.
- 15 Bălcescu N. Opere. Buc., 1953. Vol. I. P. 308.
- 16 Ungureanu G. Frământări social-politice premărgătoare mișcării revoluționare din 1848 în Moldova // Studii. 1958. N 3. P. 51—76.
- 17 История Румынии (1848—1917). М., 1971. С. 22.
- 18 А. Ф. Туманский — К. В. Нессельроде, 18 марта 1848 г. Яссы // АВІР. Ф. ГА I-9. Д. 5. Ч. II. Л. 9—10.
- 19 А. Ф. Туманский — К. В. Нессельроде, 28 марта 1848 г. Яссы // Там же. Л. 25 об.
- 20 Anul 1848. Vol. I. P. 176—179.
- 21 А. Ф. Туманский — К. В. Нессельроде, 2 апреля 1848 г. // АВІР. Ф. ГА I-9. Д. 5. Ч. II. Л. 30—31 об.; История Румынии. С. 24.
- 22 Acte și legiuri privitoare la chestia țărănească. Ser. I. Buc., 1907. Vol. III. P. 18; Popovici V. Dezvoltarea mișcării revoluționare din Moldova după evenimentele din martie 1848 // Ac. Fil. Iași. Stud. și cerc. ști. 1954. Vol. 1/2. P. 447.
- 23 Dorițele partidei naționale în Moldova // Anul 1848. Vol. IV. P. 89—136.
- 24 Anul 1848. Vol. I. P. 180.
- 25 А. Кола — А. Ф. Туманскому, 6 мая 1848. Галац / АВІР. Ф. Консульство в Яссах. Д. 583. Л. 41.
- 26 К. Е. Коцебу — Управлению Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, 5 апреля 1848 г. // Там же. Л. 24 об.; К. Е. Коцебу — К. В. Нессельроде, 2(14) апреля 1848 г. Яссы // АВІР. Ф. ГА I-9. Д. 5. Ч. II. Л. 40—40 об.
- 27 Anul 1848. Vol. I. P. 167; Iordache A., Stan A. Apărarea autonomiei Principatelor Române, 1821—1859. Buc., 1987.
- 28 Anul 1848. Vol. I. P. 255—256.
- 29 Ibid. P. 255—256, 258; Iordache A., Stan A. Apărarea autonomiei... P. 108.
- 30 Anul 1848. Vol. I. P. 322—323.
- 31 Ibid. P. 32; Bodea C. Lupta românilor pentru unitatea națională, 1834—1849. Buc., 1967. P. 123—130.
- 32 Anul 1848. Vol. I. P. 247.
- 33 Rosetti C. A. Amintiri istorice. Buc., 1889. P. 79—89.
- 34 Georgescu-Buzau Gh. Activitatea lui N. Bălcescu pentru pregătirea dezlănțuirii revoluției din 1848 // Studii. 1956. N 1. P. 61.
- 35 Anul 1848. Vol. I. P. 347—348; Lamartine A. De Histoire de la révolution de 1848. P., 1849. P. 30; Boicu L. Emigrația polonă și țările române în vremea revoluției din 1848—1849. Buc., P. 94.
- 36 Anul 1848. Vol. I. P. 400.
- 37 Din scrierile și cuvântările lui I. Brătianu (1821—1891). Buc., 1903. Pt 1. P. 13.
- 38 Bălcescu N. Opere. Vol. I. P. 275.
- 39 Березняков Н. В. Революционное и национально-освободительное движение в Дунайских княжествах в 1848—1849 гг. Кишинев, 1955. С. 58.
- 40 Istoria României. Buc., 1964. Vol. IV. P. 75; Colescu-Vartic C. 1848: Zilele revoluționare. Buc., 1898. P. 150—153.
- 41 Anul 1848. Vol. II. P. 94; Ciachir N. România în sud-estul Europei. Buc., 1968.
- 42 Anul 1848. Vol. I. P. 596; Florescu G. Aspecte privind politica internațională a Țării Românești în anul revoluționar 1848 // Studii și materiale de istorie modernă. Buc., 1963. Vol. 3. P. 9.
- 43 Anul 1848. Vol. I. P. 565—566.
- 44 А. Кола — К. Е. Коцебу, 26 июня 1848 г. // АВІР. Ф. Консульство в Яссах. Д. 583. Л. 47 об.
- 45 Anul 1848. Vol. III. P. 185.
- 46 Ibid.

- 47 К. Е. Коцебу — К. В. Нессельроде, 11(23) сентября 1848 г. Галац // АВПР. Ф. ГА. 1-9. Д. 5. Л. 476—476 об.
- 48 Anul 1848. Vol. III. P. 190.
- 49 Anul 1848. Vol. II. P. 49.
- 50 Ibid. P. 93.
- 51 Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. М., 1949. С. 263; История Румынии... С. 38.
- 52 Istoria României. Vol. IV. P. 83; Anul 1848. Vol. II. P. 174—175.
- 53 История Румынии... С. 39.
- 54 Березняков Н. В. Революционное и национально-освободительное движение 1848—1849 гг. в Дунайских княжествах. Кишинев, 1955. С. 63.
- 55 Heliade-Rădulescu I. Scrisori din exil. Buc., 1891. P. 303.
- 56 Anul 1848. Vol. II. P. 69, 139—140.
- 57 АВПР. Ф. ГА V-A₄. Д. 1. Л. 94—100.
- 58 Istoria României. Vol. IV. P. 101; Нифонтов А. С. Россия в 1848 г. С. 264—265.
- 59 Anul 1848. Vol. II. P. 604.
- 60 Ibid. P. 642—643.
- 61 Ibid. P. 607—609; История Румынии / Под ред. М. Роллера. М., 1950. С. 27.
- 62 Anul 1848. Vol. III. P. 1.
- 63 Ibid. P. 264.
- 64 Ibid. P. 280.
- 65 Ghica I. Amintiri din pribegia după 1848. Buc., 1889. Vol. I. P. 223.
- 66 АВПР. Ф. Канцелярия. 1848. Д. 43. Л. 6—7 об.; Anul 1848. Vol. III. P. 502.
- 67 Anul 1848. Vol. III. P. 179.
- 68 Anul 1848. Vol. IV. P. 253. (Poporul suveran. 1848. 9.IX).
- 69 Ibid. P. 386.
- 70 Ibid. P. 538.
- 71 АВПР. Ф. Отчеты МИД. Отчет за 1848 г. Л. 355.
- 72 ЦГВИА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17581. 1848. Л. 11—12.
- 73 Дамянов С. Френската политика... С. 235.
- 74 Anul 1848. Vol. III. P. 180; Réforme. 1848. 16 juill.; Platon G. Revoluția română de la 1848 în viziunea presei europene // An. ști. Univ. Iasi. Sec. III. A. 1986. T. 32.
- 75 Le National. 1848. 26 sept.
- 76 Iordache A. Apărarea autonomiei Principatelor Române.... P. 138.
- 77 Anul 1848. Vol. I. P. 159; Iordache A. Apărarea autonomiei Principatelor Române... P. 105.
- 78 Anul 1848. Vol. I. P. 246—302; Iordache A. Apărarea autonomiei Principatelor Române... P. 105.
- 79 Agrigoroaie I., Buzatu Gh., Cristian V. Românii în istoria universale. Iași, 1986. P. 238.

МИХАИЛ ФЕДОРОВИЧ РАЕВСКИЙ И ЕГО ЗАПИСКИ О НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ ЮЖНЫХ СЛАВЯН В 1848—1849 гг.

И. В. Чуркина

О революции 1848 года в южнославянских землях Австрийской империи написаны десятки книг и сотни статей как в России, так и за рубежом. Вместе с тем интерес к этой проблеме не уменьшается. Сегодня уже ясно, что многое из того, что было написано советскими и зарубежными историками в 40—70-е годы XX столетия, требует значительного уточнения и даже пересмотра. Поэтому введение в научный оборот новых материалов, относящихся к указанной тематике, может дать толчок к ее дальнейшему плодотворному исследованию.

В Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА) в фонде Паниных и Блудовых находятся записки Раевского о революции 1848 года в Австрии и о юго-западном славянстве в 1849—1855 гг. Они еще не введены в научный оборот, хотя и представляют значительный интерес для историка. Записки являются сокращенным вариантом рукописи того же автора, находящейся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (РО ГПБ). В нашем исследовании мы будем использовать именно последний, более полный вариант.

Имя Михаила Федоровича Раевского неизвестно российским историкам. В 1975 г. в Москве издательством «Наука» была выпущена в свет советско-чехословацко-югославская публикация «Зарубежные славяне и Россия», включавшая в себя материалы архива М. Ф. Раевского. В книге был дан краткий очерк его жизни¹. Еще ранее вышла статья В. Матулы и И. В. Чуркиной «Архив М. Ф. Раевского как источник по истории связей между славистами России и Австрии (40—70-е годы XIX в.)»². Однако в этих работах авторы касались главным образом более позднего периода деятельности Раевского, относящегося к 50—70-м годам. Найденные записки относятся к более раннему времени: 1848—1849 гг., поэтому в данной статье мы считаем необходимым остановиться на начальном этапе его биографии.

Михаил Федорович Раевский родился 18 июля 1811 г. в Арзамасе в семье священника. Окончив нижегородскую духовную семинарию, он в 1829 г. поступил в Петербургскую духовную академию. Здесь он изучал богословские науки, церковную и общую гражданскую историю, словесность, красноречие, ряд языков: греческий, еврейский, немецкий, французский. К языкам он проявил особые способности и впоследствии овладел еще шведским и славянскими языками. В октябре 1833 г. Раевский получил степень кандидата богословских наук, а 29 марта 1834 г. был назначен священником православной церкви при русском посольстве в Стокгольме. С тех

пор он находился в двойном подчинении — синода и министерства иностранных дел.

Человек образованный и любознательный, Раевский проявлял интерес к культурной жизни Швеции. В 1840 г. по поручению обер-прокурора синода он написал записку о состоянии лютеранской церкви и о положении ее духовенства³, а в середине 40-х годов опубликовал в Журнале министерства народного просвещения (ЖМНП) несколько статей о постановке низшего, среднего и высшего образования в Швеции: «Упсальский университет», «О народных и элементарных школах в Швеции», «Специальные школы в Швеции»⁴. Статьи о системе школьного просвещения в Швеции носили фактологический характер, в них полностью отсутствовал какой-либо анализ и оценка школьного дела. И все же они сыграли свою положительную роль, знакомя педагогическую общественность России с одной из самых прогрессивных для того времени систем просвещения в Европе. Статьи Раевского получили признание и за рубежом. Позднее, в декабре 1854 г., Раевский писал министру просвещения А. С. Норову, что его статьи о Швеции «тотчас после выхода явились в немецком переводе во многих газетах Германии»⁵.

Летом 1842 г. Раевский стал священником русской посольской церкви в Вене вместо архимандрита Порфирия (в миру — Константина Александровича) Успенского, известного археолога и востоковеда, отправлявшегося с особой миссией в Иерусалим. Вена стала местом жизни и деятельности М. Ф. Раевского до конца его дней.

Столица Австрии очаровала его. «Я ехал жить в Германию и представлял Вену напр. Берлином, — писал он чешскому просветителю В. Ганке в сентябре 1843 г., — но до сих пор не нахожу здесь ничего подобного между сими городами: ни в духе жизни, ни в характере народа, ни в чем! Это что-то свое, отдельное и, признаюсь вам, интересное для изучения... Здесь смесь племен, одежд, наречий, религий. Кажется, жить в Вене мне будет приятно»⁶.

Раевский приехал в Вену в то время, когда национальные движения славянских народов Австрии переживали период перехода от просветительства к борьбе за политические права. Славянские национальные и культурные деятели искали способов и возможностей завязать культурные сношения с русскими научными, общественными и дипломатическими кругами. И если первые охотно шли им в этом навстречу, то русские дипломаты были очень осторожны. Русское посольство отчетливо понимало, что национальные движения славянских народов представляют угрозу для сохранения в Австрийской монархии «статус-кво», а этим принципом неукоснительно руководствовался Николай I в своей внешней политике. «Вы знаете, как смотрят дипломаты на связи с славянами, — жаловался Раевский 28 марта 1850 г. своей постоянной корреспондентке графине Антонине Дмитриевне Блудовой, — тем еще тяжелее мое положение. Меня предупреждали об этом при

самом моем приезде сюда»⁷. И все же Раевскому, несмотря на настороженное отношение посольства, удалось завязать контакты со многими видными деятелями славянских народов: чехами и словаками В. Ганкой, П. Шафариком, Я. Коларом, Л. Штуром, словенцем Ф. Миклошичем, хорватом Л. Гаем. Особый интерес он проявил к сербам. Вук Караджич был одним из наиболее близких знакомых настоятеля русской православной церкви в Вене и широко пользовался услугами последнего для сношений с русскими учеными И. И. Срезневским, О. М. Бодянским, Н. И. Надеждиным и др. Представители сербской православной церкви тоже были хорошо знакомы М. Ф. Раевскому, особенно епископ Бачки Платон Атанацкович, сербский писатель и меценат, и карловацкий митрополит Иосиф Раячич. Когда в 1847 г. Раевский получил сан протоиерея, то посвящение в него он принял от Раячича. «Честь имею уведомить... — сообщал Раевский в рапорте канцелярии русского посольства в Вене 2 мая 1848 г., — что по предложению святейшего правительствующего синода и министерства иностранных дел для посвящения моего в сан протоиерея я ездил к управляющему в духовном отношении Венским округом митрополиту карловацкому Иосифу. Посвящен был им 28 сентября 1847 г. и теперь получил на то грамоту»⁸. Позднее в биографии, написанной самим Раевским для чешского журнала «Светозор», этот факт отмечался особо, «ибо до того времени подобных сношений не существовало между русскою и сербскою церковью»⁹.

Славянские знакомые Раевского придерживались различных политических взглядов. Среди них были и демократически настроенный Л. Штур, и консерватор И. Раячич, и либералы Миклошич, Гай, Караджич. Раевский имел контакты и со славянскими государственными деятелями: свергнутым сербским князем Милошем Обреновичем, черногорским владыкой знаменитым сербским поэтом Петром II Негошем.

До 1848 г. Раевский познакомился и с некоторыми видными русскими общественными и государственными деятелями. Он знал славистов, побывавших в австрийских землях: И. И. Срезневского, В. И. Григоровича, Н. И. Надеждина, М. П. Погодина, встречался с некоторыми сановниками. К их числу относились в то время член комиссии прошений А. С. Норов, с которым Раевский переписывался с 1845 г., и главноуправляющий Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии граф Д. Н. Блудов. Последний в 1847 г. приезжал в Вену. С 1848 г. Раевский вел переписку с графиней А. Д. Блудовой, дочерью Д. Н. Блудова, фрейлиной императрицы Александры Федоровны. Она-то и стала наиболее постоянным и конфиденциальным корреспондентом Раевского с конца 40-х по 60-е годы. Наконец Раевский еще до революции был известен и лицам императорской фамилии: в апреле 1847 г. он получил золотой наперстный крест от великой княгини Елены Павловны, жены великого князя Михаила Павловича, родного брата Николая I¹⁰.

Дом посольского священника уже до 1848 г. стал своеобразным центром общения русских путешественников со славянскими учеными и общественными деятелями. «До 1848 г., — писал впоследствии корреспондент «Нового времени» Г. И. Веселитский-Божидарович (псевдоним Аргус), — московские славянофилы толковали здесь с пражскими славистами, с словаками и словенцами, с хорватами и сербами об умственном и духовном единении всех славян, да тогда единение и существовало: вопросы практической политики не вносили еще розни в движение, не выходявшее из сферы литературы и науки. Все сходились в желании возрождения каждой из славянских народностей и освобождения ее от давления иноплемеников»¹¹.

Революция 1848 г. внесла раскол в кажущееся единство славянского мира Австрии. Первые ее недели вплоть до конца мая Раевский находился в Вене. Некоторые из его славянских друзей даже пытались привлечь его к более активному участию в славянских делах. В этом отношении представляет интерес письмо к нему Ганки от 6 мая 1848 г. «Вот вам несколько экземпляров нашего обещания, — говорилось в нем, — к которому нас принуждает неслыханная наглость немецкая, как вам из разных газет известно. На сербском и лужатском (лужицко-сербском. — И. Ч.) диалектах печатаются еще. Не думаете ли, чтоб было удобно теперь и на русском? Нам бы это было очень желательно. И если так, то постарайтесь о переводе, и мы будем тотчас печатать»¹². Славянские политики рассчитывали на сочувствие Раевского их национальным требованиям, именно поэтому в числе русских, приглашенных на Славянский съезд в Прагу, на первом месте значилось имя М. Ф. Раевского.

Возможно, боязнь быть вовлеченным в водоворот революционных событий и была главной причиной отъезда Раевского в начале июля 1848 г. на четыре месяца в отпуск в Россию¹³. 1(13) октября Раевский прибыл из России в Берлин, чтобы оттуда уже следовать в Вену. Однако Венское восстание изменило его намерения. По указанию начальства Раевский задержался в Берлине до начала ноября и только после взятия Вены императорскими войсками вернулся туда.

«Приехавши из Петербурга в 1848 г. я стал посылать записки научные по Сербии, — вспоминал Раевский в письме Блудовой от 28 марта 1850 г., — взошел в более близкие отношения с южными славянами»¹⁴. По письмам Раевского Блудовой можно предположить, кому именно предназначались эти записки. Во всяком случае, первым их читателем была А. Д. Блудова. «Пишите мне, — замечал Раевский 17(29) декабря 1849 г., — когда прочитываете мои записки, какие у вас вопросы, или короче, задавайте темы для моих записок... Я писал более года, мне никто и не напишет, действительны ли мои записки? И кто читает их? Выведите меня из недоумения и вашими письмами наставляйте меня на истинный путь моего действованиа в отношении к отечественным и здешним славянам»¹⁵. И А. Д. Блудова в своих письмах не только задавала

своему корреспонденту вопросы о наиболее интересовавших ее делах и лицах, но и давала оценку отдельным событиям и деятелям. «Многие места вашего письма послужат предметом записок», — писал ей Раевский 25 февраля (9 марта) 1850 г. А спустя немногим более недели он просил ее узнать, что думает о его записках граф Д. Н. Блудов. «Мнение его может быть мне руководством, даст, может быть, повод проникнуть и в другие причины прошлых событий»¹⁶. Конечно, Раевский был уверен, что посланные им А. Д. Блудовой материалы будет читать и ее отец. Есть сведения, что в начале 50-х годов Раевский посылал свои записки и графу Н. А. Протасову, обер-прокурору синода¹⁷. И еще один читатель записок прослеживается по переписке Раевского с Блудовой. В письме от 5(17) марта 1850 г. он сообщал, что вместе с письмом посылает записки для княжны Львовой¹⁸. Княжна Е. В. Львова являлась фрейлиной великой княгини Елены Павловны, следовательно, эти записки предназначались последней.

Каковы же были источники для написания записок? Первая часть их, охватывающая период с 1(13) октября по 4 ноября 1848 г. включительно, освещает восстание в Вене и его подавление. Раевский не был непосредственным свидетелем этих событий. Писал он эту часть в Берлине, живя у тамошнего священника русской посольской церкви Соколова. Все, что написано в этой части записок, Раевский брал из газет или, как он сам отмечал, из слухов. Поэтому она не представляет особого интереса с точки зрения узнавания новых фактов. Но исследователя могут заинтересовать суждения самого автора, дающие возможность судить о его взглядах.

Вторая часть записок, освещающая события от 6 ноября 1848 г. и до конца 1849 г., целиком построена на личных наблюдениях Раевского, на его беседах с различными югославянскими национальными деятелями. В одном из писем Блудовой Раевский замечал: «Писал, как знал сам и видел, как советовали мне патриарх и другие здесь находившиеся сербы, со всеми я почитал нужным посоветоваться, чтобы не быть односторонним»¹⁹. Итак, среди тех, с кем он беседовал, Раевский указывал прежде всего патриарха Раяичича. Остальных своих собеседников он не назвал. Однако из писем к Блудовой можно выявить круг наиболее близких знакомых русского священника. К ним, несомненно, принадлежал протоирей Павле Стаматович, видный сербский просветитель, издатель альманаха «Сербска пчела». Он являлся одним из горячих сторонников идеи славянской взаимности, активно участвовал в событиях 1848 г.: был заместителем председателя Славянского съезда в Праге, затем — доверенным лицом патриарха при хорватском бане Елачиче и при командовании русских войск в Валахии. Когда Стаматович был арестован австрийскими властями, Раевский с горечью писал Блудовой: «Доблестный муж, ревнитель правды и народного блага, друг мой Стаматович — в темнице!.. Стаматович, которого грудь сам государь украсил знаком отличия за верность престолу, схвачен как бунтовщик и с жандармами отвезен в Темишварскую крепость».

В том же письме Раевский упоминал еще одного серба — Джордже Стратимировича, говоря о нем как о своем и графини Блудовой приятеле²⁰. Стратимирович происходил из семьи небогатых граничар и до 1843 г. был австрийским офицером. Среди сербских либералов он пользовался большой популярностью. Стратимирович являлся главным противником политики патриарха Раячица в сербском национальном движении.

Еще с дореволюционных времен Раевский был связан с известным сербским ученым и просветителем Вуком Стефановичем Караджичем, человеком либеральных взглядов. Через Раевского Караджич вел сношения с русскими учеными Н. И. Надеждиным, М. П. Погодиным и др. Когда в 1848 г. Раевский несколько месяцев отсутствовал в Вене, Караджич ощущал это очень остро. «Где М. Ф. Р[аевский], — спрашивал он 25 сентября 1848 г. Надеждина. — Давно уже говорят, что скоро будет, а его еще нет»²¹. По приезде Раевского Вук отправил через него Надеждину несколько своих залежавшихся в русском посольстве писем, о чем он и сообщил последнему 25 ноября 1848 г.²² Несомненно, среди тех, кто рассказывал Раевскому о событиях в сербских землях, был и Вук Караджич.

Что касается хорватов, то с ними Раевский в 1848—1849 гг. не имел столь тесных и постоянных связей, как с сербами. Однако с дореволюционных лет он был знаком с Людевитом Гаем, идеологом и руководителем иллирского движения, горячим поборником объединения югославянских народов. В период революции Гай являлся одним из вождей хорватских либералов. В конце 1849 г. Раевский познакомился со Штросмайером, только что ставшим дьяковским епископом²³.

Здесь мы перечисляем наиболее видных деятелей сербов и хорватов в период революции 1848 г. Помимо них, Раевский общался со многими сербами и хорватами из числа граничар, учащейся молодежи, купечества. Таким образом, начиная с 6 ноября 1848 г. Раевский сообщал в своих записках те сведения, которые он получал из первых рук. Эти сведения представляют большой интерес для историка, тем более что Раевский знал и закулисную сторону многих событий.

Несколько слов о первой части записок Раевского. В ней дается довольно подробное описание восстания в Вене. Симпатии Раевского как человека консервативных убеждений несомненно были на стороне контрреволюции. Он подробно останавливается на жестокостях восставшего народа: убийстве графа Латура, расправе повстанцев над врагами революции, укрывшимися в соборе св. Стефана²⁴. Вместе с тем Раевский отдавал должное мужеству защитников Вены, отмечая храбрость Академического легиона, ожесточенное сопротивление фабричного предместья Вены Видена наступавшим войскам²⁵. Полностью сочувствуя последним, Раевский старался сохранять какую-то объективность по отношению к ним. Так, он рассказывает об опустошении Вены победителями, с грустью замечая, что понадобится десять лет для восстановления в ней

промышленности и торговли. Пишет он и о разоренном солдатами Елачича православном кладбище ²⁶.

В первой части записок Раевский уделяет внимание и наиболее интересующему его вопросу — национальному движению славянских народов Австрийской империи. Его радует, что император не выступает против него. Особенно воодушевляет Раевского отношение к славянам эрцгерцогини Софьи. «Эрцгерцогиня Софья, — отмечает он 14 октября 1848 г., — жена наследника престола, говорят, очень много в последнее время ходатайствовала о уравнивании прав всех славянских наций... Она видит, что на этом основании будет только существовать Австрия. Так она за несколько дней до революции имела большой спор в Государственном Совете с Меттернихом и другими министрами, настаивая на том, чтобы дана была Австрии конституция. Она и тогда умела показать народу, что она принимает его сторону». Рассказ об эрцгерцогине Софье явно основан на слухах. Но характерны сами эти слухи, распространявшиеся не без ведома сиятельной особы, в то время активно боровшейся за престол для своего сына Франца Иосифа. Желая привлечь на свою сторону не только консервативных, но и либеральных деятелей славянских народов, эрцгерцогиня обещала им национальное равноправие и конституцию. Заигрывание придворных кругов со славянами воспринималось Раевским как искреннее. Ему, человеку, настроенному легитимистски, этот момент был очень важен для утверждения правомерности его симпатий к славянским национальным движениям. «Теперь, кажется, настало время, — писал он, — общего соединения австрийских славян, и на это законная причина — защита прав императора» ²⁷. Раевского радовало и ответное движение части славянских либералов к союзу с императором. В частности, он приводил речь лидера чешских либералов Ригера перед студентами, в которой он призывал «пожертвовать на время некоторыми правами и своей свободой и примириться с властью» ²⁸.

Приезд в Вену и общение с сербскими и хорватскими национальными деятелями дали возможность Раевскому подробнее вникнуть в события, происходившие в южнославянских землях Габсбургской монархии. Общее состояние славянских дел в монархии его радовало. 6 ноября 1848 г. Раевский делает свою первую запись по приезде в Вену. «Дела славян до сих пор идут хорошо, — отмечает он. — Хотя еще не видно между ними особенного единения... но не видно ни споров, ни раздоров. Даже разность вероисповеданий, по крайней мере в высших сословиях, не мешает общему политическому стремлению» ²⁹. Но ситуация в отдельных славянских землях, прежде всего в сербских, вызывала тревогу Раевского. В той же заметке от 6 ноября он описывал тяжелое положение православной церкви в Воеводине в связи с военным конфликтом между сербами и венграми. «Духовенство составляет душу народа. Венгерцы видят это, и поэтому особенная их ненависть изливается против духовных. Храмы божьи... поруганы, св. иконы разбиты, утварь растащена, в алтарях наделаны конские стойла. Священники в цепях после жестоких мучений ввергаются в темницу, жены и дети их опреде-

ляются к позорным работам». Сочувствуя низшему духовенству, Раевский не одобрял действий некоторых высших чинов сербского православного клира, сотрудничавших с венгерскими властями, прежде всего епископов Офенского Платона Атанацковича и Темишварского Живковича. Атанацкович не отказался занять место митрополита Раячица, которое ему предложили венгры, недовольные последним за его активную национальную деятельность. Раевский этот шаг извинял, полагая, что Атанацкович не имел возможности отказаться от предложения венгерского правительства, ибо «он был в крайности». По-другому воспринимались Раевским действия Атанацковича, направленные против сербского национального движения. «Ропшут против него особенно за то, — сообщал он, — что он неоднократно увещевал народ в церкви идти против противников венгерцев (т. е. сербов и хорватов. — И. Ч.), даже говорил публично народу, что он стыдится теперь называться сербом».

К митрополиту Раяичу, объявленному в мае 1848 г. сербской скупщиной в Карловаце патриархом, Раевский относился с известной настороженностью. Он считал, что Карловацкий митрополит не имеет права называться патриархом, т. к. в венгерских землях существует уже сербская патриархия с центром в Ипекке (Печ). Волновали его и известия о том, что сербы из княжества Сербии по слухам также стояли за признание Карловацкого митрополита патриархом вместо Ипекского³⁰. Раевский полагал, что, если Раяича утверждают патриархом, «он может иметь тогда большое влияние не только на собственно Сербию, но и на всех славян, находящихся под властью Турции». В подтверждение этой своей мысли Раевский сообщал, что газеты в Сербии с энтузиазмом пишут о подвигах сербов из Воеводины в борьбе против венгров³¹. Спустя несколько недель, уже в начале 1849 г., Раевский снова указывал на рост уважения к Раяичу в Сербии. «Влияние патриарха на сербов вне Австрии начинает уже проявляться, — писал он. — Первым делом было его воззвание к сербам великого княжества о помощи против венгерцев; и вдруг явилось оттуда до 15 тысяч человек... Правительство великокняжеское дало 20 000 червонных на военные издержки, князь Александр пожертвовал от себя 12 тыс. флоринов... Можно ожидать со временем, что подобные воззвания патриарха будут не безуспешны и в других славянских землях»³². Все это не слишком нравилось русскому священнику, ибо в увеличении влияния Раяича на балканских славян он видел уменьшение русского влияния. Но политика патриарха по отношению к Вене и Будапешту вполне удовлетворяла Раевского.

В конце января 1849 г. Раевский был почти уверен в осуществлении чаяний славянских народов Австрии, в том числе и югославян. «Сирмия (Срем. — И. Ч.), Банат, Багач (Бачка. — И. Ч.) — страны, населенные сербами в восточной Венгрии, — писал он, — составляют теперь Воеводство Сербское, патриарх и воевода суть народные правители; император австрийский, слышно, хочет принять титул великого князя сербов по сю сторону Савы и Дравы

находящихся; Кроация, Славония, Далмация соединены под одним правителем баном Елачицем... Подлинно великие события произошли в славяно-австрийских делах в короткое время! Теперь вопрос: сумеют ли славяне воспользоваться тем, что они добыли? Получат ли они то, чего еще хотят? Ответ на это лежит в самих славянах! Единство, благоразумная умеренность — вот условия, которые одни могут ручаться за исполнение желаний славян»³³. Уверенность Раевского в том, что власти готовы исполнить все требования славян в случае их благоразумной умеренности, была в то время совершенно искренней. Поэтому он очень опасался возникновения споров среди самих сербов и хорватов. А повод для этого наступил в связи с кончиною сербского воеводы Шупликаца, который был избран на этот пост на Карловацкой скупщине в мае 1848 г. Верный Габсбургам австрийский генерал Шупликац никакой самостоятельной роли не играл. Но после его смерти встал вопрос о выборе нового сербского воеводы, главнокомандующего сербских войск. Практически тот, кто становился им, так или иначе становился главою сербского национального движения. Вопрос о воеводе обострил и без того натянутые отношения между главою консервативного крыла сербского национального движения патриархом Иосифом Раячицем и лидером сербских либералов Джорджем Стратимировичем.

Уже в сентябре 1848 г. Стратимировичу пришлось из-за Раячица оставить пост главнокомандующего сербами и бежать в лагерь к сербским добровольцам. Но сербское правительство поддержало Раячица, и Стратимирович должен был помириться с патриархом, объявить открыто о своей преданности престолу. Он был послан в Вену для улаживания с правительством вопроса о признании автономии сербской Воеводины. Стратимирович решительно отстаивал права сербов, чем вызвал ненависть к себе со стороны прогабсбургских кругов. После смерти Шупликаца Стратимирович вернулся в Земун и потребовал от патриарха выборов воеводы. Его поддержал Главный отбор, также избранный на Карловацкой скупщине и игравший роль неофициального сербского правительства. Но и на этот раз Раячиц добился победы, так как его поддержали и Вена, и Белград.

В споре между Стратимировичем и Раячицем Раевский поддерживал последнего. Он и ранее относился к либералам весьма недоверчиво. Уже сразу по прибытии в Вену он отмечал: «Между сербами нашлись головы восторженные, которые мечтают о единстве Сербии и походах против Константинополя, но теперь не прежняя пора!»³⁴ К этим «восторженным головам» Раевский причислял и Стратимировича. «Много, будучи здесь еще (т. е. в Вене. — И. Ч.), он мечтал о подвигах славян, о их самостоятельности, о завоевании Константинополя и тому подобных делах, о чем молодая, пылкая, неопытная голова только мечтать может. Теперь этот господин Стратимирович вздумал искать себе воеводства»³⁵.

Небольшая заметка Раевского о Стратимировиче дает нам совершенно новые сведения о его взглядах. Он выступает не как

приверженец создания автономной Воеводины в составе венгерских или австрийских земель, но как борец за независимое сербское государство, включавшее в себя не только сербские земли Австрийской монархии и княжество Сербию, но и значительную часть других балканских земель вплоть до Константинополя. Практически речь шла о создании Душанова царства, т. е. государства в пределах владений сербского царя Стефана Душана, наиболее знаменитого из сербских государей средневековья, сумевшего объединить под своею властью сербские, боснийские, болгарские, греческие земли. В 1848 г. программа воссоздания Душанова царства владела умами радикальной сербской молодежи в Воеводине. И это отмечают в последних трудах югославские историки. В частности, С. Гаврилович называет в числе сторонников этой программы будущего создателя Омладины С. Милетича и известного сербского филолога Джуру Даничица³⁶. Но, что среди них был и Джордже Стратимирович, до сих пор не было известно.

Идея воссоздания Душанова царства возникла в Сербии в 1846 г., когда гимназисты и лицеисты основали в Белграде общество Душанов полк. Главной задачей его было создание сербского государства в границах владений Душана. Один из основателей этого общества — Еврем Груич в 1848 г. находился в сербском добровольческом отряде, действовавшем в Воеводине с августа 1848 г. по февраль 1849 г. Возможно, именно через ополченцев из Сербии, в частности через Еврема Груича, идеи о Душановом царстве проникли к воеводинским радикалам и либералам.

Раевский, вероятнее всего со слов сторонников патриарха, утверждал, что Стратимирович, желая стать сербским воеводой, сам писал статьи в свою пользу в сербские газеты³⁷. В начале февраля 1849 г. Раевский опять писал о продолжении спора между Раячицем и Стратимировичем. «Стратимирович мутит народ, патриарх, узнавши о том, приказал арестовать его. Стратимирович обратился к Главному сбору (отбору. — И. Ч.) в Карловаце, состоящему из подобных же людей, этот протестовал против патриаршего определения, и, таким образом, закипел раздор. В числе кандидатов на воеводство указывают также на князя Михаила Обреновича, но едва ли это справедливо»³⁸.

Сербские либералы вообще не вызывали особого доверия Раевского. «Получивши конституцию, — писал он в январе 1849 г., — будучи объявлены совершеннолетними, эти дети, не знавшие доселе ничего, кроме школы, вдруг принимаются уже учить народ. Свою свободу они понимают, как ее понимают германцы. Ровный ход общественного образования им неизвестен, на правителей они смотрят как на деспотов, решительно не понимая благодетельных плодов вожда, имевшего власть удерживать пыл и порыв страстей. Как ни кричат о равенстве наций, но в этом крике всегда проявляется идея отнюдь не равенства, но преимущества. И кто же руководители по крайней мере видимого мнения? Молодые литераторы, большею частию напитанные духом венским и германским»³⁹. Раевский тонко подметил противоречия либерального лозунга равенства наций.

И венгерские, и сербские либералы со своим Душановым царством практически добивались для себя преобладания над другими народами.

Раевский видел спасение сербов от распространения пагубных идей в патриархальности их нравов, прежде всего в существовании задруг, где молодежь подчинялась старейшинам. «Молодое поколение воспользуется по крайней мере опытностью старших, и в этом случае, как и всегда, не выйдет из повиновения, волею и неволею умерит свои претензии и, таким образом, покорится власти»⁴⁰. Что же касается литераторов, проповедующих народу «идеальные химеры о правах народа и его господстве», то они, не зная «характера народа, его национальных обычаев, потребностей, соответствующих нравственному состоянию жителей», должны пасть жертвой своих ложных стремлений⁴¹.

Отмечая, что Раевскому гораздо ближе были консерваторы, чем либералы, следует сказать, что он не столько отрицательно относился к планам последних, сколько считал их нереальными.

В начале февраля 1849 г. тревога Раевского возросла. Он сообщил, что венские немцы вновь стали говорить об объединении Германии, что правительство думает восстановить преимущества венгров перед славянами. Его настораживало то, что немецкие офицеры, вступившие в ряды хорватского войска Елачица, начали заирать власть там в свои руки. «Вот и равенство наций, и братство, и единство, и все!»⁴².

Балканы тоже не остались вне поля зрения Раевского. Он писал, что славянские газеты сообщают о возможности крупного восстания в Боснии и Герцеговине весной 1849 г. Это пугало Раевского. С одной стороны, он опасался объединения против славян турок с греками, мечтавшими о своем собственном греческом царстве. Но гораздо больше волновало Раевского то, что «турецкие славяне увлекутся идеями, переселяющимися к здешним славянам из Германии». «Таким образом, — продолжал он, — при самом начале своего политического быта понесут в сердце своем зародыши разрушения»⁴³.

Начало марта 1849 г. не предвещало ничего хорошего сербам Воеводины, которые, по словам Раевского, «пострадали более всех австрийских племен». «Сколько теперь разоренных городов, храмов божьих, сел и жилищ; тысячи народа погибли смертью мучеников»⁴⁴, — сокрушался он и не преувеличивал. С конца февраля 1849 г. венгры, разбив Виндишгреца, начали наступать на сербские земли. Им удалось захватить Банат и Бачку. Только при занятии городка Србобран и окрестных сел было убито 4—5 тыс. жителей⁴⁵.

Самым печальным было для Раевского то, что он ясно начал понимать бесперспективность борьбы сербов. «Они избавились от влияния мадьяризма, начали было вводить повсюду свой язык, но не успели приступить к этому, как вышел приказ употреблять при делопроизводстве немецкий язык». Раевский сообщал об уходе из Воеводины сербских добровольцев из княжества, о том, что коман-

дующий австрийскими войсками приказал сербским солдатам снять национальные кокарды, и только вмешательство патриарха Раячица помешало провести этот приказ в жизнь. Единственное, что в данных обстоятельствах несколько утешало Раевского, было очередное примирение Стратимировича с Раячицем.

В Хорватии, Славонии, Далмации дела обстояли значительно лучше: в школах вводился славянский язык, открывались различные славянские общества. Но Раевский подчеркивал неприязнь высшего католического хорватского клира, в частности загребского епископа Гаулика, к национальному движению хорватов. Все свои послания последний раньше писал по-венгерски, а в новых обстоятельствах, вопреки распоряжению банского совета вести дела на народном языке, стал писать по-латыни. И благословение на войну с венграми Елачич принял не от Гаулика, а от Раячица. «Вообще, впрочем, — продолжал Раевский, — о Кроации и Далмации можно заметить, что только или высшее, или старое католическое духовенство идет там противу так называемой прогрессивно-национальной партии. Молодые духовники стоят за развитие национального славянского элемента»⁴⁶.

Разгон парламента и провозглашение октроированной конституции Раевский встретил настороженно. Он отметил холодность, с которой ее приняли венцы: «Неожиданность ли происшествия, образ ли распушения сейма, содержание ли самого уложения так поразили народ, что он, так сказать, еще не осознал в себе радости». И далее: «Но какое различие между торжеством настоящим и прошедшего года!» То, что Вена, захваченная и разгромленная императорскими войсками, была недовольна, вполне понятно. Но не выражали радости и славяне: их не удовлетворял принцип централизации, провозглашенный новой конституцией. Образно писали из Загреба: раньше стояла прекрасная весенняя погода, а теперь подул холодный ветер и пошел снег. «Горько жалуются южные славяне на конституцию, — замечал Раевский. — Они ждали единства, их опять разделяют. Военная граница, их опора, отделяется от Кроации и подчиняется непосредственно военному центральному правительству. При централизации они теряют надежду на обещанное им развитие их национальности, их языка. Они становятся второстепенным народом». Венгры и немцы вновь получили привилегии по сравнению со славянами. И Раевский с горечью записал: «Аристократия венгерская сильна, тогда как другие народы, союзные им, не имеют никакой народной аристократии». Недовольство конституцией выражалось славянами открыто. Когда епископ Гаулик 15 марта 1849 г. провел в Загребе торжественное богослужение по случаю объявления конституции, на него явились одни чиновники. Непокойно было среди граничар: некоторые полки отказывались подчиняться центральным властям, требовали, чтобы ими руководил один бан. А Огулинский граничарский полк публично сжег текст новой конституции.

В начале апреля Раевский указывал в своих записках: «Вообще, чем дальше, тем больше и больше правительство теряет всякую

к себе доверенность славян». По его мнению, патриарх Раяич пользовался пока еще доверием народа и двора. «Какой мудрый правитель!» — заключал настоятель русской церкви. Но ухудшение отношения хорватов и других славян к Елачичу он вынужден был отметить. «При такой недейтельности, — подчеркивал Раевский, — и народ славянский становится им иногда недоволен; иногда в славянских уже газетах появляются статьи против Елачича»⁴⁷.

В мае 1849 г. отношения между Стратимировичем и патриархом испортились окончательно. В апреле Стратимирович снова возглавил сербскую армию. С помощью добровольцев из Сербии ему удалось остановить наступление венгров. Авторитет его среди сербов вырос. 13 мая либеральная оппозиция в Воеводине — представители пяти воеводинских городов — собралась в Земуне и потребовала созыва скупщины и отмены военного положения. Раяич обратился за помощью к Елачичу. К нему же обратились и оппозиционеры, обещав за поддержку все еще вакантное место сербского воеводы. Елачич объявил, что он против сепаратистских тенденций, за императора. Тогда Раяич вместе с солдатами Майергофера закрыл критиковавшие его газеты «Вестник» и «Напредак» и арестовал их редакторов. Сербские национальные комитеты, избранные во время революции и являвшиеся оплотом либералов, были разогнаны.

Все эти события нашли свое отражение в записках Раевского. 27 мая (по нов. ст.) он с сокрушением замечал, что Стратимирович и патриарх не в добром согласии, что народ укоряет последнего за его союз с австрийскими генералами и за отказ от самостоятельных действий. Однако правота Раяича была для Раевского вне всяких сомнений: «Но патриарх мудр, спокойнее смотрит на дело, чем восторженный и озлобленный народ, и идет своим правым путем»⁴⁸. Вместе с тем Раевский вынужден был все же указать, что Раяич устал от правительственных дел, что «много есть недовольных им, особенно с тех пор, как арестовали редакторов газет Богдановича и Мед[ак]овича и сербские газеты прекратились»⁴⁹. Сами закрытые сербские газеты Раевский характеризовал достаточно неблагоприятно. Так, «Напредак» он считал органом модных просветителей. «Редактор его, — писал Раевский, — г. Медакович, служивший некогда в роли секретаря у князя Милоша, человек самый обыкновенный. Начитавшись, наслушавшись того, что делается в Вене, он вообразил себя человеком европейским и поехал издавать в Карловац журнал — учить сербов на свой образец. Все благомыслящие люди были им недовольны». Несколько лучшего мнения был Раевский о Богдановиче, которого он характеризовал как человека образованного и умеренного, но лично обиженного патриархом⁵⁰.

В Хорватии Раевский не так безусловно сочувствовал Елачичу, как в Воеводине патриарху. Указывая в апреле 1849 г. на рост противоречий между баном и Гаем, Раевский был убежден, что обвинения последним Елачича в том, что бан мало заботится о национальных проблемах, несправедливо.

В августе 1849 г. Раевский отмечал увеличение числа противников бана, а также широкое распространение среди хорватов идеи соединения Хорватии и Славонии с Воеводиной, к последней русский священник относился с опаской, боясь, что хорваты сумеют подчинить себе православных сербов⁵¹. Но уже в начале октября Раевский меняет свою точку зрения на объединение хорватских и сербских земель. «Такое соединение, — писал он, — в политическом значении полезно бы было, так как тогда православные будут в большом числе, между тем как в Воеводине (Воеводине. — И. Ч.) число их мало против у других наций». Тут же Раевский приводил данные: в Воеводине живет 1200 тыс. человек, из них сербов — 500 тыс., немцев — 400 тыс. и 300 тыс. остальных. В Хорватии же проживает 300 тыс. сербов и 200 тыс. — в Далмации. Следовательно, в объединенных Славонии, Далмации, Хорватии и Воеводине сербов было бы один миллион⁵².

В октябре вопрос о том, кто станет воеводой в Воеводине, снова обострился.

На этот раз одним из претендентов выступал Елачич, которого сербские либералы приглашали принять этот титул еще в мае 1849 г. Другим претендентом, по словам Раевского, был сам патриарх Раячич. По слухам, Раячич хотел владеть Воеводиной на тех же условиях, как черногорский митрополит Черногорией⁵³. Сообщение о желании Раячича стать военным правителем Воеводины Раевский повторяет в своих записках несколько раз. Этот факт совершенно неизвестен историографии. Соответствует ли он действительности? Некоторые моменты поведения Раячича говорят за это. Прежде всего то, что Раячич, активно борясь против попыток Стратимировича и Елачича стать воеводою, сам открыто не выставял и не поддерживал никакой кандидатуры.

Венское правительство назначило правителем Воеводины, которая была официально провозглашена в ноябре 1849 г., барона Майендорфа. Разочарование сербов было огромным. Не меньшим оно было и у Раевского. Всегда решительно принимавший сторону патриарха во всех его столкновениях и с сербскими либералами, и с хорватским баном Елачичем, он теперь в неудачах сербского национального движения стал обвинять патриарха и его окружение. «Тогда как по смерти Шупликаца надобно было выбрать тотчас воеводу, — писал Раевский, — желание патриарха и бана самим быть воеводою лишило Воеводину главы и своей подпоры... Бан искал соединить Воеводину с Кроацией под собою, сербы могли это предвидеть. Но простительно ли было патриарху, ослеплясь видами на воеводство, не предвидеть, какое зло могло произойти без должного выбора воеводы?» По мнению Раевского, правительство воспользовалось несогласием Раячича и Елачича по этому вопросу. И хотя патриарх вызывал у Раевского жалость, он был убежден, что тот сильно согрешил перед сербами. Еще более, чем патриарха, Раевский обвинял в случившемся его окружение, к которому принадлежали: аудитор Раячич, племянник патриарха, Живанович, «известный пройдоха, из ничего при Милоше сделавшийся человеком

и несколько раз менявший роль свою», и Паскович, «промотавшийся секретарь консистории».

В создавшихся условиях Раевский полагал, что лучшим выходом для сербов было бы соединение Воеводины с Хорватией, хотя сербы боялись этого, опасаясь усиления влияния католичества. Но будет еще хуже, «когда пойдет немецкая колонизация Бачки и Баната, о которой теперь хлопочет правительство, тогда, может быть, еще более потерпят и православие и национальность». Говоря о сербах, которые не желали объединения с хорватами, Раевский имел в виду прежде всего партию патриарха. А последняя, по его наблюдению, была очень мала. «Надобно отдать честь бану. Разумеется, не без своих видов, но он и теперь старается о Воевододине»⁵⁴. Еще резче осуждал Раевский несогласие между баном и патриархом в письмах к Блудовой. В них он давал емкие портреты обоих консервативных деятелей. «Жаль народа, — замечал Раевский, — пропадает за интриги их представителей. Не оправдываю совсем и Елачича. Много в нем австрийского; на поприще народного славянского движения и он не последний комедиант, но за ним слава. Генерала в нем еще не видали, но отважного предводителя, умеющего воодушевить толпу народа, в нем нельзя отвергать. Я обвиняю более патриарха. Увлечся идеями властолюбия, льстил с этою целью всем, сделал чрез то большой ущерб народу, и теперь тем более непримирим с Елачичем... Представители народа сидят теперь в Вене и боятся нос показать народу... Судьба же ему (народу. — И. Ч.) терпеть вечно, всюду видеть неудачу. Я скажу о патриархе: сидит здесь, да ворчит, да сердится, да прилаживается к тем, кто его обманывал и всегда намерен обманывать, а народ — народ терпи»⁵⁵.

Таким образом, Раевский, долгое время находившийся под влиянием Раячича, к концу 1849 г., когда он увидел, к чему привела политика последнего, решительно осудил его.

С грустью описывал Раевский положение Воеводины после сербско-венгерских столкновений: церкви и дома разрушены, поля засеяны кое-как, ибо не было семян, купцы разорены. «Вообще г[оспода] прелаты сербские, — отмечал он, — с горестью должен сознаться, более занимаются собой, своим благосостоянием, чем благосостоянием народа». В самом дурном состоянии находятся сербские народные школы. Обычно учитель одновременно является и дьячком в церкви. Православные священники малообразованны. «Если бы сам народ сербский не был тверд в вере, давно бы не было здесь православия». Выход из этого положения Раевский видел в том, чтобы воеводинское духовенство получало образование в русских учебных заведениях. «Если при настоящем положении сербов они не обратят внимание на образование духовенства, не познакомятся в этом случае с Россиею, будут сами отвечать богу за свой народ»⁵⁶.

Наоборот, отношение к католическому духовенству, вернее, к той его части, которая сочувствовала хорватскому национальному движению, у Раевского улучшилось. Он указывал на его образо-

ванность. Особые симпатии у русского священника вызывал молодой дьяковский епископ Йосип Юрай Штросмайер, будущий вождь хорватских либералов. «Я имел случай познакомиться с Штросмайером, — писал Раевский, — ... предпочтенный, умный человек! с своими католическими идеями, но не фанатик и предан народу. С каким удовольствием читаешь его статьи в газетах! Из наших духовных никто не написал ничего подобного, даже ничего решительно»⁵⁷.

Если Штросмайер становился все более симпатичен Раевскому, то лидер хорватских либералов Гай все более утрачивал его доверие. Раевского возмущала полная беспринципность Гая. «Гая теперь нет в Вене, — писал он в конце декабря 1849 г., — уехал в Загреб, где его „Новине“ утверждены официально газетою... Умен Гай! Из многих мест он получал деньги, и в одно и то же время мог действовать преискусно в пользу самых противоположных партий. На моем уже веку он был и агентом меттернихова кабинета и вместе поборником кроатизма, и вместе приятелем православных сербов. Открылась революция — во главе народной партии был Гай. Между студентами здешними он произвел фурор. Дней через пять бежит ко мне, боясь за свою голову. Едет в Загреб, выбирает бана, инстоллирует его руками патриарха, дурачит Милоша Обреновича. Обвинен баном, подозревается в сношениях с венгерцами, мирится с баном, пишет о союзе славян южных, как видите, и немецкое министерство делает его газету официальною»⁵⁸. Любопытна одна деталь: если раньше для Раевского главным было то, что славянские движения являлись лояльными императору, то теперь сам факт превращения газеты Гая в правительственный орган вызвал у него неприязнь. Ориентация Раевского явно менялась. И это сказалось не только в его отношении к Гаю, но гораздо больше в его отношении к Раяичичу и высшему сербскому духовенству.

Еще один момент в национальном движении южных славян чрезвычайно интересовал Раевского — их отношение к России. Он старался уловить малейшие его нюансы на всем протяжении рассматриваемого периода.

Впервые Раевский упомянул об отношении югославян к России в начале февраля 1849 г. Его радовало, что даже у славян-католиков пробудился интерес к православию. Так, по просьбе чехов во время Славянского съезда в июне 1848 г. в Праге было совершено православное богослужение сербским протоиереем Стаматовичем. В церкви при русском посольстве, «хотя и никого нет русских, но народу всегда бывает много. Большею частью бывают кроаты и депутаты других славянских народов». Раевский пытался сделать богослужение в церкви торжественным и приятным для новых прихожан. Когда сербы изъявили желание петь в церкви сербским напевом, Раевский стал одну службу отправлять по-сербски, а другую — по-русски. Чтобы сербские солдаты из армии Елачица (православные кроаты, по словам Раевского) не умирали без причастия, Раевский стал посещать госпитали⁵⁹. В марте 1849 г. русский священник с удовлетворением отмечал появление сочинений

хорватских католических священников, «где явно выражается мысль большего совершенства установлений нашей церкви перед римскою. Видишь с удовольствием иногда, как они говорят за нашу церковь и вообще за все наше управление, основанное на собственных народных русских началах»⁶⁰.

Вступление русских войск в пределы Австрийской империи (манифест об этом был подписан Николаем I 26 апреля 1849 г.) было встречено славянскими народами с удовольствием. Повсюду слышались разговоры о русской помощи. «Славяне рады ей, — указывал Раевский, — но толкуют о ней различно... О русских войсках единодушно все говорят с удивлением — не о дисциплине их (это вещь известная), но об их ласковом обращении, приветливости, честности, благородстве, религиозности». Солдаты помогали хозяевам и дома, и в поле, доброжелательно относились к местным жителям. «Один из моих знакомых сербов, — продолжал Раевский, — вступил в Градище в разговор с русским солдатом, спрашивая, откуда он родом, давно ли в походе? Вот уже шесть недель, отвечал тот, что мы идем на венгерца, а все еще не можем вытти из России. Так их обманывает язык, обычай, ласковый прием и одежда славянских народов»⁶¹. И далее Раевский снова замечал: «Сколько теперь рассказов между словами и сербами, сколько повестей о русских! И все эти рассказы о благородстве, удаестве, откровенности и добрых чувствах русского воина»⁶². Раевский не преувеличивал. О добрых отношениях между русскими и южнославянскими солдатами свидетельствовал в своем письме к А. Т. Брличу и Штросмайер. В июне 1849 г. он сообщил, что, встретясь с граничарами, спросил их, как им нравятся русские. На это граничары ответили: «Гораздо больше, чем швабы. Это наши люди, мы их хорошо понимаем, их обычаи очень похожи на наши». По этому поводу Штросмайер восклицал: «Какое счастье, что наши люди все до единого так чувствуют и такое понятие о русских имеют. Наше будущее в панславизме»⁶³.

Наибольшие надежды связывали с приходом русских сербы. «Мысль общая владычествует теперь в Воеводине между народом, — отмечал Раевский, — что император Николай за то только и пришел на помощь Австрии, что услышал о бедствиях народа сербского, о поругании веры православной. Ждут, что Россия представительством своим явным или тайным перед престолом австрийским гарантирует Воеводине ее пределы, доставит ей вместе с патриархом православного воеводу... утвердит в ней господство православной веры и вместе с тем откроет свободный путь в российские духовно-учебные заведения сербскому юношеству, назначающему себя к духовному званию»⁶⁴. Таким образом, из записок Раевского вырисовывается целая программа, выполнение которой сербскими национальными деятелями консервативного направления связывалось с поддержкой России: создание автономной Воеводины во главе с православным воеводой и патриархом, обеспечение преимуществ в ней православной церкви, учеба сербских юношей в русских духовных учебных заведениях. И простые сербы, не имея политических планов, воз-

лагали свои надежды на Россию. В декабре 1849 г. Раевский признавался в письме к А. Д. Блудовой: «А народ, уверяю вас, беспрестанно едет ко мне. Ему нигде более нет доступу. Ты наш православный священник, ты русский, тебя слушает патриарх, моли его за нас. Русские, одни русские могут помочь нам. Пиши в синод, пиши к батюшке. Венгерцам помог, нам ли не поможет»⁶⁵. Под батюшкой сербы явно подразумевали Николая I. И их обращение не осталось втуне. Именно по инициативе Раевского графиней Блудовой было создано первое русское общество помощи югославянским народам, которое оказывало вспоможение воеводинским и далматинским сербам, герцеговинцам, боснякам вплоть до начала Крымской войны⁶⁶.

Повысился интерес к России у чехов и хорватов. Раевский с удовлетворением подчеркивал в середине мая 1849 г., что многие из славян начинают склоняться к мысли сделать русский язык общеславянским. «В Аграме обещана премия за составление лучшей русской грамматики. Во многих литературных славянских обществах занимаются декламацией русских прозаиков и поэтов, появляются русские песенки для народного употребления, и нередко теперь даже встречаешь людей, которые довольно хорошо объясняются по-русски»⁶⁷.

Интересно, что замечания Раевского о росте интереса славян к России появляются в его заметках в феврале-марте 1849 г., когда славянские национальные деятели начали понимать беспочвенность своих надежд на Габсбургов. Этот интерес, несомненно, подогрели, с одной стороны, провозглашение Октроированной конституции, разочаровавшей славян, с другой — выступление русских войск против венгров, которых многие югославянские деятели считали своими основными врагами.

Записки Раевского являются важным и во многом достоверным источником по национальному движению южных славян Австрии в 1848—1849 гг. Они не только уточняют многие события в южно-славянских землях, добавляют новые штрихи к портретам сербских и хорватских национальных деятелей, но и совершенно по-новому освещают ряд кардинальных вопросов национальной программы последних, в частности лидера сербских либералов Джордже Стратимировича и главы сербского консервативного лагеря патриарха Иосифа Раяича, рассказывают о взаимоотношениях, сложившихся в 1849 г. между русскими и сербами и хорватами. Записки Раевского свидетельствуют, что в воззрениях консервативных деятелей югославянских движений при всем их легитимизме не наблюдалось стремления возвратиться к старым порядкам, но четко прослеживается желание к реформационным изменениям по крайней мере в области национально-государственного устройства. И еще один момент необходимо отметить. Тема революции всегда рассматривалась в историографии односторонне. Обычно подчеркивался прогрессивный характер ее преобразований, героический пафос борьбы революционеров. Вместе с тем упоминались вскользь как нечто второстепенное сопровождающие революционные события

гибель и страдания людей, разрушение городов и сел. Записки Раевского дают яркую картину бедствий, которые принесла в южнославянские земли революция, картину, основанную на свидетельствах простых сербов, далеких от политических интриг своих лидеров.

- ¹ Зарубежные славяне и Россия. М., 1975. С. 501—502.
- ² Культура и общество в эпоху становления наций. М., 1974. С. 166—179.
- ³ Русь. 1884. № 11 (I.VI). С. 24.
- ⁴ ЖМНП. 1845. Ч. XV, XVII; 1846. Ч. I.
- ⁵ Русский архив. 1895. Кн. 3, № 11. С. 364.
- ⁶ Literární archiv Národního muzea (Praha). Pajevsky-Hankovi. 25/13.IX.1843.
- ⁷ Центральный государственный архив древних актов. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 15 об. (Далее: ЦГАДА).
- ⁸ Центральный государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 128. Д. 9. Л. 6. (Далее: ЦГИА).
- ⁹ Literární archiv Národního muzea (Praha). Автобиография Раевского.
- ¹⁰ Русь. 1884. № 11.
- ¹¹ Новое время. 1884. № 2874 (28.II/11.III).
- ¹² Отдел письменных источников Государственного Исторического музея. Ф. 347. (Далее: ОПИ ГИМ).
- ¹³ ЦГИА. Ф. 796. Оп. 128. Д. 765. Л. 1.
- ¹⁴ ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 2423а. Л. 15 об.
- ¹⁵ Там же. Д. 2424. Л. 188 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 2423а. Л. 8, 11.
- ¹⁷ Там же. Д. 2424. Л. 165.
- ¹⁸ Там же. Д. 2423а. Л. 11.
- ¹⁹ Там же. Д. 2424. Л. 165.
- ²⁰ Там же. Л. 192, 192 об.
- ²¹ Попов Н. А. Письма Платона Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара к Н. И. Надеждину // Русский архив. 1873. № 7/12. С. 1168.
- ²² Там же. С. 1188.
- ²³ ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 24 об.
- ²⁴ ОР ГПБ. Ф. 607. Записки Раевского. 1848. Л. 4.
- ²⁵ Там же. Л. 10.
- ²⁶ Там же. Л. 13, 13 об.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Л. 14 об.
- ³⁰ Там же. Л. 13 об., 14.
- ³¹ Там же. Л. 16.
- ³² Там же. Л. 18 с об.
- ³³ ЦГАДА. Ф. 1274. Л. 919. Л. 1.
- ³⁴ ОР ГПБ. Ф. 607. Записки Раевского. 1848. Л. 14 об.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Историја српског народа. Београд, 1981. Кн. 5, т. 2. С. 49.
- ³⁷ ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Л. 6 об.
- ³⁹ ОР ГПБ. Ф. 607. Записки Раевского. 1848. Л. 17 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 13 об.
- ⁴¹ ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 3, 3 об.
- ⁴² Там же. Л. 6 об.
- ⁴³ Там же. Л. 4, 4 об.
- ⁴⁴ Там же. Л. 7.
- ⁴⁵ Историја српског народа. Кн. 5, т. 2. С. 94.
- ⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 7, 7 об.
- ⁴⁷ Там же. Л. 9, 9 об., 10, 10 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 12.
- ⁴⁹ Там же. Л. 13 об.

- 50 Там же. Л. 16, 16 об.
- 51 Там же. Л. 16.
- 52 Там же. Л. 19.
- 53 Там же. Л. 21 об.
- 54 Там же. Л. 22—23.
- 55 ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 2424. Л. 187.
- 56 ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 24, 24 об.
- 57 Там же. Л. 24 об.
- 58 ЦГАДА. Ф. 1274, 2424. Л. 187 об., 188.
- 59 ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 5—6.
- 60 Там же. Л. 8 об.
- 61 Там же. Л. 11, 11 об.
- 62 Там же. Л. 18.
- 63 *Katičić R. Smenhu Austrije i Hiriye: Štrossmayer u Beču, 1847—1850.*
- 64 ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 14 об., 15.
- 65 Там же. Д. 2424. Л. 187 с об.
- 66 *Чуркина И. В. К вопросу о первом русском обществе помощи югославянским народам // Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII—XX вв. М., 1987. С. 62—75.*
- 67 ЦГАДА. Ф. 1274. Д. 919. Л. 13.

СЛОВЕНЦЫ И КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА 1848 г. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Л. А. Кирилина

В 1848 г. внутреннее положение в Австрийской империи характеризовалось сложнейшим переплетением социально-политических и национальных противоречий. Революционные события в разных частях монархии развивались различными путями. В Словении*, в отличие от Венгрии, Хорватии и Италии, общественное движение довольно быстро вошло в мирное русло, преобладающими были легальные формы борьбы за национальные и социальные требования.

Почему события в Словении развивались подобным образом? На этот вопрос постарается дать ответ предлагаемая статья. Главное внимание в ней будет уделено решению в словенских землях крестьянского вопроса. Национальный вопрос в силу ряда причин не стоял в 1848 г. для словенцев так остро. Это объясняется прежде всего особенностями исторического развития словенского народа. Словенцы очень рано — еще в VIII в. — потеряли свою независимость. С XIII в. и вплоть до 1918 г. территории, заселенные словенцами, входили в состав коронных земель Габсбургов. Традиции государственности у словенцев (в отличие от чехов, сербов, хорватов) практически не было, не имели они и своего класса феодалов. Дворянство, высшее духовенство, богатые и средние горожане в словенских землях были немецкого или итальянского происхождения. Словенцы являлись преимущественно крестьянским народом. Большинство их национальных деятелей было во втором или третьем поколении выходцами из крестьянской среды. Словенское национальное движение накануне 1848 г. находилось еще на просветительской стадии развития и охватывало очень узкий круг духовной и светской интеллигенции, мелкой и средней буржуазии. Начавшаяся в империи революция дала мощный импульс развитию словенского национального движения. Уже в апреле 1848 г. были основаны первые национально-политические общества, создана их политическая программа — программа Объединенной Славении, предусматривавшая введение словенского языка в школах и местной администрации, объединение словенских земель в одну провинцию

* Словения в середине XIX в. существовала лишь как этническая, а не административно-территориальная общность. Словенцы занимали этнически компактные области на юге Штирии и Каринтии (1/3 населения этих провинций), в Прекмуре (венгерские комитаты Ваш и Салад), в Венецианской Словении (части Ломбардо-Венецианского королевства). В Приморье (кроме Истрии) и Крайне они составляли большинство населения. Общая численность словенцев в это время едва превышала 1 млн человек.

в рамках Австрийской империи. Достичь своих целей национальные деятели стремились исключительно легальным путем.

В крестьянской среде в 1848 г. словенское национальное самосознание только начало пробуждаться. Большинство словенцев еще не ощущало себя единым народом. Даже многие национальные деятели еще имели региональное сознание — называли себя крайнцами, штирийцами и т. д. Словенские крестьяне относились к вопросам развития своей национальности равнодушно, их стремления сосредоточивались прежде всего на решении вопроса об отмене феодальных отношений.

Накануне революции 1848 г. в австрийских землях еще господствовала феодальная структура экономики. Основной отраслью экономики словенских земель было сельское хозяйство, 90% населения проживало в деревнях. Положение крестьян в различных областях Словении существенно различалось. Наиболее тяжелым был гнет, падавший на плечи крестьян Нижней Крайны и Штирии. Барские запашки в этих плодородных районах были большие. На долю крестьян Нижней Крайны приходилось 70% отработок, падавших на всю Крайну, а также большая часть денежных и натуральных налогов. Земельное владение крестьянин Нижней Крайны получал лишь в пожизненное пользование или в пользование трех поколений. В лучшем положении были крестьяне в гористых районах Верхней Крайны и Каринтии. В связи с малым количеством плодородных земель феодалу здесь было выгоднее получать от крестьянина натуральные и денежные налоги, барщина не была распространена. Большинство крестьян Каринтии, Штирии, Верхней Крайны и Приморья имели участки в наследственном пользовании. Крестьяне Штирии и Каринтии имели право продавать и обменивать свои участки.

В связи с недостатком плодородных земель в словенских деревнях было много малоземельных крестьян, сочетавших занятия сельским хозяйством с промыслами. Благодаря промыслам получала себе средства на жизнь 1/3 сельского населения.

Модернизация сельскохозяйственного производства в конце XVIII—начале XIX в. (введение системы многополья, использование удобрений, освоение новых сельскохозяйственных культур), развитие товарно-денежных отношений имели двоякие последствия для словенского крестьянина. С одной стороны, возрос жизненный уровень сельского населения (с 1817 г. в словенских землях не было зафиксировано ни одного крупного голода), увеличилось число крестьян-предпринимателей. С другой — большинство феодалов старались приспособиться к новым условиям путем увеличения барщины и налогов. Переход ряда помещиков к рациональным методам использования лесов (обновление, продажа и т. д.) привел к усилению их столкновений с крестьянами по вопросу о крестьянском пользовании сервитутными правами. Эта проблема особенно остро встала в 1848 г. Накануне революции крестьянин Австрийской империи отдавал феодалу в среднем 1/3 своего урожая. Помимо барщины, денежных и натуральных повинностей,

которые крестьянин был должен своему господину, ему полагалось платить различные налоги государству, десятину церкви, поставлять рекрутов в армию.

Последовавшие подряд три неурожайных года (1845, 1846, 1847), резко ухудшившие материальное положение крестьян, привели к революционной ситуации в деревне.

Революция, вспыхнувшая в Австрийской империи в марте 1848 г., пробудила энергию широких общественных слоев. В словенских землях падение старого режима вызвало мощный всплеск крестьянских восстаний. Считая, что революция уничтожила феодальную зависимость, крестьяне стали отказываться от уплаты податей и выполнения повинностей, требовали восстановления своих сервитутных прав, поджигали помещичьи усадьбы. Центром волнений стали Нижняя и Внутренняя Крайна. Крупнейшее восстание произошло в Ижанах. Недовольство ижанских крестьян своим подневольным положением усиливалось от того, что местный феодал уже 35 лет запрещал им рубить дрова в окрестных лесах, тем самым ограничивая их старинные сервитутные права. В ночь с 21 на 22 марта примерно 300—500 крестьян совершили нападение на Ижанский замок, разграбили его, сожгли поземельные книги и урбарии. Затем они направились к дому священника, но расправы здесь учинить не успели из-за прихода войск, подавивших восстание. Волна крестьянских выступлений прокатилась по окрестностям городов Радовлице, Крань, Смледник, Мирна, Черномль и других. Наряду с замками светских феодалов нападениям часто подвергались и церкви, владевшие в Словении немалым количеством земель. В целях пресечения народных волнений губернатор Крайны и Каринтии граф Леопольд фон Вельсершайм издал указ о введении в Крайне осадного положения. Участникам крестьянских выступлений отныне угрожала расправа на месте. Также было объявлено о коллективной ответственности членов крестьянской общины за беспорядки¹. Принятые властями меры привели к определенному спаду крестьянского движения в Крайне. Нападения на поместья прекратились. Однако, как сообщалось в донесении губернского чиновника в министерство внутренних дел империи 27 марта, «...с каждым днем ничуть не уменьшаются угрозы со стороны зависимых крестьян, и несколько уже задуманных нападений не совершилось лишь благодаря помощи правительственных войск»².

Позднее начались крестьянские волнения в словенской части Каринтии. Губернское управление писало министру внутренних дел 23 марта: «Каринтийцы менее раздражены (чем крайнцы. — Л. К.) и, особенно в немецких районах, добродушны; настроение здесь мирное и лояльное по отношению к императорскому дому»³. Однако это успокоительное сообщение было преждевременным. 24 марта вспыхнули волнения в округе Подъюна, где было совершено нападение на Женешский замок, затем они докатились до окрестностей городов Целовец (Клагенфурт), Рожек, Подрощице. В Нижней Штирии и Приморье обстановка также была беспокойной, хотя крестьянское движение здесь было значительно слабее, чем в Крайне.

Под давлением крестьянских выступлений во всей империи император 27 марта издал патент о переводе натуральных повинностей в денежную ренту (для Штирии и Каринтии временные патенты были изданы в апреле). После майского восстания в Вене последовали правительственные патенты для Каринтии и Крайны об отмене феодальных повинностей за выкуп к концу 1848 г. До конца года крестьяне должны были исполнять повинности по прежним законам. Эти меры правительства смягчили накаленную обстановку в словенских областях, привели к определенному спаду крестьянского движения в империи.

Политика австрийских властей, предусматривавшая успокоение крестьянства путем некоторых уступок и обещаний, встретила поддержку словенской буржуазии, интеллигенции, духовенства. В этой среде царили радость и воодушевление императорскими милостями. Все надежды на перемены в общественной жизни возлагались на правительство. Словенские национальные деятели, как консервативно, так и либерально настроенные, были едины в своем неприятии народных выступлений, в стремлении склонить крестьян к мирному ожиданию даруемых императором благ.

Особенно активную пропаганду среди крестьянства развернули словенское духовенство и газеты. Словенский консерватор епископ Мартин Сломшек в «Постном пастырском письме» от 2 апреля 1848 г. укорял крестьян за то, что вместо того, чтобы поблагодарить Бога за обещанные им милости и терпеливо подождать их исполнения, они ведут себя «...как распушенные дети, которые сразу же рвут и топчут старую одежду, как только заботливый отец пообещает подумать о новой одежде для них». Чтобы убедить крестьян в необходимости по-прежнему выполнять феодальные повинности, Сломшек находил самые разнообразные доводы: то, что дает крестьянин господину, он дает также императору, а то, что дает духовенству, — дает Богу; «налоги существовали с тех пор, как свет стоит, и будут существовать, пока он стоять будет». Он объяснял, что по сравнению с прежними временами повинности крестьян вовсе не так уж тяжелы, а будут еще легче; неоднократно ссылаясь на Священное писание⁴. Однако, по словам самого епископа, письмо произвело на крестьян очень плохое впечатление. В ряде мест они с угрозами прерывали его чтение священниками. Янез Блейвейс, один из крупнейших национальных деятелей консервативно-реформистского направления, редактор первой словенской газеты «Кметийске ин рокодельске новице» (далее: «Новице»), обращался к крестьянам с теми же увещеваниями. Почти в каждом номере «Новиц» звучали призывы к крестьянам исполнять повинности и платить налоги господам согласно старым законам до тех пор, пока не будут утверждены новые и установлена сумма выкупа. Крупнейший теоретик либерального направления словенского национального движения в 1848 г., человек, отлично знавший тяготы крестьян и любивший свой народ, каринтийский священник Матия Маяр-Зильский также убеждал свою паству, что «...свобода не распространяется настолько далеко, чтобы крестьянин ничего не был бы

должен господину», и нужно «исполнять свои обязанности, как подобает верноподданным»⁵.

Как видно из вышеприведенных высказываний, словенские национальные деятели всех направлений весной 1848 г. полагали, что крестьянин должен дать феодалу выкуп за освобождение от повинностей и налогов. Особенно ясно это проявляется в словах Я. Блейвейса: «Десятина, барщина и другие повинности — это старые долги, которые крестьянин обязан выплатить господину»⁶.

Многие словенские национальные деятели в 1848 г. не видели причин бедственного положения крестьянства, происходившего от феодальной эксплуатации. Зачастую они объясняли его только нерадивостью и темнотой самих крестьян и неурожайными годами. Крестьянские выступления, по их мнению, вызывались частными разногласиями с феодалом и подстрекательством со стороны «злодеев». Некоторые национальные деятели (например, окружной комиссар из Смледника Миха Амброж) усматривали корень «мерзкого разбойничания» крестьян в том, что их господа не знали словенского языка, и крестьяне к ним относились как к чужим⁷. Причину глубокого разрыва между феодалами и зависимыми крестьянами они видели прежде всего в отсутствии словенского самосознания у помещиков.

Народные волнения воспринимались словенскими национальными деятелями как выходы незрелых людей. Блейвейс и его единомышленники терпеливо и настойчиво объясняли в «Новицах» крестьянам их ошибки, призывали к благоразумию. Блейвейс убеждал их не давать «...себя морочить лживым язычникам, присяжным писакам и другим мошенникам, которые с помощью такого обмана лишь свои кошельки наполняют, ближнего же своего ввергают в большие денежные убытки»; указывал, что разбоем они себе не помогут, а лишатся имущества и головы⁸. Резко негативно восприняли словенские деятели нападение крестьян на Ижанский замок. «Новице» назвали ижанцев «разбойниками, недостойными называться крайцами», а один из будущих членов Словенского общества в Любляне, выпускавший с июля 1848 г. «Ведеж», поучительный журнал для молодежи религиозно-нравственного содержания, Янез Навратил, даже высказал на страницах «Новиц» удовлетворение тем, что в Крайне «...все злодеи, подобные ижанцам, будут сейчас без промедления осуждены на расправу на месте ...и обезглавлены»⁹.

Чтобы склонить крестьянское население к миру, Блейвейс уже в конце марта открыл в «Новицах» новый раздел «Беседы с крестьянами и ремесленниками», в котором разбирались и опровергались разные слухи, распространившиеся в словенских землях в марте—апреле 1848 г., велась переписка с крестьянами. Этот раздел газеты, еще не использованный исследователями, дает нам возможность увидеть, какое смятение царило тогда в умах людей, какие надежды родила в крестьянских сердцах революция. Слухи, по-видимому, распространялись людьми, имевшими кое-какие средства и образование, во всяком случае в «Новицах» постоянно подчеркивалось,

что они носят «господскую одежду». Одни говорили, что налогов теперь, при конституционном строе, будет в два раза больше, а вместо одного господина будет 500. Другие говорили — и эта мысль прочно закрепилась в крестьянских головах, — что революция сразу отменила все налоги и повинности. Переписка «Новиц» с крестьянами показывает также размежевание в их среде. Так, многие крестьяне в своих письмах возмущались тем, что «Новице» резко осуждают восставших, тогда как в бунтах виноваты сами господа. В письме, написанном во второй половине апреля, когда уже намечился некоторый спад крестьянских волнений, видно стремление к мирному разрешению споров с помещиками. Описывая тяготы своей жизни и жестокость господина, крестьяне просят не требовать с них больше того, что они в состоянии дать, подчеркивая, что они честно выполняют свои обязанности. Другое письмо, помещенное в газете несколько ранее, раскрывает позиции зажиточных крестьян-землевладельцев. В нем ни слова об экономических проблемах крестьянства, упор делается на его политическую бесправность. Крестьяне высказывают желание принять участие в работе законодательного рейхстага, просят, чтобы их причислили к третьему сословию¹⁰.

В мае-июне 1848 г. крестьянское движение в словенских землях приняло мирные формы. Свои требования крестьяне теперь выдвигали в многочисленных прошениях императору, веря в его милость и именно от него ожидая защиты от своих господ-феодалов. О том, что крестьяне противопоставляли императора феодалам, свидетельствует тот факт, что против государственных налогов они не выступали (в отличие от налогов и повинностей феодалам). О принятых в Вене постановлениях проинформированы они были плохо и, посылая свои прошения, верили, что их тяготы прекратятся в самом скором времени. Крестьянские депутации, самой крупной из которых была крайнская делегация, встречавшаяся в начале мая с министром внутренних дел Пиллерсдорфом, отправлялись в Вену из разных областей Словении. В мае при министерстве внутренних дел была создана особая комиссия для приема делегаций крестьян, оттуда их прошения пересылались на рассмотрение в губернии. До нас дошли около 50 прошений из Крайны (прежде всего из Нижней Крайны), на основании которых можно составить более или менее полную картину крестьянских требований¹¹. Главным из них, естественно, было требование отмены феодальной зависимости и связанных с ней налогов и повинностей (барщины, десятины, чинша и т. д.). Во многих прошениях осуществление этого акта предполагалось без выкупа, а все выкупные договоры, заключенные с декабря 1846 г., должны были считаться недействительными; ту же часть выкупа, которую крестьяне уже выплатили, господа обязаны вернуть. Кроме вышеперечисленных, чаще всего выдвигались следующие требования: отмена налогов духовенству и перевод священников на государственное обеспечение, восстановление крестьянских сервитутных прав, отмена патримониального суда, право для крестьян охотиться и ловить рыбу в своей округе, отмена

таможенных пошлин, прежде всего на границе с Хорватией, снижение налога на соль, введение подоходного налога вместо налога на предметы потребления. Крестьянские прошения носили экономический характер, национальный вопрос в них, за редким исключением, не затрагивался. Пребывание в Вене оказало на многих крестьян отрезвляющее воздействие. Они увидели, что не приходится ожидать от правительства немедленного разрешения крестьянских проблем. Майское восстание способствовало усилению революционных настроений среди словенских крестьян и расширению их политического кругозора.

Весной 1848 г. взаимопонимание между словенскими национальными деятелями и крестьянами не было достигнуто. Словенская интеллигенция при всем сочувствии тяжелому положению крестьян считала неприемлемым путь восстаний, по которому вначале стихийно стало развиваться крестьянское движение. Большинство национальных деятелей осудило также радикализм крестьянского требования отмены феодальных повинностей и налогов без выкупа.

Такая позиция словенской буржуазии и национальных деятелей, в свою очередь, вызывала отпор в крестьянской среде. Недоверие крестьян к «господам» особенно ярко проявилось во время выборов в первый австрийский рейхстаг в июне 1848 г. Незадолго до выборов в словенских землях получили распространение переписанные от руки по-словенски и по-немецки экземпляры одного письма. Известно, что это письмо являлось переводом статьи, помещенной в одной из популярнейших демократических газет Австрии периода революции — «Конституцион»¹². Крестьяне не должны платить выкупа, они имеют право на свободу, говорилось в письме. «Справедливость сейчас победила, и народ заплатил вам (господам. — Л. К.) за свою свободу кровью. От кого теперь вы ждете выкупа? Вам надо очень попросить, чтобы вас за это сильно не наказали и чтобы с вами не произошло того же, что и с французскими господами. Вспомните 1789 год, и я вам наперед скажу, что, если вы будете идти тем путем, каким собираетесь, навлечете на себя грозу, которая грянет на ваши головы с небес». Крестьянам в письме предлагалось выбрать депутатов в рейхстаг только из своей среды¹³. Характерно, что в рейхстаг от словенских земель не было избрано ни одного помещика, ни одного священника. Из 17 депутатов-словенцев шесть были крестьянами, 11 — представителями интеллигенции (из них четверо крестьянского происхождения).

В конце июня начали свою работу ландтаги, созданные с целью предварительного обсуждения национального и крестьянского вопросов и подготовки необходимых материалов для рейхстага. Многие национальные деятели Словении приняли участие в их заседаниях. Крестьяне не проявили заинтересованности в деятельности ландтагов, ожидая отмены феодальных отношений от рейхстага. Выборы в ландтаги словенские крестьяне в массе своей проигнорировали. В первый же день работы крайнего ландтага крестьянские депутаты отказались участвовать в его работе, заявив, что будут пересылать свои прошения непосредственно рейхстагу. Против обсуждения

аграрного вопроса в ландтагах выступили и крестьянские депутаты Каринтии и Штирии. Однако эта проблема все же была поднята. На единственном заседании крайнского ландтага (19 июня) с либеральных позиций выступил М. Амброж. Он потребовал, чтобы помещики не вымогали у крестьян повинности в этом году, ибо крестьяне заплатят лишь то, что установит рейхстаг на будущие годы. К Амброжу присоединился и словенский крестьянин Матия Грашич, убеждая господ во избежание волнений не требовать десятины. Наиболее радикально выступил словенец Еретина; он потребовал, чтобы выкуп взяло на себя государство («император и министры») ¹⁴. Крестьяне с одобрением встретили его речь.

Представители крайнских феодальных сословий продолжали свои совещания, несмотря на отсутствие крестьян. 8 июля они послали в министерство внутренних дел для последующего представления рейхстагу прошение, в котором предлагалось, чтобы крестьянин сам полностью выкупил все свои феодальные повинности и налоги. Содержание прошения показалось чересчур реакционным министру Доблхоффу, и он отказался его поддержать ¹⁵.

В каринтийском ландтаге крестьянский вопрос не обсуждался вообще, в штирийском же ему было уделено немало внимания. В дебатах об аграрной реформе, проводившихся в штирийском ландтаге, приняли участие словенские либералы Валентин Гурник и Франц Рапотар. Гурник заявил, что крестьяне его края (Целье) не могут понять, за что хотят получить выкуп господа. Вместе с тем он убеждал крестьян, что господа им не враги. Стремясь примирить обе стороны, он призывал их подать друг другу руки. О возбужденном состоянии крестьян и их желании, чтобы вопрос об отмене повинностей был решен как можно скорее, говорил в своем выступлении Рапотар. Естественно, по этим скудным данным сложно составить представление о взглядах этих людей, ясно одно — решению крестьянского вопроса они придавали важное значение и высказали мнение своих избирателей-крестьян. К ним крестьяне, очевидно, не имели больших претензий, зато поведение некоторых других депутатов, не выполнивших их наказов, вызвало у них сильный гнев. Известны случаи, когда крестьяне избивали не оправдавших их надежды депутатов, разоряли и поджигали их дома.

6 июля штирийский ландтаг принял проект закона, предусматривавший отмену феодальных повинностей с 1 января 1849 г. Был определен выкуп, 60% которого должно было лечь на плечи крестьян, а 40% обещала взять на себя провинция. Проект этот был принят, несмотря на многочисленные протесты крестьянских депутатов, с наименьшим перевесом голосов — 42 против 41 ¹⁶.

Проект штирийского ландтага был встречен либералами с одобрением. Уже в конце 1880-х годов либеральный словенский историк Й. Апих писал, что выкуп, назначенный штирийским ландтагом, был весьма небольшим ¹⁷.

По выступлениям словенских депутатов в ландтагах прослеживается изменение позиций ряда национальных деятелей по отношению к крестьянской реформе. Словенские национальные деятели были

единодушны в своем осуждении крестьянских восстаний. Когда же крестьянское движение в целом вошло в легальное русло и на повестку дня встало парламентское обсуждение вопроса об отмене феодальных отношений, мнения национальных деятелей существенно разделились. Характерно, что уже на заседаниях ландтагов некоторые словенские либералы высказали точку зрения своих избирателей-крестьян. Это был существенный сдвиг в сторону поисков взаимопонимания с крестьянством.

Обсуждение крестьянского вопроса в ландтагах было преддверием острой борьбы за и против выкупа, развернувшейся на заседаниях рейхстага в Вене. Его торжественное открытие состоялось 22 июля 1848 г. По своему составу первый австрийский парламент был достаточно демократичен: 60% депутатов составляли представители буржуазии и интеллигенции, 25% — крестьяне. Оставшиеся места разделили между собой дворяне и священники. Среди 383 членов рейхстага 190 были славянами.

В рейхстаге оформились три основные группировки: левая, правая и центр. В левую входили немецкие и польские демократы, некоторые итальянцы, по отдельным вопросам к ним примыкал ряд югославянских депутатов. Представители левицы выдвинули революционную программу отмены феодальных повинностей без выкупа. Ядром правой группировки рейхстага были чехи. К ним присоединилось большинство славянских депутатов, некоторые немцы и итальянцы. В социально-экономической области правые выступали за отмену феодальных повинностей за выкуп. Большинство депутатов составляли центристы. В вопросе об аграрной реформе они, как правило, поддерживали правых. Следует отметить, что все (или почти все) депутаты рейхстага признавали необходимость отмены феодальных отношений. Крайних реакционеров среди них не было (или, во всяком случае, они не высказывались). Приблизительная расстановка сил в рейхстаге была ясна с самого начала его работы.

Отмена феодальных повинностей находилась в центре деятельности рейхстага в июле—сентябре 1848 г. Дискуссию по нему открыл молодой силезский юрист Ганс Кудлих. Смысл предложения, внесенного им на заседании 26 июля, заключался в том, чтобы рейхстаг как можно скорее отменил феодальную зависимость со всеми вытекающими из нее правами и обязанностями и определил, нужно ли платить за это выкуп или нет¹⁸. Доклад Кудлиха был встречен бурными аплодисментами, и вскоре начались долгие дебаты.

К концу августа большинство депутатских предложений (а их было больше 70) были объединены в двух коллективных проектах — Кудлиха и австрийского либерала Лассера, с которыми те выступили 30 августа¹⁹. Наряду с общими положениями — об отмене феодальных отношений, об образовании конституционной комиссии и т. д. — в этих документах имелись и существенные различия. Кудлих поставил под сомнение необходимость выкупа, для Лассера же она была бесспорной. В более обширном предложении Лассера был частично затронут вопрос о том, в каких случаях крестьяне должны платить выкуп, а в каких — нет. Лассер выступал за немедленное

решение этой проблемы. Он считал, что после детального обсуждения в рейхстаге лишь некоторые наиболее спорные пункты нужно передать на рассмотрение конституционной комиссии. Напротив, Кудлих хотел отложить решение вопроса о выкупе, передав его полностью соответствующей комиссии. Вероятно, он хотел путем отсрочки выхлопотать послабление для крестьян. Выплату выкупа Кудлих предлагал произвести из государственных средств, Лассер же стремился привлечь к этому также средства провинциальных фондов (т. е. опять-таки за счет крестьян). Предложение Кудлиха было более радикальным и поддержки правоцентристского большинства рейхстага не встретило. Решено было сначала проголосовать за предложение Лассера, которое было принято большинством голосов. Проект Кудлиха был отвергнут большинством всего в четыре голоса — 152 против 148 ²⁰.

31 августа рейхстаг принял постановление об отмене отношений феодальной зависимости за выкуп. 7 сентября вышел императорский манифест, подтверждавший решения рейхстага. Величина выкупа была установлена в двадцатикратном размере ежегодных крестьянских повинностей. 1/3 его должно было выплатить государство, 2/3 — крестьяне ²¹.

В дискуссии об отмене феодальных повинностей приняли участие и словенские депутаты. По отношению к этой проблеме их следует разделить на три группы. Из депутатов, находившихся на правом крыле, которых можно назвать консерваторами-реформистами, наиболее видным был Йосип Доляк, национальный деятель и юрист из Горицы. Он выдвинул на заседании 10 августа предложение, состоявшее из пяти пунктов. В нем говорилось об отмене феодальных повинностей за выкуп, который должен выплачиваться из особого фонда (какого именно — Доляк не уточнил). Доляк выступил за отмену сервитутных прав крестьян, а также за сохранение патримониальных судов и октавы — налога в пользу феодала, составлявшего 1/8 ежегодного дохода крестьянина, на три года. Когда обсуждались коллективные предложения, он безоговорочно поддерживал предложение Лассера ²². Выступления Доляка были очень краткими, и исчерпывающее представление о его взглядах составить сложно. Однако его предложение временно сохранить патримониальные суды и отменить сервитутные права явно находились в противоречии с крестьянскими интересами. Правая позиция Доляка по крестьянскому вопросу вызвала недовольство его избирателей, и в конце 1848 г. он был вынужден отказаться от работы в рейхстаге к большому неудовольствию словенских патриотов, которых очень порадовали его выступления по национальному вопросу ²³.

Как и Доляк, выступил за принятие предложения Лассера доктор философии и права из Любляны Карл Улепич. Однако при обсуждении вопроса о сервитутных правах крестьян он занял более прогрессивную позицию, высказавшись против их отмены. Он заявил, что этот вопрос должен решаться в зависимости от конкретных условий той или иной местности. Улепич привел в пример свой родной край Крас, где земельные наделы были так малы, что

крестьяне не смогли бы прокормиться, если бы им было запрещено рубить дрова в помещичьем лесу и пасти там свой скот. Сохранить эти права — жизненно важный вопрос для крестьян Краса, подчеркнул он ²⁴.

Ряд словенских депутатов заняли при обсуждении крестьянского вопроса либеральную позицию. Наиболее яркими были выступления Матии Кавчича, люблянского адвоката и национального деятеля. Он внес предложение отменить отношения феодальной зависимости и десятину, а октаву сохранить еще на три года. В отличие от Кудлиха, Кавчич считал, что «нужно определенно высказаться за выкуп». Патримониальные органы управления он предложил заменить государственными, так как «крестьянин будет недоволен, если его прежний господин сохранит над ним административную власть».

Свои мысли о том, почему нужен выкуп, кто из каких фондов должен его платить, Кавчич развивал неоднократно, и в каждой последующей речи формулировки все больше углублялись и оттачивались ²⁵. Кавчич указывал, что тяжелое бремя крестьянина противоречит естественным и правовым законам: крестьянин вынужден платить в двойном размере господину, церкви и государству, хотя первые двое уже не исполняют своих общественных функций. Обоснование исторической необходимости ликвидации феодальных отношений он видел не «в любви к крестьянину... и в сознании того, что до сих пор он был несправедливо обременен» — тогда бы отмена феодальных отношений произошла намного раньше, а «в мощном натиске времени, в принципе необходимости и самосохранения, основывающемся на законах национальной экономики».

Сознавая назревшую необходимость радикального решения крестьянского вопроса, Кавчич считал, что оно должно произойти на основе принципа «равновесия сил». Равновесие сил, по его мнению, могло быть обеспечено тем, что терпящим убытки дали бы выкуп, в противном случае «половина народа будет возмущена», ибо «людей, теряющих при отмене феодальных повинностей, не меньше, чем тех, кто выигрывает от нее». Это, как считал Кавчич, — владельцы поместий, ростовщики, вкладывавшие деньги в землю, благотворительные учреждения, ссудные кассы, слуги, рабочие с наделом и т. д. Судьбы мелких и средних землевладельцев волновали Кавчича прежде всего. В Крайне, говорил он, много землевладельцев, которые получают 1/5 дохода от земельного участка и 4/5 — от крестьянских повинностей. Они разорятся, если не получат выкупа.

Кавчич считал, что крестьянин должен платить выкуп господину в том случае, если есть доказательства того, что землю он отдал феодалу добровольно, а не под воздействием силы. Сумма выкупа должна быть минимальной, иначе крестьянин разорится. С большим сочувствием описал Кавчич бедственное положение словенских крестьян: «В моей отчизне Крайне есть местности, где от масленицы до урожая люди не видят хлеба, а также существуют селения, где соль покупают только по праздникам... там люди голодают, слабеют

и в 25 лет выглядят стариками. При отмене повинностей и десятины они ничего не выиграют в денежном отношении,... но, вероятно, они чаще будут есть хлеб, дольше жить и станут сильнее, однако заплатить они ничего не могут».

Основную часть выкупа, согласно Кавчичу, должно выплатить государство. Им был выдвинут смелый план: использовать для выкупного фонда церковное и монастырское имущество. Церковь он обвинил в том, что она разоряла народ, теперь она должна вернуть ему свой долг. Это было серьезное выступление против католической церкви. Наиболее полно свои идеи о создании выкупного фонда Кавчич представил в речи 30 августа. Он предложил сформировать его на основе средств, полученных из церковного и монастырского имущества, из государственной казны, из незначительной части имущества университетских и провинциальных фондов. По мнению Кавчича, высказанному в письме Я. Блейвейсу, его мысль о том, чтобы переложить основную часть платежей на церковь и государство, могла склонить многих крестьянских депутатов проголосовать в пользу выкупа, чего в противном случае они бы не сделали ²⁶.

Кавчич отрицательно отнесся к предложению Лассера выплачивать выкуп из средств провинциальных фондов. Однако большинство депутатов проголосовало за проект Лассера ²⁷. На прогрессивных позициях стоял Кавчич и в вопросе о сервитутных правах. В противовес мнению Дольяка, Лассера и других он выступил в защиту крестьянского сословия, указав, что отмена сервитутных прав поставила бы под угрозу существование тысяч крестьян, а также их способность выплачивать выкуп. В пример он привел свой родной край Постойну, где многие семьи жили за счет использования этих прав ²⁸. Медлительность рейхстага, нерешительность и многословие многих депутатов всерьез беспокоили Кавчича, считавшего «чрезвычайно опасным то, что мы ни крестьян не освобождаем, ни выкупа не определяем» ²⁹.

Как видно, в вопросе о ликвидации феодальной зависимости Кавчич старался занять среднюю позицию между двумя основными группировками райхстага. Он и сам говорил об этом. Он не поддержал полностью ни предложения Кудлиха, ни предложения Лассера ³⁰. Позицию Кавчича можно охарактеризовать как либеральную: признавая право феодалов на выкуп, он хотел переложить основную тяжесть его выплаты на государство и церковь, как можно меньше оставляя на долю крестьянина. Об этом же свидетельствует его забота о сохранении сервитутных прав крестьян и о немедленной отмене административной власти феодала над ними.

Речи Кавчича вызвали большой интерес не только в рейхстаге, отклики на них появились в немецкой и словенской прессе. Одна венская газета опубликовала хвалебную статью о Кавчиче, где он превозносился как человек огромного ума, замечательных способностей и широкого образования ³¹. В политическом органе словенских либералов газете «Словения» (выходила с июля 1848 г.) были подробно изложены основные положения программы Кавчича, и реакция

на нее была скорее отрицательной. В газете был сделан вывод о том, что, «поскольку г. Кавчич является центристом, вряд ли он удовлетворит пожелания словенцев»³². Настороженное отношение словенцев к программе Кавчича понятно. Многие словенские национальные деятели (особенно священники) не могли одобрить его предложение об использовании церковного и монастырского имущества для выкупного фонда. «Словенская церковная газета» резко критиковала Кавчича за свободомыслие в этом вопросе»³³.

Более радикальную позицию в крестьянском вопросе, чем Кавчич, занимал окружной комиссар из Приморья Антон Горьюп. Он открыто заявил о своей принадлежности к левой группировке, не признающей за феодалами права на выкуп. Горьюп с насмешкой опроверг утверждение феодалов о том, что выкуп они должны получить по праву собственности. Но существующее положение вещей — еще не достаточное доказательство права собственности. Рабство существовало тысячи лет, является ли оно поэтому правом? Горьюп поймал представителей правой группировки на противоречии: «Сначала вы говорите, что зависимость противоестественна и несправедлива, а потом утверждаете, что повинности крестьян являются святой собственностью господ. Я не понимаю, как одна и та же вещь может быть естественной и противоестественной, справедливой и несправедливой». Крестьянские повинности не являются ничьей собственностью, утверждал Горьюп. Когда эти тяготы будут ликвидированы, из государственного строя уйдет зло, и за это не полагается выкупа. Однако Горьюп не был бескомпромиссен в этом вопросе. В его речи прозвучала мысль о том, что выкуп феодалам следует дать из соображений простой справедливости. Только выкуп должно платить государство, а не крестьяне³⁴.

В дискуссиях по крестьянскому вопросу принял участие также словенский либерал Миха Амброж. Когда представители левицы (Умлауфт, Виолан и другие) выступили против голосования по параграфам 4—5 предложения Лассера, где речь шла о признании выкупа, требуя детальной разработки этого вопроса, Амброж решительно поддержал их точку зрения³⁵.

Он позволил себе на заседании выходку, нарушившую парламентарный порядок. Амброж предложил вообще не голосовать по пятому параграфу и другим оставшимся пунктам проекта Лассера, а сразу передать их на рассмотрение комиссии, так как рейхстаг не обладает достаточными знаниями для решения подробностей вопроса о выкупе³⁶. Тут Амброж, по существу, высказался за Кудлиха. Это противоречило принятому накануне решению о голосовании по предложению Лассера. Левица встретила выступление Амброжа аплодисментами. Председатель рейхстага чех Стробах был в бешенстве. Он заявил, что не хочет председательствовать на форуме, который все время меняет свои решения. Он вернулся на председательское место лишь после того, как Амброж взял свое предложение назад³⁷.

Взгляды Амброжа по вопросу о выкупе достаточно ясно характеризует его полемическая статья в газете «Словения», направленная

против Й. Доляка. Амброж порицал Доляка за то, что тот «в своей речи по поводу крестьянских повинностей сказал, что крестьяне хотели бы откупиться и лишь демагоги (это он говорил о друзьях народа) стремятся к тому, чтобы ничего не возвращать помещикам»³⁸. По-видимому, в этом вопросе Амброж стоял на левых позициях.

Об отношении к отмене феодальных повинностей двух других словенских депутатов — молодого юриста из Граца, активного члена общества «Словения» Йосипа Крайнца и штирийского крестьянина Матии Жупанеца — мы можем судить лишь на основании статей, написанных ими после разгрома октябрьского восстания в Вене. Оба они заявили, что при решении крестьянского вопроса выступали с позиции левицы. Крайнец указал, что немецкая левица «до октября в чисто политических делах, не затрагивающих национальность, более героически выступала за настоящую свободу», чем чехи, часто выказывавшие себя «друзьями аристократии». Замечание Крайнца, что он всякий раз голосовал, как Кавчич, позволяет предположить близость взглядов обоих депутатов по крестьянскому вопросу³⁹. С радикальных позиций выступил Жупанец, писавший, что «только левица хорошо защищала крестьянские дела», и полностью поддержавший проект Кудлиха⁴⁰.

С наиболее радикальной программой из всех словенских депутатов выступил сын зажиточного крестьянина из Приморья юрист Антон Черне⁴¹. В первом же своем выступлении Черне решительно высказался против того, чтобы малую часть выкупа платил крестьянин, а большую взяло на себя государство (вариант Кавчича). Эту точку зрения Черне считал несправедливой, трезво понимая, что, «даже если государство возьмет на себя выкуп, выплачивать его будут теперешние зависимые крестьяне, которые и так слишком обременены налогами». Черне заклеил аристократию и феодальную систему как двух тиранов, подавлявших дух человека и заключивших в рабство его тело. Требование выкупа он рассматривал как противоречащее принципу свободы, равенства и братства, провозглашенному рейхстагом.

Вторая его речь, 25 августа, обширна и блестяще аргументирована. В ней Черне продолжал развивать свою центральную идею — о неправомерности требования выкупа с крестьян. Рассматривая претензии землевладельцев с правовой точки зрения, можно убедиться в их несправедливости, говорил Черне. В число повинностей, выполнения которых требуют от крестьян феодалы, входят также общественные работы. Такого рода повинности должны были быть отменены еще тогда, когда государство взяло на себя функции обеспечения безопасности и порядка. Уже их сохранение является правонарушением. Сторонники выкупа доказывали, что в основе взаимоотношений феодалов и зависимых крестьян лежит двусторонний договор, при расторжении которого теряющей стороне (т. е. феодалам) по праву полагается выкуп. Этой позиции Черне противопоставил утверждение о том, что власть феодалов всегда основывалась на насилии, а не на праве. «Договор», заключенный под

давлением, не может считаться действительным. Требование выкупа незаконно. Пожалования земли феодалам происходили редко, в виде исключения. Черне объяснял факт наличия зависимых крестьян тем, что они были лишены свободы насильственным путем. То, что они платят феодалам налоги и выполняют повинности, ничего не доказывает — феодалы имеют в руках все средства для того, чтобы держать крестьян в повиновении. К тому же если признать логичным утверждение, что «земля — господская», так как крестьяне платят налоги феодалу, то тогда через несколько лет на том же основании можно будет сказать, что земля принадлежит государству.

Как видно, Черне не принимал ни тот, ни другой тезис. Этот словенский интеллигент из крестьян разделял их позиции: земля божья и крестьянская. Высказав смелую идею о том, что земля не является собственностью ни феодалов, ни государства, он во избежание недоразумений подчеркнул, что «собственность — священна», однако нужно отличать действительную собственность от фальшивой. «Свобода и гражданское равноправие — высшая собственность, данная человеку от Бога... все действия, направленные против нее, являются узурпацией прав».

Отрицая право феодалов на получение выкупа, Черне заявил, что даже прежняя администрация Меттерниха имела его в большей степени, чем феодалы-землевладельцы. Та хотя бы что-то делала, плохо или хорошо, но управляла государством. А что сделали для государства дворяне, так называемая аристократия? Ничего. Их Черне назвал трутнями.

Черне выступал за укрепление мелкой частной собственности. Когда мелкий собственник убедится в том, что его скруток действительно принадлежит ему и сильнейший не может предъявить на него свои права, частная собственность, по мнению Черне, будет в большей сохранности, ведь обделенных и недовольных не будет. Черне призывал рейхстаг к уважению и защите прав мелкого собственника, прежде всего крестьянина.

На слова либералов (в том числе и Кавчича) о том, что многие помещики разорятся, если им не дадут выкупа, Черне решительно возразил, что в противном случае речь пойдет о нищете и разорении сотен тысяч и миллионов крестьянских семей. Никакого равноправия не будет, ибо от установления выкупа неизмеримо больше людей пострадает, чем выиграет. Смысл своего выступления Черне подытожил в нескольких словах: «Мы должны перевязать раны, из которых до сих пор течет кровь зависимых крестьян».

Черне проявил себя как крестьянский демократ, выдвинув в своих речах в рейхстаге более демократическую программу, чем та, которую представила немецкая левица. Его речь 25 августа была встречена ею с большим энтузиазмом и совершенно разъярила правую группировку. Правительство решило, что пора поставить рейхстаг на место. 26 августа на заседании рейхстага впервые выступили министры — Бах и Краус. Они заявили, что выкуп должен быть назначен, в противном случае правительство подаст в отставку⁴². Эта угроза вызвала бурное возмущение левых.

По выступлениям и результатам голосований в рейхстаге можно увидеть, что большинство словенских депутатов поддерживало в крестьянском вопросе парламентскую левицу. На буржуазно-демократических позициях стояли Черне и большинство крестьянских депутатов. Консервативно-реформистские взгляды выказали Миклошич, Рак, Улепич, Доляк; либеральные — Кавчич, Крайнци, Горьюп, Амброж. Конечно, эта классификация приближительна: многие из них колебались между двумя враждующими группировками рейхстага, выступали непоследовательно, например Горьюп⁴³.

В Словении внимательно следили за работой рейхстага, со дня на день ожидая от него выдающихся свершений. Однако уже в начале августа в словенской печати начало проскальзывать недовольство его медлительностью. О ходе дебатов в рейхстаге по крестьянскому вопросу словенская пресса сообщала регулярно, но выборочно. Например, газета «Словения» дала краткую характеристику программы Кавчича, но о других выступлениях словенских депутатов, даже о такой знаменательной речи Черне, материалов не поместила. Возможно, это объясняется тем, что в австрийских газетах, из которых словенские по большей части черпали свои сведения, о них ничего не сообщалось. О принятии предложения Лассера в словенской печати писали с удовлетворением, императорский манифест от 7 сентября был воспринят с радостью⁴⁴.

Словенские национальные деятели не раз выражали свою озлобленность тем, что в Венский рейхстаг избрали слишком много крестьян, не разбирающихся в государственных делах и даже не знающих немецкого языка. «Теперь видно, как проиграли крестьяне, послав своих депутатов в рейхстаг. Когда обсуждались их насущные нужды и все бы хотели услышать их мнение, они молчали», — писала «Словения»⁴⁵. Словенские газеты старались убедить крестьян, что действительную свободу и справедливость они получают лишь с помощью образованных господ⁴⁶. Подобные высказывания основывались на том, что по крестьянскому вопросу никто из словенских депутатов-крестьян не выступал. Однако выпады словенской прессы против крестьян не были вполне справедливы. Конечно, многим из них не хватало образования, чтобы выступать с речами в рейхстаге, но голосовало большинство крестьян в интересах своего сословия, вместе с левой группировкой рейхстага. Опасения словенских национальных деятелей, что крестьяне в рейхстаге попадут под влияние немецкой левицы, а к национальным лозунгам Славянской партии (правая группировка) останутся равнодушны, оправдались.

Вообще крестьянский вопрос, ставший в центр дискуссий в рейхстаге, неоднократно поднимался и в словенской печати летом 1848 г. Много кратких заметок на эту тему публиковали «Новице», причем содержание их было однотипным: крестьян убеждали выполнять повинности, не бунтовать, ждать решений рейхстага. Подробных статей, в которых бы рассматривался вопрос о выкупе, не было. Крестьяне — подписчики «Новиц», видимо, не вполне могли

уяснить себе позицию газеты и неоднократно писали в редакцию с просьбой высказаться определенно: за кого стоят «Новице» в вопросе о выкупе: за крестьян или за господ? Ответ, опубликованный редакцией в конце августа, гласил: «Новице» выступают за справедливость, и было бы несправедливо согласиться в этом деле лишь с одной из сторон. Все должны понести убытки — и господа, и крестьяне. Рассчитывать, что император сам выплатит долги крестьян, нельзя — у него нет денег для этого, и ему пришлось бы обложить всех подданных дополнительными налогами. Крестьяне сами должны выплатить свои долги феодалам. Исключение император, может быть, сделает лишь для самых бедных из них ⁴⁷. Как видно, в этом вопросе «Новице» занимали ту же позицию, что и правая группировка рейхстага.

В «Словении» о крестьянских делах материалов не помещалось, газета почти исключительно обращалась к проблемам национально-политическим и в полной мере отражала недостаточное внимание словенских либералов к аграрному вопросу. Единственная статья на эту тему, опубликованная в «Словении» 22—26 сентября, уже после завершения дебатов в рейхстаге, была написана с прогрессивных либеральных позиций, близких взглядам М. Кавчича. Автор ее, сборщик налогов из Триеста Я. Церер, правда, признавал справедливость выкупа за отмену барщины и десятины, однако считал, что государство и провинции полностью должны взять его на себя. В статье Церера содержалась резкая критика позиции редакции «Новиц». Государство должно помочь выкупиться всем крестьянам, а не только самым бедным. Если же оно не сможет это сделать, то справедливым будет разделить сумму выкупа между всеми сословиями как налог. «Если бы крестьянин должен был сам выплатить весь выкуп, это не было бы освобождением, но перекладыванием ноши с одного плеча на другое», что привело бы в конечном счете к разорению крестьян, — к такому выводу пришел Церер в своей статье ⁴⁸.

Очевидно, редакция «Словении», уделившая много внимания выступлению Кавчича в рейхстаге и напечатавшая статью Церера, относилась к высказанным в них взглядам вполне сочувственно. Вообще эта газета, писала ли она о национальных или о крестьянских делах, отличалась значительно более широким кругозором и прогрессивностью, чем «Новице» Блейвейса. Редакция предоставляла свои страницы и тем, чьи политические взгляды не были сходными с ее собственной либеральной позицией. Так, в начале сентября в «Словении» была опубликована статья «Будущее славян», перепечатанная из газеты «Славише централблат», где в несколько упрощенной форме высказывались идеи общинного социализма. В статье говорилось о светлом будущем славян (в том числе и России), которое наступит, когда основной ячейкой общества станет такое славянское учреждение, как крестьянская община. И тогда все будут равны, не будет ни фабрик, ни горожан, ни пролетариата, исчезнут деньги и каждый человек станет счастливо трудиться на своей земле ⁴⁹.

Полемика между словенскими политиками в рейхстаге и в Словении по крестьянскому вопросу в июле—сентябре 1848 г. была довольно острой. Отчасти это объясняется тем, что в те месяцы (время сбора урожая) обстановка в Словении снова стала напряженной. Крестьяне отказывались выполнять феодальные повинности и платить десятину, ожидая, что вскоре выйдет правительственный указ об их отмене. Об этом ходили разные слухи. Так, приехавшие в Вену в конце июня крестьяне распространяли домыслы о том, что их приняли император и императрица и велели отобрать у господ все богатства, а самих их прогнать⁵⁰. Это уже был призыв к бунту, испугавший крайние власти. Губернатор Крайны и Каринтии послал в министерство внутренних дел в Вене прошение об оказании военной помощи Крайне. Однако это прошение, как и все последующие — от отдельных феодалов — министр Доблхофф не удовлетворил. Согласно указаниям Вены, крайним феодалам следовало лучше понять сложившуюся обстановку и «скорее принести жертвы, чем поставить под угрозу общественный мир и, может быть, свою жизнь». Феодалам нужно думать не о применении военной силы, а попытаться договориться с крестьянами, если же это не удастся, то удовлетвориться тем, что за 1848 год, как и за последующие, крестьяне дадут тот выкуп, который определит рейхстаг⁵¹. Как видно, опасаясь новых волнений, власти заняли примирительную позицию по отношению к крестьянам. Следует согласиться со словенским историком Б. Графенауером, что эта политика способствовала привлечению крестьянства на сторону правительства⁵².

До крестьянских восстаний летом 1848 г. дел не дошло. Крестьяне посылали в Вену петиции с просьбой отменить феодальные повинности без выкупа и ждали быстрого решения своего вопроса. Медлительность рейхстага вызывала у них раздражение. К тому же к большинству своих депутатов (особенно из числа «господ») доверия они не имели. По свидетельству современника Й. Подрберницкого, «для некоторых крестьян почти все, что говорит господин, — ложь и хитрость, и, даже если кто из духовных пастырей в нынешних смутах им правду разъяснит, некоторые говорят: этот за господина, и ему не верят»⁵³.

Настроение, господствовавшее тогда среди словенских крестьян, ярко проиллюстрировало собрание словенского общества в Поличанах (Штирия) 15 августа. Собравшихся крестьян (500—600 человек) интересовал только вопрос об отмене феодальных повинностей. Они хотели услышать от своего депутата К. Штурма о законах, принятых рейхстагом относительно этого вопроса, и передать свои пожелания. К. Штурм для встречи с избирателями из Вены не приехал, чем вызвал их недовольство. Пришедший вместо него на встречу словенский либерал С. Кочевар сообщил крестьянам, что рейхстаг еще не принял никаких решений, а штирийский ландтаг постановил, что крестьянин должен выплатить небольшой выкуп. Тут поднялся шум. Крестьяне требовали, чтобы повинности были отменены без выкупа или чтобы выкуп взяло на себя государство.

Многие считали депутатов рейхстага своими врагами, некоторые причисляли к таковым и самого Кочевара — к его изумлению и обиде. Когда Кочевар попытался перевести разговор на вопросы национальные и политические, крестьяне потеряли интерес к собранию и разошлись по домам. В статье в либеральной газете «Цельске словенске новине», рассказывавшей об этом собрании, Кочевар выполнил данное крестьянам обещание и предупредил словенских депутатов рейхстага, что «...если они хотят мирно жить в Словении, то не должны соглашаться на такие законы, по которым наши крестьяне платили бы выкуп феодалам за отмененные повинности»⁵⁴.

К этому рассказу Кочевара словенский либерал из Штирии Орослав Цаф в письме к Йосипу Муршецу, одному из словенских либералов, сделал несколько дополнений, характеризующих уровень взаимосвязи крестьянского и национального движений в то время: «Кочевар хорошо говорил, и особенно старался пробудить в людях патриотический дух, что ему не удалось, так как народ шумел лишь относительно налогов, десятины...» Когда крестьяне разошлись, остались словенские патриоты, всего семь-восемь человек, и решили, что впредь не стоит звать на собрания общества столько народа, а «лишь некоторых избранных крестьян»⁵⁵.

Собрание в Поличанах — наглядное свидетельство того, что словенские национальные деятели в своих попытках наладить контакт с крестьянами зашли в тупик. Хотя некоторые из них (Амброж, Кочевар, Церер, Черне, Кавчич) в большей или меньшей степени поддерживали требования крестьян, заинтересовать их словенской национальной программой они не смогли. Нельзя сказать, что они не считали это важным. Словенские патриоты понимали, что основу словенского народа составляют крестьяне и от пробуждения в них национального самосознания зависит дальнейшее существование и развитие словенской национальности. «К тебе, простой народ, обращены взоры горстки искренних патриотов, в тебе наша сила», — писала летом газета «Словения»⁵⁶. Но пошли словенские национальные деятели в 1848 г. по единственно возможному для них пути: сделали ставку не на широкую поддержку народа (рассчитывать на нее тогда не приходилось), а на разумные решения нового правительства. Хотя попытки ряда словенских либералов привлечь крестьян к национальному движению, приняв их экономические требования, осязаемого успеха в 1848 г. не имели, были сделаны первые шаги к последующему сближению крестьянского и национального движений, осуществившемуся уже в 1860-е годы.

Словенских либералов, вставших в 1848 г. на демократические позиции при решении аграрного вопроса, были единицы. Национальному вопросу они придавали значительно большее значение, чем социальному и экономическому. Характерно, что никто из либералов не включил в свою политическую программу никаких социально-экономических требований. Вместе с тем проявление демократической тенденции в либеральном течении по вопросу об отмене феодальных повинностей свидетельствует о том, что летом — в начале

осени 1848 г. словенское национальное движение поднялось на новую ступень политической зрелости.

Принятый рейхстагом закон об отмене феодальных повинностей за выкуп не мог удовлетворить крестьян полностью, однако после его утверждения крестьянские волнения в империи практически сошли на нет. Аграрная реформа 1848 г. дала крестьянам Австрийской монархии освобождение от феодального гнета, создала благоприятные предпосылки для капиталистического развития экономики австрийских земель.

Гибкая политика австрийского правительства в решении крестьянского вопроса способствовала восстановлению мира в словенской деревне. Этому в известной мере содействовали и словенские национальные деятели разных направлений, призывавшие крестьян добиваться осуществления своих требований легальным путем.

- ¹ Arhiv republike Slovenije. Deželno predsedstvo. 1848. Spisi 494, 530 (Далее: ARS).
- ² *Crafenauer B.* Slovenski kmet v letu 1848 // *Zgodovinski časopis*. Ljubljana, 1948—1949. II/III. S. 19.
- ³ ARS. Dež. preds. 1848. Spis. 494.
- ⁴ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 24, 25, 28.
- ⁵ *Apih J.* Slovenci in 1848 leto. Ljubljana, 1888. S. 59.
- ⁶ Kmetijske in rokodeljske novice. 1848. N 15. S. 59. (Далее: Novice).
- ⁷ Ibid. N 1. S. 4; N 11. S. 42—43; N 15. S. 59; N 16. S. 66.
- ⁸ Ibid. N 14. S. 53; N 15. S. 59.
- ⁹ Ibid. N 13. S. 51; N 14. S. 54.
- ¹⁰ Ibid. N 13. S. 49; N 14. S. 52—54; N 15. S. 59; N 17. S. 71.
- ¹¹ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 33, 36.
- ¹² *Mal J.* Zgodovina slovenskega naroda. Celje, 1934. S. 860.
- ¹³ Ibid. S. 860—861.
- ¹⁴ ARS. Stanovski arhiv. Fasc. 7-1.
- ¹⁵ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 42—43.
- ¹⁶ Celjske slovenske novine. 1848. N 6. S. 21; N 10. S. 38—39; *Mal J.* Op. cit. S. 765; *Grafenauer B.* Op. cit. S. 42.
- ¹⁷ *Apih J.* Op. cit. S. 169.
- ¹⁸ Verhandlungen des österreichischen Reichstages nach der stenographischen Aufnahme. Wien, 1970. Bd. 1. S. 159.
- ¹⁹ *Apih J.* Op. cit. S. 190.
- ²⁰ Verhandlungen... Bd. 2. S. 176.
- ²¹ *Авербух П. А.* Революция в Австрии (1848—1849 гг.). М., 1970. С. 128.
- ²² Verhandlungen... Bd. 1. S. 130, 465.
- ²³ Slovenija. 1848. N 35. S. 138.
- ²⁴ Verhandlungen... Bd. 1. S. 504.
- ²⁵ Ibid. Bd. 1. S. 443; Bd. 2. S. 34—35, 136.
- ²⁶ *Bleiweis J.* Korespondenca, 22. XI 1848 // Narodna in univerzitetna knjižnica v Ljubljani. Rokopisna zbirka.
- ²⁷ Verhandlungen... Bd. 2. S. 135, 141.
- ²⁸ Ibid. S. 135—136.
- ²⁹ Ibid. S. 144—145.
- ³⁰ Ibid. S. 33, 136—136.
- ³¹ Laibacher Zeitung. 1848. N 110. S. 595.
- ³² Slovenija. 1848. N 14. S. 66; N 20. S. 78.
- ³³ Slovenski biografski Leksikon. Ljubljana. 1933—1952. Bd. 1. S. 438.
- ³⁴ Verhandlungen... Bd. 1. S. 620—621.
- ³⁵ Ibid. Bd. 2. S. 150.
- ³⁶ Ibid. S. 160.
- ³⁷ Ibid. S. 161; *Apih J.* Op. cit. S. 192.

- ³⁸ Slovenija. 1848. N 24. S. 94.
³⁹ Celjske slovenske novine. 1848. N 22. S. 86.
⁴⁰ Ibid. N 25. S. 98.
⁴¹ Verhandlungen... Bd. 1. S. 510; Bd. 2. S. 54—57.
⁴² *Apih J.* Op. cit. S. 189.
⁴³ Verhandlungen... Bd. 2. S. 126, 163—164, 166—167, 174—175.
⁴⁴ Novice. 1848. N 36. S. 151; N 37. S. 155.
⁴⁵ Slovenija. 1848. N 18. S. 70.
⁴⁶ Novice. 1848. N 31. S. 134; Celjske slovenske novine. 1848. N 11. S. 44.
⁴⁷ Novice. 1848. N 35. S. 148.
⁴⁸ Slovenija. 1848. N 24. S. 93; N 25. S. 97—98.
⁴⁹ Ibid. N 18. S. 69—70.
⁵⁰ Novice. 1848. N 27. S. 116.
⁵¹ *Grafenauer B.* Op. cit. S. 43.
⁵² Ibid.
⁵³ Novice. 1848. N 32. S. 136.
⁵⁴ Celjske slovenske novine. 1848. N 9. S. 35—36.
⁵⁵ O. Caf — J. Muršcu, 17.VIII 1848 // *Ilešič F.* Korespondenca dr. Josipa Muršca. Ljubljana, 1905. S. 97.
⁵⁶ Slovenja. 1848. N 8. S. 29.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ И РЕФОРМИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ НА ОСТРОВЕ КРИТ В 1875—1878 гг.

С. П. Цехмистренко

Восстание в Боснии и Герцеговине, вспыхнувшее летом 1875 г. и ознаменовавшее собой начало Восточного кризиса 70-х годов XIX в., вызвало цепную реакцию подъема национально-освободительного движения христианских народов Османской империи. Не стали исключением и греческие провинции Европейской Турции, население которых выступало за скорейшее воссоединение с независимой Грецией. Особой остротой отличалась обстановка на Крите, где в течение трех лет проявились различные формы борьбы за достижение этой цели.

Автор предлагаемой статьи делает попытку анализа различных факторов, оказавших влияние на критское национально-освободительное движение 1875—1878 гг. Актуальность такого рода исследования состоит в том, что изучение альтернатив в процессе исторического развития является сегодня одним из наиболее перспективных направлений в советской и зарубежной исторической науке. На частном примере истории Крита второй половины 70-х годов XIX в. мы хотим показать соотношение и взаимосвязь мирных (реформистских, эволюционных) и немирных (революционных) путей решения национального вопроса в Османской империи того времени. Мы полагаем, что анализ «критской модели» национально-освободительного движения, несмотря на ее своеобразие, позволяет тем не менее выявить некоторые типологические черты, характерные и для других балканских народов, находившихся в аналогичной ситуации.

Советская историография уже накопила определенный опыт изучения освободительного движения на Крите в указанный период. В статье В. Н. Кондратьевой рассматриваются отдельные аспекты внутриполитической обстановки на острове в 1875—1877 гг.¹ При этом автор уделяет основное внимание актам солидарности критян с повстанцами Боснии и Герцеговины. Восстанию на Крите в 1878 г. посвящена значительная часть статьи С. П. Цехмистренко². Следует подчеркнуть, что до сих пор исследователей привлекала прежде всего фактическая сторона дела, в то время как анализ приводимых фактов, по существу, отодвигался на второй план.

Греческая историография также не отличалась до недавнего времени высоким уровнем теоретического осмысления данного вопроса. Лишь в 1988 г. вышла монография К. Каллиатаки-Мертикопулу, в которой подробно разбираются многочисленные проблемы критской истории 1868—1877 гг.³ Главными объектами этого исследования стали османские преобразования на Крите, отношение к ним со стороны христианского и мусульманского населения острова,

а также национально-освободительное движение критян на первом этапе Восточного кризиса (1875—1877 гг.). На сегодняшний день работа К. Каллиатаки-Мертикопулу является наиболее фундаментальной из посвященных рассматриваемым проблемам благодаря приведенным архивным материалам из греческих и западноевропейских архивов и их глубокому анализу.

При написании статьи были широко использованы документы из Архива внешней политики России МИД СССР. Наиболее ценные для нашего исследования сведения содержатся в донесениях российского консула в Кане (Крит) А. Е. Лаговского, большая часть из которых вводится в научный оборот впервые. Из опубликованных источников нам хотелось бы выделить «Заметку о Крите» сотрудника российского политического агентства в Софии Ю. Абегта (1898 г.), содержащую ценные сведения по истории и экономике острова ⁴.

Внутренние и внешние факторы и их воздействие на расстановку политических сил

Исследование двух основных тенденций в национально-освободительном движении на Крите невозможно без анализа ряда внутренних факторов, к которым в первую очередь следует отнести положение основных этнорелигиозных групп населения (христиан и мусульман), а также исторически сложившиеся отношения как между этими общинами, так и внутри каждой из них.

Крит был наиболее крупным (не считая Кипра) из островов, населенных греками. По данным на 1881 г., численность его населения составляла 276 208 чел., 202 934 из которых были православными христианами и 72 353 — мусульманами. Имеются сведения о том, что соотношение между мусульманской и христианской частью населения Крита на всем протяжении XIX в. определялось как 1 : 3. Мусульмане составляли большинство в трех самых больших городах — административном центре критского вилайета Кане (современная Ханья), Ретимноне и Кандии (Ираклионе). В других городах и населенных пунктах острова преобладали христиане, а районы Сфакии и Лассити были исключительно христианскими ⁵.

Мусульманская община Крита состояла преимущественно из греков, диссимилировавшихся в XVII—XVIII вв. по причинам экономического и политического характера. Принятие ислама освобождало подданных Османской империи от уплаты подушного налога — хараджа, открывало доступ в армию и административные органы. В силу своего происхождения критские мусульмане имели немало точек соприкосновения с христианами: общность языка, обычаев, привычек, обрядов. Нередкими были смешанные браки, создание совместных торговых предприятий, проживание христиан и мусульман в одних и тех же районах городов ⁶. Перечисленные факторы свидетельствуют о том, что в критском обществе сущест-

вовала объективная база для мирного сосуществования основных этнорелигиозных групп, которая могла бы потенциально содействовать развитию реформистского направления в национально-освободительном движении. В пользу нашего предположения говорит и тот факт, что критян-мусульман отличали невысокая степень религиозного фанатизма и веротерпимость, поскольку принятие ислама не было для них актом осознанного религиозно-этнического выбора. Следствием этого стала заметная политическая индифферентность мусульманской деревни. Что же касается представителей этой общины в городах, то лишь отдельные ее группы имели определенные политические интересы. Если же и происходили межобщинные столкновения, то за фасадом религиозной борьбы скрывались социально-экономические причины: городская мусульманская беднота находилась в долговой зависимости от христиан-предпринимателей, торговцев и ростовщиков и надеялась, что может добиться ее ликвидации в результате беспорядков. На селе и в тех районах острова, где экономические отношения между общинами носили более равноправный характер, подобных столкновений не было даже в эпоху кризисов⁷.

В то же время на протяжении XIX в. постоянно усиливалась тенденция к обособлению мусульманского меньшинства от своих христианских соплеменников, что особенно наглядно проявилось после Великого критского восстания 1866—1869 гг.⁸ Начиная с 1869 г. турецкие власти острова, заинтересованные в сохранении и укреплении своего господства на Крите, проводили политику, следствием которой стало притивопоставление друг другу основных этнорелигиозных групп. В качестве главной ее задачи был выдвинут принцип улучшения положения мусульманского меньшинства, повышения уровня его благосостояния и образования за счет христианского большинства. Так, в 1874 г. турецкая администрация Крита издала указ о прекращении преследования за долги, что привело к упадку кредита и торговли — основных традиционных занятий христианского городского населения — и вызвало серьезное недовольство местных торговцев и предпринимателей. Чиновники-христиане были поставлены под строгий надзор администрации; в судах степень наказания за уголовные преступления стала зависеть от того, кто к нему привлекается: «Там, где для христиан едва достаточно наибольшей степени, — отмечал российский консул в Кане А. Е. Лаговский, — для мусульман, ради нравственной поддержки, довольно наименьшей». Поощряемые властями мусульмане оскорбляли религиозные чувства христиан, и в результате накануне Восточного кризиса 70-х годов «ненависть между двумя элементами критского народонаселения значительно увеличилась»⁹. Возможность достижения компромисса между основными этнорелигиозными группами постепенно сводилась к нулю, равно как и вероятность развития критского национально-освободительного движения в реформистском направлении. Сознававшее свою растущую изолированность в христианской массе и опиравшееся на войска и администрацию, мусульманское меньшинство представляло собой

в этот период достаточно сплоченную силу и предпочитало пожертвовать частью своих интересов, чем защищать их вместе с христианами ¹⁰.

Следующая группа внутренних факторов определялась особенностями взаимоотношений внутри христианской общины Крита. Здесь существовали несколько уровней противоречий, которые не позволяли христианскому большинству достичь состояния политической стабильности и единства взглядов и сохранить его на более или менее длительный промежуток времени, что, в свою очередь, могло бы привести к преобладанию одного из направлений в освободительном движении — революционного или реформистского.

Прежде всего нам хотелось бы выделить противоречия, в основе которых лежал геополитический фактор. Дело в том, что по своему географическому положению Крит можно условно разделить на две отличающиеся друг от друга природные зоны. Северная часть острова представляет собой долину, в которой было сосредоточено сельскохозяйственное производство. В этом районе находились и все значительные населенные пункты, включая Канею, Кандию и Ретимнон. Центр и юг Крита являются горными областями, в определенной степени изолированными от других частей острова.

Население северной зоны было наиболее уязвимым ввиду реальной опасности для него любого военного конфликта на Крите. Как это не раз случалось во время восстаний, вспыхивавших в XIX в. практически каждое десятилетие, жители долины, имущество которых было недвижимым (дома, поля и т. п.), больше всего страдали как от боевых операций, так и от неизбежного после подавления восстаний турецкого возмездия. В итоге постепенно происходила трансформация их политического сознания, характерной чертой которого все более становилось стремление к компромиссу с османскими властями и к решению национального вопроса мирным путем.

Христианское население горных районов имело совсем иной менталитет по сравнению со своими единоверцами — жителями северных долин. Особенностью социальной организации горцев было сохранение патриархально-клановой структуры. Клан, будучи основной социально-экономической единицей, выполнял одновременно и военные функции. Подчинение членов клана авторитарной власти его главы (вождя, или капитанлыка) позволяло в случае необходимости превратить клан в сильное боевое формирование, скованное жесткой внутренней дисциплиной, но одновременно служило серьезным препятствием для организации любого общекритского восстания. Критянам редко удавалось объединить свои силы. Ю. Абегг писал в этой связи, что повстанцы терпели поражение прежде всего вследствие «чрезвычайной разрозненности» и постоянной вражды «не только отдельных уездов, но даже деревень и кланов» ¹¹. Тем не менее кланы, по существу, являлись социальной базой восстаний на всем протяжении XIX в. Революционная психология находила здесь благодатную почву также и потому, что члены кланов, включая и вождей, не были скованы недвижимым иму-

ществом (основой хозяйства в горах было скотоводство). Это обеспечивало клану максимальную мобильность в момент опасности, не говоря уже о том, что горы всегда были естественным союзником повстанцев.

Среди горцев выделялась группа жителей района Сфакии (юго-западный Крит). Сфакиоты имели особый режим налогообложения, их основными занятиями были торговля и скотоводство. К. Каллиатаки-Мертикопулу называет сфакиотов наиболее воинственной частью критского населения, имея в виду, что они являлись инициаторами восстаний 1821 и 1841 гг., активными участниками других выступлений критян¹². Имеющиеся в нашем распоряжении документы показывают, что подобная оценка нуждается в определенной корректировке. Двойственность экономических интересов жителей Сфакии накладывала существенный отпечаток на их политические позиции. Поэтому сфакиоты не только не отвергали реформистский путь решения национального вопроса, но и являлись социальной основой для одной из его разновидностей, о чем будет сказано ниже.

Следует особо подчеркнуть, что противоречия между христианским населением горных и равнинных районов не носили антагонистического характера. Их острота зависела от политической обстановки на Крите в каждый конкретный исторический период. Можно предположить, что во время Великого критского восстания 1866—1869 гг., когда христианам в какой-то степени удалось объединить свои силы, она была наименьшей. И напротив, разнообразие вариантов политического решения критской проблемы в период Восточного кризиса 70-х годов является косвенным признаком ее усиления.

Сочетание и переплетение геополитических и экономических факторов было характерно для другой группы противоречий — между христианами Восточного и Западного Крита. Восточная часть была наиболее развитым в экономическом отношении районом острова. Ее население, заботившееся об экономическом процветании, было более заинтересовано в спокойствии на Крите, чем жители его менее развитой западной части, отвергавшие гибкое решение национального вопроса¹³. Эти противоречия не были определяющими, их можно условно назвать противоречиями второго уровня (если под противоречиями первого уровня понимать взаимоотношения между горцами и жителями равнинных областей Крита). То же самое можно сказать и о классовых противоречиях внутри христианской общины — в условиях нерешенности национального вопроса они отходили на второй план. Классовая борьба в рассматриваемый период неизбежно принимала национальную и религиозную окраску и проявлялась главным образом в тех случаях, когда эксплуататоры и эксплуатируемые принадлежали к различным этнорелигиозным группам.

Анализ приведенного материала свидетельствует о том, что в рассматриваемый период в критском обществе существовали потенциальные возможности для развития как революционной, так

и реформистской тенденций в решении национального вопроса, в целом находившихся в состоянии динамического равновесия. Однако действия внутренних факторов было, на наш взгляд, явно недостаточно для смещения равновесия в пользу одной из этих тенденций, в результате чего на передний план выходил внешний фактор, игравший роль своеобразного катализатора критского национально-освободительного движения в кризисные эпохи.

Наиболее сильное влияние на позиции критян оказывала политика независимого Греческого королевства, стержневым элементом которой была идея воссоздания Великой Греции в границах бывшей Византийской империи («великая идея», или «мегали идея») ¹⁴. В рассматриваемый период греческие правящие круги пытались решать внешнеполитические задачи преимущественно мирным путем, учитывая экономическую и военную слабость государства. Стремясь использовать противоречия между великими европейскими державами, афинские политики рассматривали критское освободительное движение так же, как и борьбу христианского населения в других греческих провинциях Османской империи, в качестве своего рода «козырной карты», использование которой в подходящий момент способно привести к желанным результатам (как это и произошло на Берлинском конгрессе в 1878 г.). Понимая, что только вооруженная борьба против османского гнета может привлечь внимание держав к «греческому вопросу», правящие круги Греции препятствовали развитию национально-освободительного движения на Крите по реформистскому пути. Одновременно Греция не была заинтересована в форсировании революционной тенденции, ясно отдавая себе отчет в том, что успех любого критского восстания невозможен без складывания благоприятной международной обстановки в регионе. Однако «политика сдерживания», оборотной стороной которой в годы Восточного кризиса зачастую становились обман, лицемерие, интриги со стороны Афин, включая готовность Греции оказать Турции помощь в подавлении восстания в том случае, если оно препятствовало бы достижению определенных внешнеполитических планов греческого руководства ¹⁵, вызывала недоверие у большинства христианского населения Крита. Это стало одной из причин роста популярности реформистских проектов решения критской проблемы, особенно в 1875—1877 гг. — в период, предшествовавший русско-турецкой войне.

К числу внешних факторов следует отнести деятельность эмигрантов с Крита, наиболее значительные колонии которых находились в Афинах, на Сиросе (Кикладские острова, Греция) и в Триесте (Австро-Венгрия). Среди критян, эмигрировавших в Грецию, преобладали радикальные настроения. Непререкаемым авторитетом пользовались здесь легендарные вожди Великого критского восстания Хаджимихалис, Криарис, Маврогенис и другие, являвшиеся убежденными сторонниками революционной борьбы. Созданный в Афинах Критский комитет осуществлял подготовку к новому восстанию, получая поддержку общественного мнения и правительственных кругов Греции. Переброска оружия и бо-

еприпасов на Крит осуществлялась через критскую колонию на Сиросе¹⁶. В случае начала восстания население этих колоний готово было сформировать боевые отряды, чтобы принять в нем непосредственное участие.

Выходцы с Крита, проживавшие в Триесте, имели особый взгляд на перспективы критского национально-освободительного движения. Дело в том, что основу здешней колонии составляли торговцы. В Триест отправлялась значительная часть произведенных на Крите мыла, хлопка, льна, оливкового масла и другой сельскохозяйственной продукции. Через Крит проходил морской торговый путь из Триеста в Египет¹⁷. Перечисленные факторы определяли склонность населения колонии в Триесте к компромиссному, реформистскому решению критской проблемы.

Наконец, нам хотелось бы выделить основные моменты, характеризовавшие политику великих держав в отношении Крита во второй половине 70-х годов. Ведущую роль играла здесь Великобритания. Помимо экономических причин, активность Лондона в этом регионе объяснялась также соображениями военно-стратегического характера. Как указывает О. Б. Шпаро, начиная с 1875 г. британские правящие круги разрабатывали планы захвата плацдарма в Восточном Средиземноморье. В качестве одного из возможных опорных пунктов для создания английской военно-морской базы рассматривался и Крит. Это обусловило активность британской дипломатии на острове в 1875—1877 гг., главными задачами которой стали предотвращение вооруженного конфликта и стабилизация внутривосточной обстановки. К началу 1877 г. англичане отказались от своих замыслов в отношении Крита, поскольку их осуществление потребовало бы значительных расходов материальных и людских ресурсов, проведения широкомасштабных строительных работ. Не последнюю роль в принятом Лондоном решении сыграли национально-освободительное движение критского народа, его боевые традиции¹⁸.

Что же касается других европейских держав, то их влияние на Крите было минимальным. Сфера жизненных интересов России, Франции, Германии и Австро-Венгрии находилась в то время далеко от этих мест, в континентальной части Европейской Турции. Следует, правда, подчеркнуть, что Россия по-прежнему воспринималась критянами как естественная покровительница православных народов Османской империи. Греко-славянские противоречия, существенно осложнившие обстановку на Балканском полуострове, почти не затронули Крит вследствие его удаленности от мест соприкосновения славянского и греческого населения¹⁹. Накануне русско-турецкой войны на острове происходило немало вооруженных сходов под лозунгом: «Да здравствует православный Император и Россия!», вожди обращались к А. Е. Лаговскому с просьбами об оказании материальной помощи с целью подготовки восстания²⁰. Однако Россия, сама собиравшая силы, вряд ли могла оказать какую-либо реальную поддержку критянам, что не могло не сказаться на ее авторитете среди местного населения.

Итак, мы видим, что пути развития национально-освободительного движения на Крите в 1875—1878 гг. зависели от многих внутренних и внешних факторов. В каждый конкретный исторический отрезок времени степень воздействия этих сил была различной, но их равнодействующая в конечном итоге обеспечивала преобладание одной из двух рассматриваемых тенденций, в рамках которых существовали альтернативные подходы к решению критской проблемы.

Особенности проявления реформистской и революционной тенденций в период Восточного кризиса 1875—1878 гг.

Историю критского национально-освободительного движения во время Восточного кризиса 70-х годов можно условно разделить на три основных периода. В 1875—1876 гг. большинство христиан Крита поддерживали реформистский путь решения национального вопроса. С конца 1876 г. происходило усиление позиций сторонников революционного направления, однако до середины 1877 г. все еще сохранялось определенное равновесие сил. Наконец, с лета 1877 г. был взят курс на вооруженное восстание, которое произошло в первой половине 1878 г. и ознаменовало собой окончательный перевес революционной тенденции над реформистской.

В первые месяцы кризиса политический барометр Крита не предсказывал бурю. Это дало повод А. Е. Лаговскому констатировать, что «после восстания 1866 г. критяне сделались гораздо осмотрительнее и менее скоры на отчаянные предприятия»²¹. Однако внешнее спокойствие было обманчивым. Именно в этот период происходил процесс размежевания политических сил на Крите, сопровождавшийся активным поиском путей решения критской проблемы в новых исторических условиях, в результате которого предпочтение было отдано нескольким течениям в рамках реформистского направления, предусматривавшим поэтапное воссоединение Крита с Грецией преимущественно мирным путем.

В основе первого из этих проектов лежала идея об учреждении на острове вассального княжества по образцу придунайских, во главе которого стоял бы князь, избранный населением. Ее убежденными сторонниками являлись критяне, проживавшие в Триесте. В качестве основного претендента на княжеский престол ими был выдвинут князь Григориос Ипсиланти, племянник Александра Ипсиланти, греческий посланник в Вене²².

Успеху «княжеского проекта» в 1875—1876 гг. во многом способствовало то обстоятельство, что Греция, придерживавшаяся политики нейтралитета в балканском конфликте, выступала категорически против восстания на Крите по крайней мере до тех пор, пока Сербия и Черногория не вступят в войну против Турции²³. Отказ Афин оказать помощь в подготовке нового восстания объективно толкал сторонников революционного пути в противоположный лагерь. При этом радикальные элементы вкладывали

в «княжеский проект» собственное содержание. Они считали, что Г. Ипсиланти должен стать если не князем, то по меньшей мере председателем временного управления островом на случай восстания²⁴. Сам Г. Ипсиланти поначалу также не исключал такой возможности. Дав в начале марта 1876 г. принципиальное согласие на руководство движением, он вместе с тем выдвинул критянам ряд условий, в числе которых были: сохранение переговоров и решений в полном секрете из опасения противодействия греческого короля Георга I; начало восстания не должно быть ранее, чем вступление в войну Сербии и Черногории (этот пункт был снят князем в апреле 1876 г.); акт о призвании князя должен быть подписан не менее чем 60 влиятельными вождями, причем критяне-эмигранты в Афинах не должны узнать о подписании прежде, чем об этом узнает сам Г. Ипсиланти; необходимо ликвидировать разногласия среди вождей; князь должен получать подробные сведения об обстановке на острове, чтобы «вовремя принимать меры против интриг»²⁵.

«Княжеский проект» не сразу получил поддержку в широких слоях христианской общины. Многие вожди подозревали (хотя, вероятно, и безосновательно), что князь втайне следует советам греческого премьер-министра А. Кумундурса с целью отвлечь критян от мысли о новом восстании. Другие считали, что, пока не исчерпаны все возможности для воссоединения с Грецией, не стоит спешить с выполнением требований Г. Ипсиланти²⁶. Однако с течением времени (март—июль 1876 г.) идея о приглашении князя стала находить все больше приверженцев. Одной из причин этого явилась политика Греции. С одной стороны, Афины продолжали придерживаться политики нейтралитета и поэтому не были заинтересованы в дестабилизации положения на Крите. С другой стороны, правящие круги Греческого королевства опасались, что, добившись создания княжества, критяне перестанут бороться за воссоединение. Греческий генеральный консул в Кане А. Логофетис официально заявил вождям, что «Греция будет помогать Турции даже силой оружия, чтобы воспрепятствовать осуществлению противного ее интересам замысла об учреждении здесь княжества»²⁷. Аргументация такого рода могла привести лишь к обратному эффекту. К июлю 1876 г. в пользу «княжеского проекта» высказывалось население таких значительных округов, как округ Канеи, Киссамос, Селинос, Сфакия, Ретимнон, Амари, Милопотамос и ряд других. Тогда же Г. Ипсиланти был направлен и акт о призвании. Казалось, пройдет немного времени — и «княжеский проект» станет реальностью. Однако история распорядилась по-иному. Только в середине сентября 1876 г. критяне получили ответ князя, в котором содержался совет не начинать восстания, проводить кампанию гражданского неповиновения властям. Г. Ипсиланти уверял вождей, что он по-прежнему готов оказать им необходимую материальную помощь, однако решить вопрос о руководстве движением окончательно сможет лишь по возвращении Георга I в Грецию из поездки по европейским столицам (турне греческого короля состоялось в апреле—

октябре 1876 г.)²⁸. Через месяц Г. Ипсиланти официально отклонил предложение критян встать во главе движения, подчинившись, как это следовало из контекста его письма, указаниям своего сюзерена. «Княжеский проект» окончательно провалился, несмотря на то что доверенное лицо князя иеромонах П. Келайдис сообщил вождям, что князь вынужден лишь избирать новый путь к достижению своей цели²⁹.

Причиной неудач «княжеского проекта» была его внутренняя противоречивость. Начавшись в рамках реформистского пути, «проект» постепенно наполнялся революционным содержанием. Стабильность баланса сил внутри самого движения обеспечивалась воздействием внешнего фактора. В результате сторонники мирного решения критской проблемы начали поиски выхода из создавшегося тупика в альтернативных проектах реформистского направления. Однако это не усилило позиции радикалов, лишенных поддержки извне в условиях, когда большинство христиан Крита еще отдавало предпочтение ненасильственным методам освободительной борьбы. Все это, по-видимому, понимал и лидер движения князь Г. Ипсиланти; его отказ отчетливо высветил бесперспективность «княжеского проекта» при такой расстановке сил.

Параллельно с «княжеским проектом» получила распространение идея об установлении английского протектората над Критом. Ее возникновение относится к 40-м годам XIX в. В то время она пользовалась успехом в округе Сфакия, жители которого нуждались в поддержке после поражения восстания 1841 г. Покровительство Великобритании сулило сфакиотам-торговцам и немало коммерческих выгод. Однако в других районах Крита идея протектората не пользовалась популярностью³⁰.

Интерес к «английской идее» вновь появляется в середине 60-х годов. Пример Ионических островов — английского протектората, переданного в 1864 г. Греции, усилил позиции сторонников этого пути в критском общественном мнении. «Англофилы» считали, что Англия есть и всегда будет главным арбитром как при решении Восточного вопроса в целом, так и критского в частности; английский протекторат над Критом позволил бы, по их мнению, добиться экономического процветания острова³¹. И хотя в период Великого критского восстания подобные взгляды уступили место более радикальным, они продолжали оказывать влияние в последующие годы. Их подлинное возрождение относится к середине 70-х годов, когда стремление критян к изменению своего положения на какое-то время совпало с интересом Великобритании к Криту как к возможной военно-морской базе.

Уже весной 1875 г. английский генеральный консул в Канеэ Сэндвид установил контакты с влиятельными вождями сфакиотов, убеждая их в «превосходстве английского правительства перед всеми другими», в «процветании английских колоний благодаря предоставленной им свободе», не забывая при этом признавать законность требований критян свергнуть турецкое иго. Моральное воздействие консул неизменно подкреплял материальным, щедро раздавая

«пособия» жителям Сфакии, главным образом вождям³². Надежды Сэндвита не были безосновательными: как отмечал А. Е. Лаговский, «турецкая администрация везде успела до такой степени опротивить критянам, что они готовы броситься в объятия первого попавшегося избавителя, с какой бы стороны он ни появился»³³. Несомненно и то, что многие христиане рассматривали английский протекторат как последнюю ступень на пути воссоединения с Грецией, пример Ионических островов и здесь играл не последнюю роль. Активность англичан на Крите не на шутку встревожила Константинополь и Афины. Настойчивые обращения османских властей к британскому послу в Турции Г. Эллиоту вынудили его запретить привлекать христиан идеей английского протектората. Преждевременное рассекречивание своих целей, по-видимому, не входило в тот период в планы английской дипломатии, поэтому Сэндвит стал усиленно распространять слухи о том, что просто не совсем точно понял просьбу одного из вождей о «покровительстве Англии», одновременно продолжая тайные контакты с некоторыми из них³⁴. Скрывая свои замыслы, Лондон надеялся и на невмешательство Греции, поскольку «английская интрига» на Крите вызвала обеспокоенность греческого правительства, считавшего ее главной опасностью, которая разъединяет христианское население острова. Понимая озабоченность Афин, критские вожди в конце 1875 г. предупредили А. Логофетиса, что христианам надоело терпеть и ждать, поэтому Греция может потерять Крит, если будет придерживаться прежнего образа действий³⁵. К угрозам такого рода критяне неоднократно прибегали и в последующие годы. «Английская интрига считается критянами хорошим возбуждательным средством в отношении греческого министерства, — писал А. Е. Лаговский, — поэтому слух о ней распространяется, поддерживается и преувеличивается не без намерения. Нельзя, однако же, не согласиться, что если Англия захочет воспользоваться минутой отчаяния критян после обманутых надежд, то идея о протекторате нелегко, но все-таки может осуществиться»³⁶.

С мнением российского консула трудно не согласиться. Действительно, критяне рассматривали идею британского протектората в качестве «запасного варианта», к которому можно обратиться в случае неудачи «основных». В этом варианте определяющую, доминантную роль играл внешний фактор — политика Великобритании. Влияние «английской идеи» среди критских христиан после 1875 г. заметно падает, что было напрямую связано со снижением интереса Англии к Криту. К июлю 1877 г. Лондон окончательно отказался от планов превращения острова в базу британского военного флота, что дало повод главе Форин оффис лорду Дерби официально отмежеваться от деятельности «английской партии» на Крите. «Англию мало интересует, — заявил он, — взятие Крита под свою опеку с последующей перспективой передачи его Греции»³⁷. В контексте данного исследования необходимо подчеркнуть, что, будучи одним из течений реформистского направления, «английская идея» оказала определенное воздействие на критское

национально-освободительное движение в 1875—1878 гг., хотя и не столь значительное, как другие.

Несмотря на существенные различия между ними, и «княжеский проект», и «английскую идею» объединяло то, что они в той или иной степени предусматривали решение критской проблемы путем конфронтации с Портой. В основе третьего течения в реформистском направлении лежала попытка компромисса с османскими властями.

Взаимоотношения между турецкой администрацией и населением Крита регулировались «Органическим уставом» 1868 г. Согласно этому документу, принятому под влиянием событий Великого критского восстания, остров в административно-политическом отношении представлял собой отдельный вилайет, управлявшийся вали (генерал-губернатором). При нем должны были состоять два советника, один из которых был христианином. Народное собрание (Генеральная ассамблея), созданное во время восстания 1866—1869 гг., превращалось в постоянный, собирающийся на 40 дней в году совещательный орган. Христиане допускались в административные советы, состав судов. Предусматривалось употребление греческого языка в качестве официального в «округах со смешанным населением», т. е. почти на всей территории Крита, включая его административный центр Канею³⁸.

В сущности, принятие «Органического устава» было важным этапом на пути к автономии Крита. Последовательное и добросовестное выполнение его положений могло предотвратить новые конфликты, способствовать сглаживанию противоречий между этнорелигиозными группами. Однако многие пункты устава остались на бумаге. Выше мы уже рассматривали политику османских властей по отношению к мусульманской и христианской общинам Крита в 1869—1875 гг. Христиане неоднократно подавали на имя султана протесты, в которых указывали на нарушения «Органического устава», жаловались на притеснения со стороны администрации, просили улучшить их положение. Однако эти протесты, как правило, оставались без ответа.

Ситуация несколько изменилась с началом событий в Боснии и Герцеговине. Опасаясь дестабилизации обстановки на Крите (как и в других провинциях Европейской Турции), Порта демонстрировала готовность пойти на уступки. 2 октября 1875 г. был обнародован султанский указ (ирадэ) об уступках в налоговой политике. В начале января 1876 г. новым вали был назначен Реуф-паша, сменивший на этом посту Самих-пашу. Реуф-паша уже дважды находился на посту генерал-губернатора после 1869 г. (в последний раз в 1874—1875 гг.). Как полагало турецкое правительство, новый вали, сумевший за время своего предыдущего пребывания привлечь к себе как мусульман, так и христиан и пользовавшийся уважением последних, успокоит возбужденное население Крита³⁹. В Константинополе, по-видимому, еще не знали, что за последнее время были вскрыты многочисленные факты злоупотребления властью со стороны Реуф-паши и что некоторые его приближенные во главе с советником Хамид-беем фактически от его имени управляли

островом в собственных корыстных целях. Репутация Реуф-паши была также основательно подмочена известием, что он является должником Хамид-бея⁴⁰. Поэтому удаление относительно честного Самих-паши и возвращение прежнего вали не были восторженно, как ожидалось, видимо, в турецкой столице, восприняты христианским большинством, равно как и издание еще одного султанского ирадэ, наполненного голословными обещаниями предоставить христианам новые права путем увеличения их доли среди глав местной администрации (каймакамов) и председателей местных судов⁴¹.

В то же время Порта, со своей стороны, начинает неофициально поддерживать «княжеский проект», вкладывая в него иное содержание, считая, что это поможет нейтрализовать влияние идеи воссоединения Крита с Грецией, а также «английскую интригу». Правда, турецкие власти обуславливали создание княжества сохранением за Константинополем полного и неограниченного права назначения князей, а это, по сути, было равнозначно изменению титула вали при неприкосновенности прежней системы управления⁴². Кроме того, турецкая администрация Крита с целью раскола влиятельных христиан предложила некоторым из вождей занять посты на государственной службе, а руководству эмигрантов — вернуться на Крит, обещая возратить им конфискованное имущество и выплатить денежное вознаграждение⁴³. И хотя эти инициативы не нашли отклика среди христианского большинства, тем не менее они создавали какую-то основу, пусть даже зыбкую и неопределенную, для достижения компромисса. Учитывая данное обстоятельство, а также то, что некоторые представители мусульманского меньшинства Крита также были заинтересованы в стабилизации обстановки на острове, христиане попытались изменить положение легальным путем.

В мае 1876 г. состоялась очередная сессия Генеральной ассамблеи. На ней был выработан проект исправления «Органического устава», в основе которого лежали принципы равноправия мусульман и христиан, а также их пропорционального представительства во всех органах власти. Предлагалось превратить Генеральную ассамблею в подобие законодательного учреждения, в котором число христиан должно превышать количество мусульман в два раза, наделить ее правом пересмотра «Органического устава» и обсуждения бюджета острова, допускать публику в зал заседаний. Вали, согласно проекту, по-прежнему назначался турецким правительством из мусульман или христиан, однако единственный советник при нем всегда должен быть различного с ним вероисповедания — мусульманский советник при христианском вали, и наоборот. Главный административный совет должен состоять из шести членов — четырех христиан и двух мусульман. Все распоряжения Порты, противоречащие уставу, должны объявляться незаконными⁴⁴.

Эти решения были выработаны совместно мусульманскими и христианскими депутатами ассамблеи, которые отказались выбирать членов административной и судебной власти до тех пор, пока не

получат ответ от нового султана Абдул-Хамида II, пришедшего к власти в результате переворота в мае 1876 г., на свои предложения. Вскоре вали получил телеграмму от великого визиря, в которой депутаты извещались о создании комиссии для рассмотрения проекта. По своему опыту зная, что это лишь отговорка Порты, они подали протест Реуф-паше и, отказываясь по-прежнему от выборов чиновников, завершили заседания Генеральной ассамблеи⁴⁵. Приехавший в июле на Крит чрезвычайный комиссар Кадри-бей привез к собой окончательный отказ Порты на прошение депутатов ассамблеи об изменении «Органического устава», что было расценено критянами как открытый вызов, брошенный с умыслом «при полном сознании достаточности средств к подавлению восстания»⁴⁶.

На наш взгляд, попытка компромисса не удалась в силу целого ряда причин, обусловленных различным подходом сторон к перспективам существования Крита в составе Османской империи. Добиваясь расширения своих прав и дальнейшей автономизации критского вилайета, критяне объективно выступали в качестве центростремительной силы. Турецкие же власти пытались укрепить центростремительные тенденции; в условиях кризиса они не могли позволить себе превратить Крит в наиболее привилегированную территорию среди европейских провинций империи: это неизбежно вызвало бы цепную реакцию в славянских и греческих вилайетах. Поэтому на данном этапе Порты скорее была заинтересована в расширении прав христиан других областей, доводя их до критского уровня, что нашло свое отражение в османском конституционно-реформистском процессе в 1876—1877 гг. Однако проводимые преобразования уже не отвечали потребностям населения Крита и не могли встретить поддержку большинства критян. В результате компромисс был обречен, несмотря на то что до лета 1877 г. и той и другой стороной было сделано еще несколько попыток к его достижению.

К концу 1876 г. реформистский путь решения критского вопроса практически исчерпал себя, он оказался несостоятельным в силу указанного выше взаимодействия внешних и внутренних факторов. В критском обществе постепенно происходит перегруппировка сил в пользу революционной тенденции. Начавшаяся в апреле 1877 г. русско-турецкая война ускорила этот процесс. И хотя официальная Греция, как и прежде, выступала против восстания, греческие общественные организации (Критский комитет, национальные общества — «этерии») начали с конца 1876 г. оказывать действенную материальную помощь радикальным кругам на Крите. С лета 1877 г. происходило формирование вооруженных отрядов, состоявших из критян-эмигрантов, готовых в любую минуту отправиться на остров. Решение о начале вооруженной борьбы было принято на митинге, состоявшемся 15 сентября 1877 г. на Афинском стадионе по инициативе Критского комитета⁴⁷. К концу года восстание на Крите стало неизбежным. Мы не ставим перед собой задачи проследить весь ход критского восстания 1878 г.⁴⁸ Гораздо более важным представляется выделение двух течений в освободительном движении.

Первое из них предусматривало в случае победы повстанцев создание на Крите автономного вассального княжества под управлением князя, избранного народом. Выразителем «княжеского проекта» в изменившихся исторических условиях стала Генеральная ассамблея нового состава, выборы в которую происходили в декабре 1877 г. Депутаты ассамблеи считали, что гарантом критской автономии должны стать великие державы, поэтому с самого начала восстания наблюдается активная внешнеполитическая деятельность критского Народного собрания⁴⁹. Сторонников этого течения не всегда отличала последовательность в принятии решений, им были свойственны определенные колебания. Так, например, накануне ввода греческих войск в Фессалию 2 февраля 1878 г. большинство депутатов объявило о низложении османского правительства и о присоединении Крита к Греции. Последовавшие вслед за тем события показали, что решения ассамблеи во многом зависели от положения Греческого королевства на международной арене. После того как 6 февраля греческие войска получили приказ короля очистить территорию Фессалии, депутаты вновь начали поддерживать идею автономии⁵⁰. Можно также с уверенностью предположить, что для многих критян, ранее связывавших свои надежды с реформистским направлением, восстание стало вынужденным актом, последней попыткой добиться осуществления своих замыслов.

Второе, радикальное течение в революционном направлении отстаивало идею воссоединения с Грецией. Его возглавляли ветераны освободительного движения, вожди, прибывшие из Греции. Повстанческие формирования, руководимые ими, отказывались подчиняться решениям Генеральной ассамблеи по вопросу о будущей судьбе острова⁵¹. Противоречия внутри повстанцев явились одной из причин поражения восстания к лету 1878 г.

Несмотря на поражение восстания, Порты была вынуждена пойти на расширение привилегий критян. В соответствии с Халепским пактом (октябрь 1878 г.) она назначала вали, христианина или мусульманина, на пятилетний срок, что уменьшало его зависимость от Константинополя. Вместо двух советников вали оставался один, который должен был исповедовать христианство, если генерал-губернатор был мусульманином, и наоборот. Значительно расширилось участие христиан в различных органах управления, они получали большинство постов каймакамов. Важными были пункты о том, что османская конституция не может отменять положений «Органического устава», а указы Порты, противоречащие ему, признавались недействительными⁵². В конце 1878 г. впервые на должность вали был назначен христианин — бывший турецкий посланник в Афинах Фотиадис-бей. Годы его правления (1878—1886) были самыми спокойными на Крите в течение всего XIX в.

Прогресс в решении критской проблемы был достигнут лишь благодаря конструктивному взаимодействию двух рассмотренных в настоящей статье тенденций. По существу, контуры Халепского пакта были очерчены еще в период преобладания реформистской тенденции. Однако для воплощения этих планов в жизнь сил

реформистов оказалось явно недостаточно, и эту функцию взяли на себя сторонники революционного пути. Результатом взаимодействия явилось восстановление динамического равновесия между тенденциями на новом уровне, обуславливавшееся отсутствием действия внешнего фактора. Влияние последнего неизбежно нарушало баланс сил, что в условиях нерешенности критского вопроса неоднократно приводило к новым потрясениям на острове, вплоть до его воссоединения с Грецией в 1913 г.

- ¹ Кондратьева В. Н. Из истории национально-освободительной борьбы на Крите // Учен. зап. Ин-та славяноведения. М., 1966. Т. 30.
- ² Цехмистренко С. П. Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. и их отражение в русской периодической печати // Балканские исследования. М., 1989. Вып. 11.
- ³ Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου Κ. Ελληνικός αλυστροτισμός και οθωμανικές μεταρρυθμίσεις: Η περίπτωση της Κρήτης, 1868—1877. Αθήνα, 1988.
- ⁴ Абеґг Ю. Заметка о Крите // Сборник консульских донесений. СПб., 1898. Вып. IV—VI.
- ⁵ Там же. С. 353—354; Ιστορία του ελληνικού έθνους. Αθήνα, 1977. Τ. ΙΓ: Σ. 412.
- ⁶ Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου Κ. Ο. π. Σ. 87.
- ⁷ Στο ίδιο. Σ. 88—89, 92.
- ⁸ Подробнее о Великом критском восстании см.: Сенкевич И. Г. Россия и Критское восстание 1866—1869 гг. М., 1970.
- ⁹ А. Е. Лаговский — послу России в Турции Н. П. Игнатьеву, 21 июня 1875 // Архив внешней политики России МИД СССР. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 76—77. (Далее: АВПР); А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 4 декабря 1876 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 257. Все даты в работе даются по новому стилю.
- ¹⁰ Абеґг Ю. Указ. соч. С. 350; Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου Κ. Ο. π. Σ. 92—93.
- ¹¹ Абеґг Ю. Указ. соч. С. 352.
- ¹² Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου Κ. Ο. π. Σ. 96—97.
- ¹³ Στο ίδιο. Σ. 97.
- ¹⁴ Точку зрения автора на «Великую идею» см.: Цехмистренко С. П. Национально-освободительное движение греческого народа и русско-греческие отношения в период Восточного Кризиса 1875—1878 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 10—11.
- ¹⁵ АВПР. Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 389—390.
- ¹⁶ Сообщения об этом можно обнаружить практически в каждом донесении российского консула на Сиресе Г. К. Дубницкого за 1875—1878 гг. См.: АВПР. Ф. Миссия в Афинах. Д. 994, 1002, 1015, 1020.
- ¹⁷ Καλλιτάκη Μερτίκοπούλου Κ. Ο. π. Σ. 69, 71—72, 77, 199, 200, 258.
- ¹⁸ Шпаро О. Б. Захват Кипра Англией. М., 1974. С. 38—42.
- ¹⁹ Кофос Э. Россия и эллинизм в период Восточного кризиса 1875—1878 гг. // Балканские исследования. Вып. 11. С. 145—146.
- ²⁰ А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 29 янв. 1877 г. // АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1877. Д. 1905. Л. 36; Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 394.
- ²¹ А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 23 авг. 1875 г. // Там же. 1875. Д. 1903. Л. 102.
- ²² А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 27 сент. 1875 // Там же. Л. 126; А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 19 марта 1876 г. // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 54—55.
- ²³ А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 28 февр. 1876 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 36; А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 3 окт. 1875 // Там же. 1875. Д. 1903. Л. 134—135.
- ²⁴ А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 3 окт. 1875 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 8—9.
- ²⁵ А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 5 марта 1876 // Там же. Л. 41—42; А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 24 апр. 1876 // Там же. Д. 782. Л. 1—2.

- 26 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 13 марта, 10 апр. 1876 // Там же. Д. 1904. Л. 47—48, 74.
- 27 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 11 июня 1876 // Там же. Л. 134.
- 28 А. Е. Лаговский — поверенному в делах России в Турции А. И. Нелидову, 18 сент. 1876 // Там же. Л. 216—217.
- 29 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 23 окт. 1876 // Там же. Л. 234.
- 30 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 20 дек. 1875 // Там же. 1875. Д. 1903. Л. 173.
- 31 *Καλλιτάκη Μερτικοπούλου* К. О. п. Σ. 99.
- 32 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 20 дек. 1875 // АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 174—175.
- 33 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 9 янв. 1876 // Там же. Л. 189.
- 34 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 26 дек. 1875 // Там же. Л. 181; А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 17 янв. 1876 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 7—8; Ф. Отчеты МИД. 1875. Л. 230.
- 35 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 20 дек., 26 дек. 1875 // Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 177, 183—184.
- 36 А. Е. Лаговский — А. И. Нелидову, 14 авг. 1876 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 186.
- 37 Российский посланник в Афинах П. А. Сабуров — канцлеру А. М. Горчакову, 7 июля 1877 // Там же. Ф. Канцелярия. 1877. Д. 8. Л. 393—394.
- 38 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 г. // Изв. МИД. СПб., 1913. Кн. 4. С. 198.
- 39 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 21 марта 1875 // АВПР. Ф. Посольство в Константинополе. 1875. Д. 1903. Л. 26.
- 40 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 17 янв. 1876 // Там же. 1876. Д. 1904. Л. 5—6.
- 41 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 23, 31 янв. 1876 // Там же. Л. 19, 20; Ф. Отчеты МИД. 1876. Л. 386—387.
- 42 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 19 марта 1876 // Там же. Ф. Посольство в Константинополе. 1876. Д. 1904. Л. 53—54.
- 43 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 30 апр. 1876 // Там же. Л. 87.
- 44 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 28 мая 1876 // Там же. Л. 98—99; *Κωφός Ε.* Ο ελληνισμός στην περίοδο 1869—1881. Αθήνα, 1981. Σ. 96—97.
- 45 А. Е. Лаговский — Н. П. Игнатьеву, 19 июня 1876 // АВПР. Ф. Посольство в Константинополе, 1876. Д. 1904. Л. 136—138.
- 46 А. Е. Лаговский — А. И. Нелидову, 6 авг. 1876 // Там же. Л. 172; *Καλλιτάκη Μερτικοπούλου* К. О. п. Σ. 287—288.
- 47 *Κορδάτος Γ.* Ιστορία της Ελλάδας. Αθήνα, 1958. Τ. 12. Σ. 364.
- 48 О ходе восстания на Крите см.: *Цехмистренко С. П.* Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. ... С. 133—138.
- 49 Г. К. Дубницкий — П. А. Сабурову, 8 февр. 1878 // АВПР. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 52; *Μουρέλλος Ι. Α.* Η ιστορία της Κρήτης. Ηράκλειον, 1950. Τ. 3. Σ. 1535.
- 50 Г. К. Дубницкий — П. А. Сабурову. 8 янв. 1878 // АВПР. Ф. Миссия в Афинах. 1878. Д. 1020. Л. 50; Московские ведомости. 1878. 27 янв. (8 февр.); *Κορδάτος Γ.* О. п. Σ. 365.
- 51 *Цехмистренко С. П.* Восстания в греческих провинциях Османской империи в 1878 г. ... С. 136—137.
- 52 *Κωφός Ε.* О. п. Σ. 152—154.

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И АВТОНОМИЯ КРИТА 1898 г.

В. П. Меньщиков

В течение всего XIX в. греческое население Крита не прекращало борьбу против гнета Османской империи. Ряд восстаний — 1821 — 1828 гг., 1866 — 1869 гг., 1878 г. — прошел под лозунгом освобождения и воссоединения с Грецией. Этот лозунг не утратил своей актуальности и в конце прошлого столетия. Важным этапом в истории критского национально-освободительного движения стал ближневосточный кризис 1896 — 1898 гг.

Утрата большей части прав самоуправления, которыми критяне пользовались по Халепскому пакту 1878 г., а также рост произвола местных турецких властей побудили греческое население Крита в 1896 г. вновь взяться за оружие. В первых же боях восставшие нанесли турецким войскам ряд серьезных поражений. Общественное мнение в Греческом королевстве решительно высказалось в поддержку сражающихся критян. Движение помощи критским повстанцам достигло в Греции к лету 1896 г. такого размаха, что с ним было вынуждено считаться и афинское правительство. Участие в боях греческих добровольцев и материальная помощь, которую оказывали восставшим такие греческие общественные организации, как «Этники Этерия» и Критский комитет, способствовали быстрому развитию и углублению национально-освободительного движения на Крите. Так, если летом 1896 г. восставшие требовали возвращения и расширения автономных прав Крита в составе Османской империи, то в январе 1897 г. они выступили за присоединение к Греции.

В феврале 1897 г. Греческое королевство предприняло попытку присоединить Крит силой. На остров был высажен десант под командованием полковника Т. Вассоса — адъютанта греческого короля.

Правительство России отрицательно отнеслось к оккупации Крита греческими войсками, считая, что действия Греции представляют угрозу для сохранения мира в Восточном Средиземноморье. В конце XIX в. правящие круги Российской империи проводили активную политику на Дальнем Востоке, поэтому они были заинтересованы в поддержании мира и спокойствия на Ближнем Востоке. В своей балканской и ближневосточной политике царское правительство исходило из необходимости сохранения Османской империи. В силу этого оно выступало против попыток нарушения целостности турецких владений как со стороны великих держав, так и со стороны малых балканских государств.

Великие державы, отказавшись признать присоединение Крита к Греции, приступили к выработке приемлемого для них решения Критского вопроса. Германия предложила силой заставить Грецию вывести с острова свои войска. Однако другие члены «европейского

концерта» не поддержали это предложение. Британское правительство заявило, что Порта должна предоставить Криту широкую автономию в составе Османской империи. Россия, старавшаяся по мере возможности сблизить крайние точки зрения, которые выражали Германия и Англия, выступила за компромиссное решение критского вопроса, которое внешне не нарушало статус-кво и не затрагивало территориальной целостности Османской империи: султан должен был предоставить Криту автономию, а Греция — вывести с острова свои войска. Если последняя откажется это сделать, великие державы применят к ней меры принуждения. Предложение России, как наиболее взвешенное, было принято другими державами, в том числе Австро-Венгрией, Францией и Италией*.

Необходимо подчеркнуть, что великие державы согласились предоставить автономию Криту и приняли на себя ответственность за проведение этого решения в жизнь лишь после того, как остров был занят греческими войсками и возникла опасность греко-турецкой войны. Поддержка Греческого королевства помогла греческому населению Крита сделать первый шаг к освобождению от турецкого гнета.

В марте 1897 г. «европейский концерт» активизировал свою политику в критском вопросе. Правительством Греции и Турции была передана 2 марта нота великих держав с требованием признания автономии Крита и вывода греческих войск. Турция ответила положительно, дав согласие на автономию Крита. Греция же отказалась выполнить требования держав, продолжая настаивать на присоединении острова. Вследствие этого великие державы решили перейти к принудительным мерам. 21 марта 1897 г. военные корабли шести европейских государств начали морскую блокаду Крита. Одновременно в его главных портах был высажен десант английских, французских, русских и т. д. войск*. Тем не менее принятые меры не дали желаемого эффекта, Греция не вывела свои войска с Крита. Несмотря на предпринятые усилия, «европейский концерт» не смог протодувратить греко-турецкую войну.

В скоротечной войне с Турцией в апреле — мае 1897 г. Греция потерпела сокрушительное поражение и была вынуждена отказаться от присоединения Крита. К середине мая 1897 г. все греческие войска покинули остров. Однако, несмотря на победу Турции, процесс отделения Крита от Османской империи стал необратимым.

После греко-турецкой войны критская проблема приобрела качественно новое содержание. Продолжавшаяся на острове борьба между критскими повстанцами и турецкими войсками мешала Турции восстановить свою власть на Крите. Вместе с тем критяне не могли самостоятельно, без помощи извне, решить вопрос об изменении статуса острова. Восставшие больше не могли рассчитывать на помощь Греции, потому что после войны 1897 г. она была полностью отстранена от участия в критских делах. Решение критского вопроса теперь полностью зависело от политики шести

* Всеми действиями войск и флота распоряжался совет адмиралов, командовавших эскадрами великих держав на Крите.

великих держав — Англии, Франции, России, Германии, Австро-Венгрии и Италии.

В конце июня 1897 г. российское правительство предложило, не дожидаясь установления автономного управления на Крите, избрать «какую-либо временную власть для водворения на месте необходимого порядка и спокойствия»².

Вскоре критские повстанцы по собственной инициативе приступили к созданию органов управления, что свидетельствовало о частичной утрате великими державами лидирующей роли в преобразованиях на Крите. 16 июля 1897 г. командующие эскадрами были извещены о том, что Народное собрание выбрало из своего состава временное правительство Крита. Сославшись на то, что без ведома своих правительств они не могут официально признать его, адмиралы выразили готовность поддерживать с новым правительством постоянные отношения и совместно работать над восстановлением на острове порядка³.

В это время великие державы все еще не пришли к единому мнению о способе установления автономного управления на Крите. Разрешение критского вопроса затягивалось из-за сопротивления Турции, с одной стороны, и из-за отсутствия единства внутри «европейского концерта» с другой.

Летом 1897 г. среди критских повстанцев произошел раскол: одна часть — сторонники известного критского политического деятеля Э. Венизелоса — выступила за признание автономии, другая — приверженцы М. Кундурса — за продолжение борьбы за присоединение острова к Греции⁴. Раскол, в свою очередь, привел к вооруженному столкновению между отдельными отрядами восставших. В ходе междоусобной борьбы победила группировка с Э. Венизелосом и его соратником Я. Сфакианакисом во главе, которая выступала за мирные преобразования на Крите. Это предопределило расстановку сил и исход голосования в Народном собрании, состоявшемся в окрестностях Кандии в конце августа 1897 г. Большинство депутатов (60 человек) проголосовало за признание автономии, меньшинство (12 человек) — против и было изгнано из Народного собрания. Тогда же было принято обращение к критскому народу, в котором говорилось о признании автономии Крита и готовности восставших ждать до тех пор, пока критский вопрос не будет решен европейскими державами⁵.

Поражение сторонников вооруженной борьбы знаменовало собой победу реформистской тенденции в критском национально-освободительном движении. В августе 1897 г. произошел поворот греческого населения острова от вооруженного сопротивления к сотрудничеству с великими державами, прежде всего с Англией, Францией и Россией, принимавшими наиболее активное участие в урегулировании критской проблемы.

Необходимо подчеркнуть, что политика России в отношении Крита во второй половине 1897 г. была более реалистичной и последовательной, чем политика других великих держав. Российское правительство неоднократно призывало своих партнеров прекратить разногласия и консолидировать свои усилия для достижения же-

лаемой цели — становления и укрепления на Крите автономного устройства. Однако обращения Петербурга не всегда встречали благоприятный отклик со стороны других великих держав.

В августе 1897 г. правительство Турции вынесло на обсуждение несколько предложений, на основе которых, по его мнению, следовало бы решить критский вопрос. Одно из них, в частности, предусматривало избрание генерал-губернатором «автономного» Крита одного из сыновей турецкого султана. По сути дела это предложение означало возврат критян под видом «автономии» к положению, существовавшему на острове до восстания 1896 г.

Растущая активность Турции в критском вопросе, грозившая сорвать урегулирование кризиса, встревожила европейские правительства. По предложению России послам великих держав в Константинополе было поручено разработать проект автономного устройства Крита, а также подобрать подходящего кандидата на пост генерал-губернатора, которому можно было бы доверить «управление островом на новых автономных началах»⁶.

В течение осени 1897 г. конференция послов великих держав в Константинополе разработала проект «временного регламента» управления островом. Этот проект, получивший в окончательной редакции название «Органический статут», предусматривал административную автономию Крита в составе Османской империи. 18 декабря 1897 г. документ был утвержден послами шести европейских держав, участвовавшими в работе конференции⁷. Великие державы были вынуждены пойти на частичное отступление от «священного» принципа стаус-кво ради сохранения Османской империи и отсрочки решения восточного вопроса до более благоприятных времен.

Гораздо более сложным оказалось воплотить принятые решения в жизнь. Камнем преткновения стал вопрос об избрании генерал-губернатора. Проблема заключалась в том, что предлагаемая кандидатура должна была удовлетворять требованиям и великих держав, и Турции, и населения Крита. Все члены «европейского концерта» были согласны, что для восстановления порядка на Крите необходимо как можно быстрее избрать нового генерал-губернатора и передать ему управление островом. Однако решение вопроса затягивалось из-за того, что каждая из держав старалась провести на этот пост своего кандидата.

В декабре 1897 г. российское правительство разработало ряд новых предложений по критскому вопросу. Оно считало необходимым привлечь в какой-либо форме Грецию к участию в решении этой проблемы. Избрание сына греческого короля принца Георгия генерал-губернатором Крита, по мнению Петербурга, позволило бы достичь компромисса между заинтересованными сторонами.

Получив предварительно согласие греческого королевского двора, российский МИД поручил своему поверенному в делах в Константинополе В. В. Жадовскому выступить на конференции послов с соответствующим предложением⁸. Делая этот шаг, российское правительство было готово к нелегкой борьбе вокруг избрания

греческого принца. Ближайшие события подтвердили всю сложность решения этой проблемы.

В январе 1898 г. Германия и Австро-Венгрия выступили против названной кандидатуры. Англия, Франция и Италия предложили, чтобы принц Георгий выполнял обязанности генерал-губернатора Крита временно, впредь до избрания постоянного главы острова. Убедившись в неуступчивости Берлина и Вены, а также в непоследовательности Лондона, Парижа и Рима, правительство России решило на некоторое время снять с обсуждения свое предложение. Этот тактический ход был предпринят Россией ради сохранения единства, которое, по мнению Петербурга, было необходимо для успешного решения критского вопроса⁹.

Однако, несмотря на принятое решение, позиция России продолжала оставаться неизменной. Петербургский кабинет был убежден в том, что в случае избрания принца Георгия спокойствие на Крите будет восстановлено, в то время как избрание другого кандидата повлечет за собой возобновление резни¹⁰. Поэтому российское правительство заявило, что оно предпримет все зависящие от него меры, чтобы не допустить высадки на остров новых турецких войск и не будет участвовать ни в каких насильственных мероприятиях, направленных против критян, считая невозможным силой навязывать неугодного им генерал-губернатора¹¹.

Серьезные противоречия между великими державами, в частности между Англией и Германией, различие точек зрения на пути решения критского вопроса вызвали кризис «европейского концерта». Германия и Австро-Венгрия в марте 1898 г. заявили о своем отказе от дальнейшего участия в урегулировании критской проблемы. Раскол между европейскими державами был преодолен с помощью российской дипломатии, роль которой в решении критского вопроса, начиная с весны 1898 г. заметно возросла.

В конце марта 1898 г. министр иностранных дел России М. Н. Муравьев сообщил российским представителям за рубежом, что петербургский кабинет считает необходимым немедленно приступить к созданию на Крите органов автономного управления в соответствии с принципами, закрепленными в «Органическом статуте» от 18 декабря 1897 г. Реформы должны быть проведены, несмотря на неудачу с избранием генерал-губернатора¹². Выполнение этой задачи, по мнению М. Н. Муравьева, следовало бы возложить на командующих эскадрами европейских держав на Крите. Непосредственными исполнителями должны были стать местные органы, сформированные из греко-критян независимо от вероисповедания. Все преобразования должны были проводиться под контролем Верховного административного совета, образованного из адмиралов и консулов европейских держав. По существу, правительство России выдвинуло тогда целую программу конкретных действий великих держав по установлению на Крите автономного управления.

Вторым шагом России было увеличение материальной помощи населению Крита. В конце марта 1898 г. петербургский кабинет

принял решение о выделении 300 тыс. рублей на закупку хлеба для голодающих критян¹³.

В начале 1898 г. греческое правительство неоднократно обращалось в Петербург с просьбой поспешить с избранием принца Георгия генерал-губернатором острова, так как оно было прямо заинтересовано в такой форме установления автономии на Крите. Однако российское правительство продолжало выжидать, считая, что при сложившихся обстоятельствах (отсутствии поддержки со стороны Англии и Франции) нецелесообразно настаивать на кандидатуре греческого принца, так как это могло бы повредить интересам Греции и королевской династии. Более важным, по его мнению, был вопрос о выводе из Фессалии* турецких войск¹⁴.

Летом 1898 г. в столицах европейских государств ожидали известий о том, как идет эвакуация из Фессалии. Вывод всех турецких войск с ее территории означал бы восстановление статус-кво на Балканском полуострове, что было главной целью дипломатической деятельности великих держав. В результате была бы создана благоприятная ситуация, дававшая Англии, Франции, России и Италии возможность сосредоточиться на решении критской проблемы.

После вывода из Фессалии турецких войск (июль 1898 г.) Англия, Франция, Россия и Италия приступили к образованию на Крите органов временного автономного управления, которое должно было действовать до создания постоянного автономного управления с христианским генерал-губернатором во главе. Согласно инструкции своих правительств, командующие эскадрами европейских держав должны были поделить власть на местах с Исполнительным комитетом Народного собрания Крита¹⁵.

Планы четырех великих держав в критском вопросе были доведены до сведения правительств Турции, Германии и Австро-Венгрии. Необходимая информация была также передана и Постоянному бюро Народного собрания Крита. Таким образом, было положено начало практическому применению разработанных европейскими государствами принципов автономного управления.

Прогресс в урегулировании критского кризиса был, без сомнения, достигнут. Однако деятельность адмиралов великих держав по созданию органов временного автономного управления с самого начала встретила ожесточенное сопротивление критских мусульман, подстрекаемых турецкими войсками. Опасаясь возобновления вооруженных столкновений, командующие эскадрами решительно выступили за вывод всех турецких войск с острова. Вспыхнувшие в июле 1896 г. волнения в городе Кандия показали, что их опасения не были лишены оснований. При попытке командира английского отряда передать налоговое управление города в руки представителей Исполнительного комитета Народного собрания Крита мусульмане взялись за оружие. В схватке были убиты несколько английских

* Фессалия была оккупирована турецкими войсками во время греко-турецкой войны в апреле 1897 г.

военнослужащих. Волнения быстро охватили весь город. Христианские кварталы Кандии были подожжены мусульманами, началась жестокая резня греческого населения. В ходе беспорядков погибли около 600 мирных жителей, в том числе женщины и дети¹⁶. В результате резко возросла эмиграция критян в Грецию.

По распоряжению адмиралов великих держав, опасавшихся распространения волнений на всю территорию острова, в прибрежных городах Крита был высажен дополнительный десант. Однако положение в течение лета 1898 г. продолжало оставаться серьезным.

Кандийская резня побудила великие державы консолидировать свои усилия в поисках выхода из критского тупика. Петербургский кабинет обратился к правительствам Англии, Франции и Италии с призывом как можно быстрее найти способ для восстановления спокойствия на острове. В ходе обмена мнениями итальянское правительство предложило оказать на Порту коллективное давление с тем, чтобы вынудить ее добровольно отозвать с Крита свои войска и передать управление островом адмиралам великих держав при условии сохранения суверенных прав Турции над Критом¹⁷.

Правительства Германии и Австро-Венгрии отказались поддерживать предложение Италии, заявив, однако, что они тем не менее не будут препятствовать действиям других великих держав в отношении Турции. Правительства Англии, Франции и России одобрили предложение Италии, после чего четыре вышеназванные державы потребовали у Порты вывести с острова все турецкие войска.

Решительный тон Англии, Франции, России и Италии отрезвляюще подействовал на турецкого султана. Убедившись в том, что на этот раз ему не удастся сыграть на противоречиях между великими державами, Абдул-Гамид отдал приказ о выводе турецких гарнизонов с острова. В течение октября 1898 г. все турецкие войска покинули его. С этого времени управление Критом полностью перешло в руки командующих эскадрами четырех европейских держав и Исполнительного комитета Народного собрания Крита¹⁸.

После вывода турецких войск еще более актуальным стал вопрос об избрании генерал-губернатора. Российская дипломатия предъявляла высокие требования к его кандидатуре, считая, что он должен пользоваться авторитетом у местного населения и быть в состоянии восстановить порядок, чтобы затем приступить к установлению автономного управления. Поэтому она вновь высказалась в поддержку кандидатуры принца Георгия. Петербургский кабинет старался убедить своих партнеров в том, что предлагаемая кандидатура вполне соответствует этим требованиям, и что только путем избрания сына греческого короля можно достичь примирения между христианским и мусульманским населением острова¹⁹. Избрание другого кандидата, по мнению России, могло бы привести к возобновлению движения критян за присоединение к Греции или за самостоятельное избрание принца Георгия генерал-губернатором Крита. Это означало бы крах двухлетних усилий Англии, Франции, России и Италии по урегулированию критского кризиса.

Учитывая негативное отношение Порты к кандидатуре греческого принца, Россия предложила, чтобы великие державы дали ему полномочия на управление Критом без одобрения Константинополя. По его мнению, это значительно ускорило бы становление автономного управления. При этом предполагалось, что султан скорее уступит давлению великих держав, чем добровольно даст свое согласие на избрание генерал-губернатором сына греческого короля²⁰.

Англия, Франция и Италия поддержали предложение России. В короткий срок (к началу ноября 1898 г.) ими были разработаны условия, на основе которых должно было состояться назначение принца Георгия верховным комиссаром великих держав на Крите.

В середине ноября 1898 г., несмотря на секретный характер переговоров, в Константинополе стало известно, кого великие державы намерены назначить верховным комиссаром Крита. Турецкий султан заявил, что он никогда не даст своего согласия на это назначение. В результате Турция открыто заняла враждебную позицию в отношении политики великих держав в критском вопросе. Это свидетельствовало о том, что Порта рассматривала свое согласие на автономию Крита, данное ею в марте 1897 г., лишь как уступку тактического характера, на которую она была вынуждена пойти под давлением шести европейских держав. В связи с этим российское правительство сделало заявление, что европейские державы имеют все основания обойтись без согласия Константинополя²¹.

26 ноября 1898 г. греческий король Георг дал официальное согласие «на принятие королевичем предлагаемого ему звания». В тот же день принц Георгий, ознакомившись с переданными ему посланниками европейских держав условиями назначения, также ответил согласием²².

После этого европейские дипломатические представители в Константинополе сообщили Порте о состоявшемся назначении. Англия, Франция, Россия и Италия стали готовить почву для передачи власти верховному комиссару. На Крите была объявлена всеобщая амнистия, а затем адмиралы сообщили населению о том, что принц Георгий вскоре возьмет управление островом в свои руки. Кроме того, по решению великих держав была прекращена блокада Крита, начатая в марте 1897 г.

Принц Георгий прибыл на Крит 21 декабря 1898 г. Это было важное событие в истории греческого народа. Назначение верховного комиссара и прекращение блокады означали завершение затяжного критского кризиса 1896 — 1898 гг., вызвавшего греко-турецкую войну 1897 г. Тяжелое поражение Греции в этой войне не позволило осуществить немедленное присоединение Крита, отсрочив его еще на 15 лет. Тем не менее Турция не смогла восстановить свою власть над Критом. Великие державы приняли компромиссное решение об установлении на острове автономного управления. При этом он оставался под суверенитетом Османской империи. Под давлением великих держав Греции пришлось отказаться от присоединения Крита, а Турции — от сохранения своей власти на нем в полном объеме. Не следует забывать, что критяне получили

автономии только после трехлетней кровопролитной освободительной борьбы. На наш взгляд, они не могли достичь большего в той исторической обстановке. Не добившись присоединения к Греции в 1897 г., критяне тем не менее сделали необратимым процесс своего отделения от Османской империи. Поэтому становление автономии на Крите в конце 1898 г. следует расценивать как позитивное для того времени явление, как еще один шаг на пути к освобождению и объединению с Грецией.

Достижение этого результата, не в последнюю очередь, стало возможным благодаря усилиям российской дипломатии, в течение длительного периода борющейся за утверждение автономного управления на острове. Активная, целеустремленная политика России в критском вопросе на завершающем этапе ближневосточного кризиса 90-х годов XIX в., на наш взгляд, объективно отвечала интересам самого критского населения и в конечном счете способствовала закреплению результатов национально-освободительной борьбы греческого народа в конце прошлого столетия.

- ¹ История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 346; Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. М., 1971. С. 220 — 221.
- ² Архив внешней политики России. Ф. Отчеты МИД. 1897. Д. 122. Л. 128. (Далее: АВПР).
- ³ Выписка из донесения контр-адмирала Андреева, 9 июля 1897 г. // Центральный государственный архив военно-морского флота. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1540. Л. 739.
- ⁴ Выписка из донесения контр-адмирала Андреева, 21 авг. 1896 г. // Там же. Л. 796.
- ⁵ Выписка из донесения контр-адмирала Андреева, 30 авг. 1897 г. // Там же. Л. 801.
- ⁶ АВПР. Ф. Отчеты МИД. 1897. Л. 122, 128 — 129.
- ⁷ Там же. Л. 130.
- ⁸ М. Н. Муравьев — М. К. Ону, 23 дек. 1897 г. // Там же. Ф. Политархив. 1897. Д. 286. Л. 17.
- ⁹ М. Н. Муравьев — Д. А. Капнисту, 3 февр. 1898 г. // Там же. Л. 22.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Телеграмма М. Н. Муравьева послам в Париже, Лондоне, Риме, Вене, Берлине и Константинополе, 22 марта 1898 г. // АВПР. Ф. Политархив. 1897. Д. 290. Л. 26.
- ¹³ Телеграммы М. Н. Муравьева консулу в Кане, посланнику в Афинах, послу в Константинополе, 23 марта 1898 г. // Там же. Д. 290. Л. 28.
- ¹⁴ М. К. Ону — М. Н. Муравьеву, 5 февр. 1898 г. // Там же. Ф. Канцелярия. 1898. Д. 6, Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1898. Л. 157 — 158.
- ¹⁶ Там же. Л. 158.
- ¹⁷ Там же. Л. 158 — 159.
- ¹⁸ Там же. Л. 159.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. Л. 160.
- ²¹ В. Н. Ламздорф — М. К. Ону, 16 нояб. 1898 г. // АВПР. Ф. Канцелярия. 1898. Д. 6, Л. 394.
- ²² М. К. Ону — М. Н. Муравьеву, 27 нояб. 1898 г. // Там же. Ф. Политархив. 1898. Д. 289. Л. 84 — 85.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИЗМА В ЧЕШСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

3. С. Ненашева, Е. В. Чиняева

Анализ развития чешской общественной мысли в последней четверти XIX — начале XX в. убеждает в том, что социальная тема не была «terra incognita» ни для чешской интеллигенции, ни для политиков-практиков. С развитием капитализма в Чешских землях вопросы взаимоотношения труда и капитала, социальной защиты и социальной справедливости становились все более актуальными и находили отражение в работах многих ученых, политических деятелей независимо от их партийной принадлежности. Большое внимание на эти сюжеты обратил, например, известный чешский экономист старочех А. Браф (1851 — 1912)¹. Заслугой таких представителей чешской интеллигенции, как А. Браф, его коллеги по университету Т. Г. Масарик (1850 — 1937), Й. Кайзл (1854 — 1901), было то, что они уловили и отразили в своей научной и общественно-политической деятельности новые объективные тенденции общественного развития. Это, в свою очередь, послужило основой для широкого обращения к социальной тематике в последующий период, на который пришелся подъем социалистического и прогрессистского движений.

В марксистской историографии усиление интереса к социальному вопросу прежде всего связывалось с ростом рабочего и социалистического течений общественной жизни. Стремление к социальному миру, высказываемое представителями буржуазной политики, рассматривалось как чисто декларативный прием. Эти выводы закономерно вытекали из общей марксистской исторической концепции, согласно которой определяющими факторами общественно-политического развития являлись классовые противоречия и соответственно классовая борьба.

Однако в реальности в чешском обществе в 80-е годы XIX в. продолжала господствовать национальная идеология, подразумевавшая субъектом борьбы за политическую независимость всю нацию в целом. При этом мелкобуржуазные слои чешского общества рассматривались как общий резерв чешской буржуазной политики, которая в правительственных сферах и за рубежом воспринималась преимущественно как нечто цельное, внутренне монолитное.

Немало для создания такого образа сделали сами чешские политические лидеры. Так, после принятия предвыборной политической и национальной программы в 1889 г. лидер Национальной партии свободомыслящих (младочехи) Эд. Грегр (1827 — 1907) писал об этом документе как об «общей программе», предложенной и старочехами, и младочехами и «принятой всем народом»². Не случайно поэтому в некоторых работах чешских буржуазных историков,

в публицистике этого периода указывалось на условность политической дифференциации чешской буржуазии, особенно когда речь шла о национальной программе³.

На выборах в чешский сейм в 1889 г. и в рейхсрат в 1891 г. Национальная партия свободомыслящих одержала блестящую победу. Младочехам удалось привлечь на свою сторону широкие массы трудящихся поддержкой борьбы против господства австро-немецкой буржуазии в Чешских землях, против консервативной шляхты как опоры австрийского правительства, за всеобщее избирательное право, свободу вероисповедания, освобождение системы образования от влияния церкви и т. п.

Стремлением представлять интересы чешского народа в целом диктовалась защита многими младочешскими деятелями таких популярных требований, как реформа налогообложения, которая оставляла бы за чешским сеймом право распоряжаться прямыми налогами в интересах края, резкая критика системы дуализма как тормоза экономического и политического развития Чешских земель.

Поднимавшаяся волна мелкобуржуазного радикализма вознесла младочехов на вершину чешской политической иерархии, превратив Национальную партию свободомыслящих в ведущую силу чешского общества⁴. Однако уже в 90-е годы становится очевидным решительное размежевание между буржуазными и мелкобуржуазными слоями чешской нации, что в политической жизни нашло отражение в появлении аморфного в организационном плане, но достаточно импульсивного движения прогрессистов, более решительно выдвигавшего на первый план политической жизни социальные требования.

Таким образом, радикализм младочехов, которых в Вене расматривали «как ярых демократов и радикалов», был гиперболизирован на фоне консерватизма политического курса Национальной партии, ее оппортунизма и практического бездействия. Восприятие младочехов как якобинской партии, характеристика ее правительством как партии крайностей имели ситуативный характер⁵.

По мере приближения к реальной власти, правительственным кругам оппозиционность младочехов конца 80-х годов все в большей степени уступала место намерению участвовать во всех областях законодательной деятельности — от социальной и экономической до школьной. Некоторое время это тем не менее сопровождалось попытками сохранить либеральные традиции, свойственные политике партии на ранних этапах ее истории. Эта линия получила отчетливое выражение после прихода к руководству новых лидеров, бывших «реалистов» Й. Кайзла и К. Крамаржа (1860 — 1937).

Й. Кайзл, профессор экономики Карлова университета, подчеркивал, что политический курс младочехов строится на основе происходящих событий. В политической жизни Кайзл был сторонником конструктивных реформ. Свою концепцию общественно-политических преобразований, которая в дальнейшем получила название поэтапной или позитивной политики, Кайзл «вложил» в Нимбургскую резолюцию (1894)⁶, занявшую определяющее место

среди программных документов Национальной партии свободомыслящих в середине 90-х годов и оказавшую заметное влияние на ее дальнейшее развитие.

Резолюция была принята в период, когда младочехи заявили о себе как об оппозиции правительству. Выступая за реформы, Кайзл настаивал на их глубине и последовательности, доведении «до самого конца», вплоть до изменения «основ государства». При этом он резко критиковал политику правительства, считал его не способным провести в жизнь принцип: «всем народам — равные права». Партия младочехов характеризовала правительственный курс как направленный против «политических, национальных и социальных чаяний чешской программы». Поэтому она требовала на государственном уровне изменить несправедливый избирательный закон, ввести равноправие чешского и немецкого языков в Чешских землях в делопроизводстве и политическом управлении и т. д. Вместе с тем в пункте третьем второго раздела «О тактической линии» говорилось, что парламентская оппозиция при всей решительности и настойчивости должна быть «достойной и деловой и действовать в рамках чешской государственно-правовой программы»⁷.

Таким образом, положение младочехов как идеологов оппозиционного политике австрийского правительства движения оказало определяющее влияние на формирование их облика защитников справедливых интересов всех чехов. Однако им не удалось сохранить свой контроль над политическим развитием чешского общества. Изменение чешских политических структур проходило под воздействием быстро нарастающей политизации мелкобуржуазных слоев населения. Этот процесс сопровождался стихийным усилением социальных акцентов в общественно-политической практике различных политических сил. Однако далеко не всем чешским деятелям удалось конденсировать «витающие в воздухе» новые идеи в теоретические построения и программы.

Известно, что так называемое прогрессистское движение как мелкобуржуазное радикальное течение заявило о себе в конце 80-х годов. Организационно не выходя за рамки Национальной партии свободомыслящих, оно стало выразителем настроений мелкой буржуазии. Крайне разнородное по своей социальной основе и ориентации, прогрессистское движение не имело четкой, законченной идеологической концепции. На ее формирование оказали заметное влияние и чешские социалисты, и реалисты, и оппозиционное студенческое движение других славянских народов Цислейтании, особенно Галиции⁸.

С младочехами прогрессистов объединяла поддержка идеи чешского государственного исторического права. В этой связи надо заметить, что подобная позиция сторонников прогрессизма была внутренне противоречива, поскольку трактовка младочехов не предусматривала «такой же радикальной национальной программы» и для немцев, проживающих в Чешских землях, что придавало чешскому историческому праву «значительный элемент консервативности»⁹.

По мере нарастания несоответствия политической практики лидеров младочехов еще достаточно радикальным национальным требованиям все более очевидной становилась оппозиционность прогрессистов, которая вылилась в открытый раскол с младочехами в 1893 г.

В 1889 г. начал выходить новый журнал «Часопис чешского студентства» («Журнал чешского студенчества»), ставший теоретическим центром прогрессистского движения. Один из идеологов последнего — Ан. Гайн (1868 — 1949) поставил вопрос о соотношении национальной и социальной темы в общественном движении. Гайн не только констатировал несомненную актуальность этих направлений общественного развития, но и пришел к выводу об их взаимозависимости. По его справедливому утверждению, обострение национального вопроса в Чешских землях было обусловлено нарастанием социальных противоречий¹⁰. Тем не менее в программе прогрессистов приоритет был отдан национальному вопросу. Об этом свидетельствует специальная резолюция, предложенная чешской делегацией на съезде славянского прогрессивного студенчества Австро-Венгрии весной 1891 г., в которой говорилось о недопустимости решения социальных вопросов «в ущерб нашей национальной борьбе»¹¹. В то же время на съезде была подчеркнута необходимость борьбы за широкие демократические требования, прежде всего за достижение всеобщего избирательного права. Отчетливо определилась ориентация и на решение социальных проблем, включавших, согласно интерпретации прогрессистов, и рабочий вопрос¹².

Вместе с тем хотелось бы отметить, что прогрессисты не признавали классовой борьбы, и их деятельность была направлена на сглаживание социальных противоречий. Так, чешские участники съезда отклонили предложения польских и русинских делегатов выступить с научной критикой капиталистического способа производства, с требованиями уничтожения всех форм эксплуатации, изменения общественного строя, создания коллективной собственности на средства производства и др.¹³.

Последовательно защищая лозунг всеобщего избирательного права, равноправие женщин, чешские прогрессисты боролись за развитие чешской национальной культуры, просвещения, внимательно следили за подъемом рабочего движения. Так, их представители присутствовали на съездах чешской социал-демократии. Под влиянием социалистов реформистская направленность программы прогрессистов обретала более конкретные формы. Уже в программе 1892 г. были выдвинуты такие требования, как восьмичасовой рабочий день, равная плата за одинаковый труд, участие женщин во всех видах общественного производства, «не приносящего вреда нравственности и женскому организму», и др. Чешские прогрессисты выступали против эксплуатации «трудящегося народа», за улучшение его жизненных условий, условий труда.

По мере трансформации прогрессистского движения различия во взглядах отдельных его представителей становились все более

очевидными. К концу 90-х годов радикально-прогрессистское течение, руководимое Ан. Гайном, отделилось от радикально государственно-правового, стоявшего на платформе национализма. В своих требованиях радикальные прогрессисты приближались к программе-минимум австрийской социал-демократии. По сути, это была компромиссная концепция, рассматривавшая социальный вопрос с точки зрения гуманизма, общечеловеческих ценностей, отстаивавшая «экономическое возвышение широких слоев народа». Помимо признания чешского государственного исторического права, существенное отличие радикальных прогрессистов от социал-демократов, по признанию Ан. Гайна, состояло в отношении к классовой борьбе, так как его партия хотела «противоречия между трудом и капиталом разрешить мирным путем и постепенно». О программе-максимум социал-демократов как «неактуальной» на учредительном съезде партии в 1897 г. Гайн не считал нужным даже говорить. Как на съезде, так и в специальном социально-политическом разделе программы, принятой тогда же, говорилось о постепенном урегулировании противоречий, мирном соглашении между общественными классами и одновременно о «признании требованием времени социализации государства». Исходя из этих положений, радикальные прогрессисты выступили за введение всеобщего прогрессивного налога на доходы, упразднение косвенных налогов на все предметы первой необходимости, общедоступность врачебной помощи, экономическое равенство обоих полов, обязательное всеобщее страхование на случай старости, инвалидности и болезни и т. д.

Формулируя требования по законодательной охране рабочих, они отстаивали «как можно более значительное сокращение рабочего дня до такого минимума, который бы оставлял максимальное количество времени для физического и духовного отдыха, образования, культурного развлечения трудящихся». При этом прогрессисты принципиально отказались от требования социал-демократов о восьмичасовом рабочем дне, поскольку имелся целый ряд производств, где он, по их мнению, являлся «чрезмерным». Другие положения программы, такие, как введение минимальной заработной платы одинаковой для мужчин и женщин, запрещение труда женщин, наносящего вред их физическому и нравственному здоровью, безусловное запрещение детского труда и другие, почти полностью совпадали с основными экономическими требованиями австрийских социал-демократов. Как о серьезном отличии можно сказать о требованиях, касающихся сельского населения. Радикальные прогрессисты считали необходимым освободить от налога такое количество земли вместе с сельскохозяйственными орудиями, которое необходимо для обеспечения жизни крестьянской семьи, минимума ее существования. Речь шла также и об обязательности профессиональных организаций для крестьян¹⁴.

Как уже отмечалось, в осмыслении новых тенденций развития общества велико было значение чешской интеллигенции, которая играла в этом процессе двоякую роль: с одной стороны, работы ее отдельных представителей являлись реакцией на происходившие

в обществе изменения, а с другой — именно благодаря этим работам становились известны новые течения и направления общественной мысли, в частности теория социализма. В этой связи недооцененной, особенно в марксистской историографии, представляется деятельность чешского философа и социолога Т. Г. Масарика, профессора философии Карлова университета, известного в качестве лидера общественно-политического движения реалистов, из которого вышли или под влиянием которого находились в разное время многие видные чешские политические деятели: Й. Кайзл, К. Крамарж, В. Клофач (1868—1942), Фр. Соукуп (1871—1940), Антонин и Алоиз (1870—1953) Гайны. Так, например, один из лидеров чешской социал-демократии, в прошлом ученик Масарика — Фр. Модрачек (1871—1960) видел заслугу лидера реалистов именно в том, что «он способствовал лучшему ознакомлению чешской интеллигенции с социализмом, на который она до недавнего времени смотрела глазами ограниченного мелкого буржуа»¹⁵.

Важной составной частью общественно-политической концепции реалистов, которая начала складываться в конце 80-х годов, была разработка социального вопроса. Она началась с уяснения специфических черт чешской экономики. Так, в одной из ранних публикаций на эту тему в газете реалистов «Час» (начала выходить в конце 1886 г.) указывалось, что в чешском народном хозяйстве преобладают мелкие ремесленные предприятия и крестьянские хозяйства. Поэтому актуальным требованием социально-экономической политики реалисты считали обеспечение государственной поддержки мелкого и среднего предпринимательства¹⁶.

В целом в своей социальной концепции реалисты исходили из необходимости защищать интересы так называемого маленького человека — представителей низших и средних слоев общества. Однако, как справедливо отметил чешский историк Я. Опат, для реалистов, и в частности для Масарика, было характерно широкое понимание социального вопроса, частью которого они считали рабочий¹⁷.

Выделение рабочего вопроса как имеющего свою специфику обуславливалось размахом рабочего движения, ставшего в последней четверти XIX в. неоспоримо важным фактором общественного развития. В марксистской историографии, как уже отмечалось, утвердилось мнение о декларативности социальных лозунгов буржуазных партий. Так, например, чешский историк Ю. Кржижек считал, что Масарик пытался доказать отсутствие классовых противоречий, акцентируя внимание на борьбе с феодальными пережитками, и на этой основе идеологически подчинить буржуазии политическую организацию рабочего класса¹⁸. Однако анализ всего корпуса имеющихся источников, в частности взглядов реалистов, документов других политических партий и движений, свидетельствует о несомненной глубине проработки социального вопроса большинством буржуазных деятелей.

Так, например, реалисты уже в начале своего политического пути продемонстрировали понимание сложных центральных про-

цессов в обществе и, следовательно, неоднозначности социально-политических интересов представителей различных слоев чешской нации. В одной из статей «Часа», написанной в связи с приближавшимся празднованием 1 мая 1890 г., автор, по-видимому Масарик, признал «великой заслугой» социализма то, что рабочий класс поднялся на защиту своих интересов против класса предпринимателей. Однако, коснувшись теоретических основ социалистического учения, автор отметил, что «идея социалистической организации всего производства» далека от реальности и «неясна самим социалистам»¹⁹. Впоследствии реалисты не раз заявляли о своем согласии со «многими и главными» пунктами социалистической критики современного ведения хозяйства, особенно критики Маркса, подчеркивая вместе с тем свое неприятие марксистской концепции исторического развития и его философии²⁰.

Социально-экономические взгляды реалистов были впервые обобщены в Проекте народной программы (1890) — первом программном документе реалистов, ставшем платформой их объединения с младочехами в 1893 г. Социально-экономический блок Проекта содержал требования поддержки и защиты всех видов национального производства, особенно мелкого, с тем, чтобы повысить его конкурентоспособность на международном рынке. В связи с производственными вопросами предлагалось решать и социальные проблемы. Прежде всего, как было заявлено в Проекте, социальная политика должна идти навстречу стремлению чешского рабочего класса к социальной справедливости и мирной реформе общественного устройства²¹.

Наиболее полно социально-политическая концепция реализма была изложена Масариком в его книге «Социальный вопрос» (1898). Это исследование, по существу, представляет собой критический анализ философской, социалистической и исторической концепции марксизма с параллельным изложением собственного представления о перспективах решения социальных проблем²².

Социально-экономическую теорию К. Маркса Масарик считал односторонней, упрощающей полноту и многозначность исторических событий. (Например, интерпретацию Марксом Реформации в «Капитале» Масарик назвал историческим дальтонизмом.) Автор указал на неадекватность марксистского деления общества на классы постоянно усложняющимся социальным структурам. Проанализировав различное толкование в социалистической литературе понятий «коммунизм» и «социализм», Масарик для себя определил коммунизм как конечную форму централизации, а социализм как промежуточную форму организации общества, ядро которой находится не в производстве, а в сфере распределения, в связи с чем марксистами и выдвигался лозунг равенства. По мнению Масарика, абсолютного равенства людей не может быть, и цель социальной политики должна заключаться в защите интересов большинства населения в условиях объективно существующего неравенства.

В своей критике идей экономического равенства Масарик исходил из утилитарного отношения к собственности, считал и частную,

и общественную собственность лишь исторически переходными формами. Он выступил против жесткой централизации, присущей, по его мнению, экономической системе коммунизма, признав необходимость конкуренции. Важной, на наш взгляд, составной частью концепции Масарика являлось положение, что в целом невозможно обеспечить коренное преобразование общества лишь экономической реформой, без изменения «взглядов и нравов», для чего, по его убеждению, материализм Маркса явно недостаточен.

В политическом отношении Масарик считал Маркса романтиком, который именно в силу своего «романтического понимания труда» провозглашал политическую революцию. По мнению лидера чешских реалистов, такой романтизм должен уступить место реализму — мировоззрению, считавшему основой политического прогресса систематическую созидательную работу во всех областях жизни. В результате Масарик сделал вывод о научной и философской несостоятельности марксизма как теории социальных катастроф, разработанной Марксом и Энгельсом в середине XIX в. Лидер реалистов считал, что очевидной причиной современной ему ревизии марксизма последователями Маркса, например К. Каутским и Э. Бернштейном, является не их оппортунизм, а явное несоответствие марксистской теории современной политической практике. Однако это ни в коей мере, по мнению Масарика, не свидетельствовало о кризисе социализма, который представляет собой значительно более широкое явление, выходящее за рамки какой-либо одной теории.

Масарик противопоставил марксистской концепции социальных революций идею проведения глубоких социальных реформ, которые должны обеспечить право каждого на существование, установить прожиточный минимум, ограничить всевозможное ростовщичество и паразитизм, обеспечить развитие рабочего законодательства и ликвидацию безработицы. В целом Масарик связывал социальное переустройство общества с технологическим, политическим и общим прогрессом²³.

Реформистская модель общественного развития у Масарика чрезвычайно близка социал-реформистским взглядам своего времени, распространение которых являлось, по нашему мнению, закономерным этапом развития марксизма в рабочем движении.

В русле реформистских концепций развивалось и чешское социал-демократическое движение, которое Масарик считал единственным законным представителем интересов чешского рабочего класса. Следует отметить, что реалисты резко отрицательно отнеслись к образованию в мае 1898 г. самостоятельной партии так называемых национальных рабочих. «Час» писал о ней: «Внутренняя незрелость и при этом крикливость лозунгов говорят о том, что это движение возникло не из духовной потребности, а с прямо-таки дьявольским умыслом расколоть рабочих на две враждующие партии с тем, чтобы господствующие классы спокойно жили дальше»²⁴.

Эта характеристика вряд ли может претендовать на глубину

раскрытия такого феномена, как чешское национально-социальное, а также христианско-социальное движения, в условиях существования политически неполноправной чешской нации представлявшие собой попытку соединить в одном течении доминирующие тенденции развития — социальную и национальную, религиозную и национальную. Однако можно, вероятно, согласиться с тезисом о внутренней незрелости лозунгов национально-социальной партии: действительно, анализ ее программ показывает, что национальные социалисты, их лидер В. Клофач, никогда не поднялись до теоретического осмысления социального и рабочего вопросов. Вместе с тем представляется бесспорным, что именно стремление решить социальные проблемы «на национальной почве», а также активизация значительных слоев исповедующей национальную идеологию мелкой буржуазии стали причинами образования новой партии. С другой стороны, появление партий, подобных Чешской национально-социальной, отражало определенный этап в эволюции рабочего движения, развитие которого не могло быть искусственно связано лишь одной идеологической теорией.

Думается, следует присоединиться к мнению современных чешских историков, что партия чешских «национальных рабочих», исключившая из своей платформы «марксистские догматы интернационалистов», решительно выступила за социальные реформы²⁵. Первая программа партии была принята на учредительном съезде, состоявшемся 9—11 апреля 1898 г. Принципиальные дополнения были сформулированы на II съезде партии в 1900 г. На ее III съезде в 1902 г. была одобрена вторая, исправленная и дополненная программа, в которой, однако, именно социальный раздел сохранил первоначальные формулировки²⁶.

В общеполитической части программы национальные социалисты выступили за федерализацию Цислейтании, поддержали требование широкой автономии Чешских земель в исторических границах Чешского королевства, видели первоочередную задачу чешской политики в устранении бюрократического централизма, осуществлении полного равноправия с немцами. Национально-радикальные настроения этой партии проявились в требовании демократизации политического строя, в предоставлении широким слоям народа возможности участвовать в управлении общественными делами. Опираясь на исторические права чешской государственности, национальные социалисты поставили вопрос о суверенитете Чешского государства на основе широкой демократии. Вместе с тем необходимо отметить, что в их трактовке чешское государственное историческое право приобретало националистический оттенок по отношению к немецкому населению, проживавшему в Чешских землях²⁷.

Национальные социалисты в своих программах отстаивали введение «всех основных гражданских свобод», добивались реализации всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права во все законодательные органы, требовали демократизации конституционного устройства земель Чешского королевства, полной свободы союзов и собраний, передвижения, печати, вероисповедания,

создания условий для развития науки и искусства, бесплатного образования и т. д.

Лейтмотивом социального раздела программы было требование создать «наиболее благоприятные условия для материального и духовного благополучия рабочих и несостоятельных слоев народа в целом». Выделив специально рабочий вопрос, национальные социалисты считали возможным его разрешение «путем устранения многочисленных причин, его порождающих». Имелась в виду замена частнопредпринимательского производства, «поскольку оно вредно», трудовыми ассоциациями, производственными и потребительскими кооперативами. Весьма актуальными были требования об «охране рабочих» посредством введения системы законодательных мер: всеобщего страхования на случай потери трудоспособности и на случай болезни, поскольку, согласно законам 1883 и 1894 гг., оно распространялось не на все отрасли промышленности, а закон 1883 г. о страховании на случай болезни совсем не касался сельскохозяйственных рабочих.

Само собой разумеющимися были требования введения обязательного восьмичасового рабочего дня, установления минимума дневного заработка по отраслям, запрета работать в выходные дни и ночное время, детского и женского труда в отраслях, «вредных для физического и нравственного здоровья». Существенное значение придавалось организации профсоюзов, которые рассматривались «как наиболее действенное средство улучшения положения рабочих и несостоятельных слоев вообще». Социально ориентированная политика должна была предусмотреть «немедленную защиту для мелких предпринимателей», причем со стороны как законодательной, так и исполнительной власти. Партия же брала на себя обязательство «оказывать содействие этому сословию, его борьбе против крупного капитала»²⁸.

Значительное внимание было уделено сельскохозяйственному пролетариату, положению малоземельных. Помимо вполне понятных, конкретных и достижимых требований, таких, как установление твердого дневного заработка, полная отмена всех дискриминационных мер по отношению к челяди, учреждение на селе профессиональных организаций, национальные социалисты включили в программу и ряд других положений. К ним относились обязательное страхование крестьян и сельскохозяйственных рабочих, введение единого прогрессивного налога и другие. Весьма неопределенно было сформулировано и требование «обобществления земли».

Дальнейшее развитие движения реалистов шло по пути образования самостоятельной партии, учредительный съезд которой состоялся 30 марта—1 апреля 1900 г. На нем была принята и ее первая программа²⁹. В ее общеполитической части на первый план была выдвинута идея сочетания государственно-правовых требований и принципов естественного права, что должно было обеспечить чешским политикам союзников в лице других народов Австро-Венгрии в борьбе за ее федерализацию. Средством достижения этой

задачи реалисты считали демократизацию всех сфер жизни австрийского общества, первым этапом которой должно было стать введение всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Они также придавали большое значение обеспечению равноправия чехов и немцев, проживающих в Чешских землях.

Отдельный раздел программы составили социально-экономические вопросы. В нем реалисты обращали внимание прежде всего на два аспекта: экономико-политический и социально-политический. Если первый предполагал обоснование тезиса об экономическом развитии как главном условии достижения политической независимости, то второй нашел отражение в разработке конкретных мер реализации принципов социальной справедливости.

Главной задачей социально-экономической политики провозглашалось обеспечение экономического развития всей нации, а не только ее отдельных слоев. Отсюда вытекала социально-политическая установка реалистов, сформулированная ими еще в 90-х годах, на поддержку экономически слабого населения, особенно рабочих, с помощью справедливого социального законодательства и перераспределения национального дохода. Реалисты надеялись, что в результате этих мер будет приостановлена, а затем и прекращена экономическая эмиграция из Чешских земель. В области аграрных отношений предполагалось оказывать поддержку прежде всего среднему и мелкому крестьянству. Программа содержала также положение о выкупе земель латифундистов и их внутренней колонизации в интересах малоимущего крестьянства. На сельскохозяйственных рабочих следовало распространить социальную защиту, которой пользовались промышленные рабочие.

В рабочем вопросе реалисты видели свою задачу в обеспечении законодательной охраны труда от экономического превосходства капитала. Особое внимание при этом уделялось такой части социально-политического законодательства, как страхование. Вопрос о бедности в программе справедливо рассматривался как часть социального вопроса. В качестве средств его решения предлагалось продолжить разработку системы страхования, а также поддержать идею рациональной организации частной благотворительности.

В определении финансовой политики предполагалось руководствоваться прежде всего не фискальными соображениями, а социально-политическими с тем, чтобы путем перераспределения общественных средств были смягчены социальные контрасты. Основные положения социально-экономической программы реалистов 1900 г. были воспроизведены впоследствии в документах 1906 и 1912 гг. Чешской народной партии³⁰. Реалисты решительно отказались от либеральной экономической концепции, которой долгое время руководствовалось правительство, и выступили за усиление роли государства в экономике и прежде всего в социальной сфере. Особо оговаривалось в программе значение органов общественного самоуправления (земства, общины, общественные организации). Необходимо подчеркнуть, что реалисты выступали за огосударствление при определенных условиях важнейших частных предприятий,

таких, как горная промышленность, банки, транспорт и т. д., или хотя бы обеспечение на них преобладающего государственного влияния³¹. Отдавая должное широте подхода реалистов к социально-экономическим проблемам, следует тем не менее отметить отсутствие четкой социальной ориентированности этой части программы, что особенно заметно при ее сравнении с программами партий, строившихся по сословно-классовому принципу.

Важнейшим фактором социально-политического развития чешского общества на рубеже столетий стала партийно-политическая дифференциация городской и сельской буржуазии. Начавшаяся в конце 80-х годов длительная и упорная борьба представителей политических течений, выражавших интересы сельского населения, с младочехами за создание самостоятельной политической аграрной организации к концу столетия увенчалась успехом. 6 января 1899 г. была образована Чешская аграрная партия. В первой программе партии, принятой в 1903 г., декларировался сословный принцип организации аграриев, которая опиралась «на всех землевладельцев чешской национальности независимо от их общественного положения и имущественного состояния». Партия поставила своей целью защиту политических и экономических интересов сельского сословия, которые полностью совпадали, по мнению аграриев, с общенациональными. Аграрии сознательно отказались от использования радикальных и революционных методов борьбы за политические цели, полностью полагаясь на «здоровый врожденный консерватизм крестьянства»³². Они выступали против экономического либерализма и свободной конкуренции, проповедовавшихся младочехами — в этот период партией промышленной и финансовой буржуазии. В отличие от национальных социалистов и реалистов аграрии ориентировались главным образом на состоятельные слои чешской деревни. Этим определялось и их отношение к лозунгу введения всеобщего избирательного права. Они высказывались за расширение избирательного права, но против его всеобщности. В их программе 1903 г. это объяснялось стремлением привести в соответствие права граждан степени их труда и количеству имущества³³, что явно говорит о желании защитить интересы прежде всего сельской буржуазии. Лишь в 1905 г. в результате широкого движения за избирательную реформу аграрии пришли к признанию этого требования в полном объеме, что, вероятно, можно объяснить стремлением не допустить сужения своей социальной базы в результате отказа от популярного в народе лозунга³⁴.

Сознательно отдавая приоритет среднему слою землевладельцев, даже «в ущерб другим слоям земледельческого населения или остальным сословиям вообще», аграрная партия призывала мелкое крестьянство, халупников и домкаржей «забыть старые обиды», «отказаться от бесполезных конфликтов и сообща работать над оздоровлением отношений в деревне». Классовая борьба рассматривалась как явное противоречие демократии. В таком контексте сельскому пролетариату предлагалось опереться на прогрессивных сельских собственников, которые «не допустят, чтобы трудовой люд стал

жертвой кого-либо или чего-либо»³⁵. Аграрии были последовательными сторонниками реформ, посредством которых рассчитывали на создание общества с относительно равномерно распределенной собственностью. В связи с этим решительно выступали против роста за счет среднего сословия помещичьих землевладений, неоправданных привилегий крупных землевладельцев, хотя и призывали последних стать «ревностными представителями земледелия, зачинателями его прогресса». Вместе с тем необходимо помнить, что аграрии активно выступали против введения государственной собственности на землю, поскольку рассматривали такой шаг как прямой путь превращения крестьян в наемных рабочих. Крайне опасались они и широких социальных реформ, преследующих цель «оказать помощь пролетаризованному слою земледельцев», но распространявшихся на все общество и затрагивающих основы государства. Для аграриев интерес представляло лишь «правое крыло» сельскохозяйственных рабочих, т. е. те из них, которые не «пытались решить свои проблемы за счет среднего сословия земледельцев». В то же время они требовали от сельских общин проведения социальной политики в духе времени, настаивали на «использовании всех возможностей, которые бы могли привязать сельскохозяйственный пролетариат к деревне». В этой связи они предлагали ряд мер, таких, как сокращение воинской повинности до двух лет, участие в обществах взаимного кредитования типа Райффайсена, запрещение тяжелого детского труда, обеспечение дешевой врачебной помощи, всестороннее обеспечение рабочих по старости, инвалидности, в случае увечья, свобода союзов и другие. Вместе с тем аграрии отстаивали пропорциональное избирательное право, допускали лишь соразмерное участие сельскохозяйственных рабочих в самоуправлении общин, т. е. до конца не могли отказаться от ограничительного принципа. Однако, по сути, программа аграриев была направлена на действительное улучшение жизни беднейших слоев сельского населения.

В специально выделенном разделе «Социальная программа» аграрная партия заявляла о своей приверженности идеалам справедливости и гуманизма. В этом контексте она поставила проблему бедности, сиротства, предложив свои пути оказания конкретной помощи всем нуждающимся (речь шла об учреждении специальных попечительских фондов, сиротских советов и т. д.), но не вдаваясь вместе с тем в анализ социальных истоков этих явлений.

Достичь осуществления своей социальной программы аграрии рассчитывали с помощью расширения прав местного самоуправления, в частности передачи ему дел, входящих в компетенцию судов нижней инстанции, а также касающихся экономических взаимоотношений в деревне, путем ограничения бюрократизма, упрощения управленческих структур, создания системы доступного правосудия и т. д.³⁶

Таким образом, аграрии, так же как и другие партии, увязывали социальный прогресс с общим движением за демократизацию общественной жизни, с конкретной программой перехода к широкому самоуправлению, требованием перестройки механизма власти.

Если попытаться обобщить основные положения программ чешских буржуазных политических партий и работ их лидеров, вышедших в конце XIX в., то, несмотря на очевидные различия в определении подходов к решению конкретных задач национального развития, можно выделить ряд общих принципов их политической деятельности. Это, в частности, сохранение Чешских земель в составе Австро-Венгрии, приспособление государственно-правовых требований к потребностям современного развития, федерализации государства, обеспечивавшая ограниченный суверенитет чехов в рамках монархии Габсбургов. Очевидно, что реформистский путь преобразований в сторону федерализма был характерен для всех группировок чешской буржуазии.

Практически все политические партии предлагали свои рецепты решения социальных проблем. В целом их программы можно рассматривать как различные (по степени радикальности, формам и методам) варианты концепции социального реформизма. Анализ документов позволяет утверждать, что ее основным компонентом, общим для политических группировок различного толка, являлось признание приоритетности эволюционного способа развития чешской нации, неотъемлемой частью которой считался рабочий класс.

Природа социал-реформизма конца XIX — начала XX в. определялась характером всего общественно-политического развития Австро-Венгрии, доминантой которого, бесспорно, оставался национальный вопрос. Его обострение пробуждало каждую из политических группировок к выработке более гибкой тактики не только по отношению к потенциальным сторонникам, но и одновременно к противникам. Не менее актуальной была и проблема расширения социальной базы каждого из течений. В этом контексте более широкая постановка социального вопроса была одним из надежных инструментов укрепления политического авторитета. Вместе с тем такие программные формулировки, как необходимость социальной ориентации всей государственной политики, создание условий для функционирования общества равных возможностей, говорят об осознании ведущими чешскими политиками основных тенденций развития общества. Нельзя не отметить также сходства позиций партий, представляющих близкие по социальному положению категории населения. Так, например, группировки, ориентировавшиеся на мелкую и среднюю буржуазию, особенно оговаривали в своих программах необходимость развития общественных форм собственности, кооперативов, ассоциаций, а реалисты, кроме того, как уже отмечалось, выступали за усиление роли государства в экономике, огосударствление отдельных отраслей производства.

В политической сфере концепция социальных реформ предусматривала функционирование различных политических образований, действующих в рамках парламентской системы. Все партии пытались отразить в своих программах интересы нации в целом, хотя иногда под нацией понималось одно, хотя и преобладающее сословие, как это было, например, у аграриев. Понимание сложности

центробежных процессов в обществе обуславливало стремление практически всех партий соединить в своей деятельности задачи национального и социального развития чешской нации. Социальный реформизм чешских буржуазных политических партий укладывается в рамки общеполитической концепции, направленной на достижение равноправия чехов с немцами в пределах Цислейтании. Основная идея социального реформизма — последовательными реформами способствовать более гармоничному развитию общества — была взята на вооружение в конце XIX—начале XX в. не только буржуазными, но и рабочими партиями. Широкое распространение реформистских теорий на рубеже веков говорит о необычайном социальном потенциале идей реформизма, наиболее адекватно отражающего, на наш взгляд, ведущие объективные тенденции развития общества. В этой связи представляется необходимым поднять вопрос о выработке новых подходов к оценке реформистских общественных концепций, что, очевидно, должно сопровождаться отказом от ограниченно-классового анализа их содержания. Такая постановка проблемы откроет, как нам кажется, широкие перспективы в изучении социально-политической истории.

¹ *Braf A. Život a dílo. Pr., 1922—1924. D. I—V.*

² *Славянские известия. 1889. № 26. С. 647—650.*

³ *Srb A. Šedesat let politického zápasu o práva národa českého, 1848—1908. Pr., 1908. S. 168; Русские ведомости. 1889. 4 сент.*

⁴ См., например: *Vojtěch T. Mladočeši a boj o politickou moc v Čechách. Pr., 1980. S. 91—96; Urban O. Završení procesu zformování buržoázie a její sociální diferenciacie // Struktura společnosti na území Československa a Polska v XIX. století do r. 1918. Pr., 1988. S. 133—150.*

⁵ *История XIX в., конец века. М., 1939. Т. 7. С. 184; Русские ведомости. 1889. 23 июня; Московские ведомости. 1889. 28 июня.*

⁶ *Čas. 1894. 21. VII.*

⁷ *Ibid.*

⁸ *Havránek J. Počátky a kořeny pokrokového hnutí studentského na počátku devadesátých let XIX. století // Historia Universitatis Carolinae Pragensis. Pr., 1961. D. 2; Idem. Boj za všeobecné, přímé a rovné hlasovací právo r. 1893. Pr., 1964; Šťastný V. Počátky tzv. pokrokového hnutí slovanských národů habsburské monarchie v 80. a 90. letech XIX. století // Slovanský přehled, 1977. S. 143—161; Idem. Ideový vývoj radikálních maloburžoazních proudů českého národního hnutí v 90. letech XIX. století // Идејна а политичка кретања код југословенских народа, чега и словака у другој половини XIX в. Београд, 1987. С. 155—156.*

⁹ *Čas. 1892. 24. XII.*

¹⁰ *Program pokrokového studentstva slovanského z Rakousko-Uherska. Pr., 1891.*

¹¹ *Hajn A. Výbor z prací, 1889—1909. Pr., 1912. D. 1: Pokrokové hnutí let devadesátých: Sociální otázka studentská, č. I. S. 187.*

¹² *Ibid. S. 181—182, 188.*

¹³ *Šťastný V. Ideový vývoj... S. 159.*

¹⁴ *Program a úkoly strany radikálně pokrokové. Pr., 1987. S. 11—13, 18—19.*

¹⁵ *T. G. Masarykovi k 60. narozeninám. Pr., 1930. S. 308; Urban O. Kapitalismus a česká společnost v XIX století. Pr., 1978. S. 271.*

¹⁶ *Čas. 1887. 20. VI.*

¹⁷ *Opat J. Filosof a politik T. G. Masaryk, 1882—1893. Pr., 1987. S. 402.*

¹⁸ *Křížek J. Masaryk a česká politika: Politické vystoupení českých realistů v letech 1887—1893. Pr., 1959. S. 166.*

- ¹⁹ Čas. 1890. 26.IV.
- ²⁰ Ibid. 1893. 22.IV.
- ²¹ Ibid. 1890. 1.II.
- ²² Masaryk T. G. Otázka sociální. SV. I, II // Masaryk T. G. Spisy. Pr., 1936. Kn. 6.
- ²³ Ibid. S. 291.
- ²⁴ Čas. 1898. 1.V.
- ²⁵ Havlasová M. Vznik, počátky a profil národně sociální strany // K dějinám českých politických stran v druhé polovině XIX a začátkem XX století. Pr., 1984. S. 103—106.
- ²⁶ Program české strany národně-sociální upravený a doplněný na pražském sjezdu strany dne 28 září 1902. Pr., 1902.
- ²⁷ Ненашева З. С. Проблема государственности в чешской общественной мысли накануне первой мировой войны // К семидесятилетию образования самостоятельных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 1988. С. 100—102.
- ²⁸ Program české strany národně-sociální... S. 1—14.
- ²⁹ Program české strany lidové. Pr., 1900.
- ³⁰ Program a organizační statut české strany pokrokové. Pr., S. a. (1906); Program české strany pokrokové. Pr., 1912.
- ³¹ Program české strany lidové. S. 41.
- ³² Program české strany agrární. Pr., 1903. S. 24—25.
- ³³ Ibid. S. 30.
- ³⁴ Матвеев Г. Ф. Формирование идеологии чешских аграриев // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1989. № 5. С. 48.
- ³⁵ Program české strany agrární. S. 35—38.
- ³⁶ Ibid. S. 26—27, 36, 63—65.

«НОВЫЙ КУРС»: РЕФОРМА ГОСУДАРСТВА ГАБСБУРГОВ ИЛИ ШАГ К «НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЮЖНОГО СЛАВЯНСТВА»?

С. А. Романенко

Одной из важнейших проблем превращения средневековой империи в современное многонациональное государство было перераспределение политической власти между социально-политическими силами и этническими группами, иначе говоря — изменение политической системы и национально-государственного устройства. В условиях нараставшей в начале XX в. тенденции этнических общностей к политическому самоопределению монархия Габсбургов вынуждена была балансировать между центробежной и центроостремительными тенденциями, внутри- и межэтнической интеграцией¹.

По традиции распад единого многонационального государства в Центральной Европе воспринимался как историческая неизбежность, как результат, фатально предопределенный самой сутью «эксплуататорского строя», не способного решить национальный вопрос.

На наш взгляд, существовало несколько вариантов развития. Можно легко составить соответствующие комбинации: монархия или республика; авторитаризм или демократия; федерация или конфедерация; этнический, территориальный или этнотерриториальный принцип строения государства; сохранение целостности, отделение некоторых народов или полный распад многонациональной империи.

При анализе возможных альтернатив необходимо, во-первых, в каждом случае четко определить, о чем идет речь — о государстве Габсбургов, монархии, Австро-Венгрии или о едином многонациональном государстве. Во-вторых, понятие «политическое самоопределение» нельзя сводить лишь к созданию независимого национального государства, сужая тем самым термин «политический» до значения «государственный». В этой связи особого внимания заслуживает история двух попыток проведения реформ, предпринятых в 1906—1907 и 1910 гг. национально-либеральными деятелями хорватов и сербов монархии Габсбургов. В 1905 г. они, объединившись на принципах «нового курса», создали Хорватско-сербскую коалицию. Образование этой организации отражало процесс создания национальных политических систем у обоих народов. Это, в свою очередь, было составной частью политического самоопределения.

Первая попытка относится к моменту, когда на выборах в «общий» парламент Венгрии и в автономный сабор Хорватии оппозиция получила большинство². Коалиция, пытаясь опереться

на венгерских национал-либералов, стремилась добиться и изменения статуса Хорватии в системе дуализма, и демократизации внутривластной системы в рамках автономии.

Вторая попытка произошла в 1910 г. в условиях стабилизации дуалистического государства, после аннексии Боснии и Герцеговины. На этот раз партнерами Коалиции по переговорам были венгерские и хорватские консерваторы, вновь занявшие сильные позиции после кризиса 1903—1907 гг.

Анализ событий показывает, что по мере превращения средневековых монархий с полиэтническим составом населения в современные национальные государства особо важное значение приобретали проблемы изменения роли и значения автономий и правовой статус национальных меньшинств в их границах. В Австро-Венгрии вопрос об автономии был теснейшим образом переплетен с общими принципами национально-государственного устройства, с вопросом о существовании самой монархии как единого многонационального государства. Любое изменение в статусе, правах или компетенции автономии Хорватии и Славонии неизбежно нарушило бы хрупкий баланс сил и интересов, установленный дуалистической системой в 1867—1868 гг.

Если рассматривать автономию как внутреннюю проблему многонационального государства, то следует проанализировать ее как форму политического самоопределения этнической общности в переходный период от средневекового общества к индустриальному, оценить, какая из заложенных в ней тенденций преобладает в данный исторический момент — к сохранению или к распаду государства, выявить соотношение политических центробежных и центростремительных тенденций, внутри- и межетнических интеграционных процессов и, исходя из этого, рассмотреть возможность альтернативного развития. Превращение автономии, основанной на феодальном политико-территориальном принципе, в этно-территориальную, политическую по мере развития этнических общностей приводит к изменению ее сущности. Она начинает рассматриваться как особое национально-государственное образование в границах единого многонационального государства. Это неизбежно приводит к ее столкновению с общеимперской государственной идеей и законами, ставит вопрос о политическом самоопределении выполнявшей государствообразующую функцию этнической общности. Если раньше автономия рассматривалась как гарант целостности многонационального государства — из военно-стратегических соображений или как способ поддержания равновесия в сложной многонациональной политической структуре и уступка национальному движению, как автономия Хорватии и Славонии, — то по мере усиления процесса политического самоопределения неполноправных народов она становится, с точки зрения центральных властей, дезинтегрирующим фактором. Они встают перед дилеммой — сохранять или не сохранять целостность государства, и если сохранять, то как: централистскими мерами или путем децентрализации национально-государственного устройства, федерализации, конфе-

дерализации, повышения статуса автономии и т. д. У неполноправной нации другой выбор: оставаться или не оставаться в составе многонационального государства, соглашаться или не соглашаться на усеченные — в любом случае — суверенитет и государственность. Перед ней встает немаловажная проблема: как будут строиться взаимоотношения с национальными меньшинствами в рамках автономии, в том числе и с меньшинствами государствообразующей в масштабах всей империи нации. И тут возникают вопросы, ответ на которые ищут до сих пор, — может ли этническая общность быть субъектом государственного права, как увязать общедемократические принципы и права национальных меньшинств.

Сравнительный анализ программ различных политических партий и течений хорватов и сербов, проживавших в монархии Габсбургов в последний период ее существования, показал, что стремление к самоопределению соседствовало в их сознании с чувством принадлежности к более широкой и сильной общности — сообществу славянских народов. «Славянский компонент» содержал в себе несколько элементов, в том числе австрославистский и югославистский, во многом противоречившие друг другу.

Австрославистский элемент представлял из себя осознание общности интересов всех славянских народов, проживающих в Австро-Венгрии. Он опирался на противопоставление славян всем остальным народам этого государства. В его основе лежало чисто этническое родство, близость языков, культур. Но при этом в начале XX в. австрослависты, безусловно, признавали этническую индивидуальность каждого народа, его право на суверенитет, не считали австрославистскую полиэтническую общность субъектом государственного права монархии. Чуждо им было и отождествление этнической, политической, социальной и территориальной общностей. В начале XX в. главными чертами австрославизма было признание необходимости сохранения существующего государства как гарантии национального существования славянских народов, расширения культурных и экономических связей славянских народов друг с другом. Австрославистские идеи совпадали по направленности с интеграционными процессами во всем государстве, поскольку признавали возможность завершения этнообразующих процессов и самоопределения наций без разрушения монархии. Совпадал австрославизм и с социальной тенденцией постепенного преобразования государства.

Основой югославизма было близкое этническое родство. Его идеи проявлялись в основном в исторической, государственно-правовой, политической, культурной формах сознания. Сложнее говорить о лингвистическом сознании, поскольку, несмотря на наличие общих принципов грамматики и во многом общий словарный запас, в конце XIX—начале XX в. было достаточно распространено отождествление названия языка лишь со своим этнонимом. На наш взгляд, югославизм в основном существовал как политическое течение на уровне идеологии, не имея глубоких корней в психологии каждого народа. Югославизму во всех его формах были присущи

отрицание политической индивидуальности этнической общности, отказ от права на самоопределение, стремление представить полиэтническую общность как одну нацию и единый субъект государственного права. В сочетании с отождествлением этнической, политической, социальной и территориальной общностей это вело лишь к столкновению между народами, никак не способствовало разрешению национальных проблем, не могло быть действительной альтернативой многонациональной монархии Габсбургов. Югославизм, не дававший возможности самоопределения, противоречил внутри- и межэтническим интеграционным процессам, стимулировал дезинтеграционные тенденции в политике и деструктивные — в социальной жизни. Национальное единство нескольких народов оказалось такой же опасной иллюзией, как и идея социально однородного общества.

Наиболее последовательно и всесторонне принципы «нового курса» были сформулированы в принятых в октябре 1905 г. соответственно хорватскими и сербскими политиками Риекской (3 октября 1905 г.) и Задарской (17 октября 1905 г.) резолюциях. Авторы, исходя из государственного-правового положения и исторических судеб хорватов и сербов, четко сформулировали принцип самоопределения своих наций. Хорватские либералы подразумевали под этим «право каждой нации свободно и независимо определять условия своего существования и решать свою судьбу»³. В конкретных исторических условиях они имели в виду частичное политическое объединение этнических хорватских территорий в границах монархии в соответствии с соглашением 1868 г. -- присоединение Далмации к Хорватии и Славонии, а также введение на этих территориях демократических политических прав и свобод в полном объеме. Основываясь на принципе самоопределения, хорватские политики заявляли о поддержке борьбы венгерской буржуазной оппозиции за «обретение Королевством Венгрия полной государственной независимости». Это не означало требования его отделения от монархии и создания независимого государства, ибо венгерские оппозиционные партии, победившие на выборах в сейм в 1905 и 1906 гг., выдвинули требование пересмотра существовавшей системы и установления персональной унии. Хорватские либералы добивались не только соблюдения соглашения 1868 г., но и «изменения отношений, относящихся к области общих дел у Хорватии как с Венгрией, так и с западной половиной монархии». По их мнению, это могло привести к реализации права хорватов на самоопределение в границах государства Габсбургов, под которым они понимали «самостоятельное культурное, политическое и хозяйственное развитие». Хорватские либералы считали, что право на самоопределение можно осуществить и в границах монархии. Важное место занимало и требование расширения автономии Хорватии в рамках Венгрии как необходимого следствия достижения последней независимости. В Риекской резолюции содержалось близкое к программе 1894 г. требование об «изменении круга дел, являющихся общими для Хорватии и для Венгрии». Вместе с тем, выступая за самоопределение «своей» нации,

хорватские либералы ни словом не обмолвились о предоставлении такого же права другим угнетенным народам монархии.

Сербские представители, в свою очередь, высказались в поддержку «стремления каждой нации самой определять свое бытие и решать свою судьбу»⁴. В отличие от авторов Риекской резолюции они полагали, что «обретение Венгрией государственной самостоятельности в полном объеме» сделает возможным соглашение мадьярской нации с невенгерскими народами королевства, в первую очередь с сербами. Это должно было привести к реализации права на самоопределение. Задарская резолюция также обуславливала поддержку требований хорватского национального движения признанием с его стороны равноправия хорватов и сербов.

В октябре—декабре 1905 г. на принципах этих резолюций образовалась Хорватско-сербская коалиция (ХСК), в которую вошли признавшие «новый курс» политические партии Хорватии: Хорватская партия права (ХПП), Хорватская народная прогрессистская партия (ХНПП), организация оппозиционной хорватской буржуазии Славонии, Сербская национальная партия независимости (СНПН), а также временно Сербская национальная радикальная партия (СНРП), которая вышла из ХСК в августе 1907 г., Социал-демократическая партия Хорватии и Славонии (вышла из ХСК в апреле 1906 г.).

В первом документе Коалиции — предвыборном воззвании от 12 декабря 1905 г. — была продолжена разработка принципа самоопределения наций применительно к специфическим условиям Хорватии—Славонии. Авторы воззвания подчеркивали, что «дуалистическое устройство монархии, основанное на привилегиях одних и угнетении других наций и классов, шатается в самом своем основании»⁵. Восставая против «данного государственного объединения», руководители коалиционных партий требовали «конституционной свободы, основанной на равноправии и равенстве». «Право на национальное самоопределение», наряду с «правом самых широких слоев народа» решением хорватско-сербского спора, было названо «одним из условий нормального развития национальной жизни». Право нации на самоопределение рассматривалось в неразрывной связи с социальным моментом. Хорватские и сербские либералы признавали, что общество и нация разделены на различные классы или слои, каждый из которых мог иметь свои собственные интересы. Борьба за право нации на самоопределение увязывалась с борьбой за права угнетенного, политически неполноправного народа — трудящихся слоев.

Признание хорватов и сербов «одной нацией с двумя наименованиями» давало возможность в завуалированной форме поставить вопрос о праве на самоопределение сербской нации в рамках как монархии в целом, так и Венгерского королевства. Кроме того, это позволяло рассматривать все население Хорватии—Славонии как единый в национально-политическом отношении субъект государственного права, что усиливало позиции национальных движений в борьбе за реформы.

Впоследствии на съездах Хорватской народной прогрессистской партии (3—4 июня 1906 г.) и Хорватской партии права (22 августа 1907 г.) выявились расхождения между левым и правым течениями хорватского либерализма в вопросе о национальном самоопределении. ХНПП, выражавшая интересы и настроения интеллигенции, студенчества, части средней и мелкой буржуазии, была более последовательна. Исходя из принципа, что «нация является источником всех прав в государстве», прогрессисты отстаивали право «каждой нации объединяться и управлять своей судьбой в собственном государстве»⁶. Хотя на практике они никогда не выходили за рамки традиционных требований хорватского национального движения и не ставили вопрос о создании полностью независимого национального государства, такая формулировка допускала подобную возможность. ХПП ставила вопрос о реализации права на самоопределение хорватской нации только в границах монархии. Хотя ее идеологи и провозглашали, что «государственная власть проистекает из суверенного права нации», они считали возможным политическое объединение хорватских этнических территорий под скипетром монарха из дома Габсбургов, который одновременно являлся бы и королем Хорватии по историческому праву и Хорватской прагматической санкции⁷.

Идеологи коалиции стремились найти объяснение характера складывавшейся своеобразной экономической, политической и социальной общности хорватов и сербов, что имело большое значение для дальнейшей разработки буржуазного государственного права. «Хорваты и сербы — это одна нация с двумя национальными наименованиями», — считали прогрессисты⁸. Сходной позиции придерживалась и Партия права, в программе которой «братьями» названы также и словенцы. ХПП призывала «хранить соглашение, согласие и взаимность с нашими единокровными братьями — сербами, с убеждением, что они будут прогрессировать в своем политическом и материальном развитии, а также в стремлении к государственной самостоятельности и независимости королевства Хорватии»⁹. В то же время хорватские политики отрицательно относились к попыткам сербских независимцев провозгласить равноправие «хорватского и сербского языков», а также знамен и других атрибутов, присущих только политической нации. Представления о том, что в государстве может быть одна политическая нация — субъект государственного права, — остались неизменными. Несмотря на довольно тесное и долговременное сотрудничество хорватской и сербской буржуазии, между ними не затихала борьба за преобладание в политических учреждениях Хорватии. Официальная формула, принятая в 1907 г. сабором Хорватии-Славонии, гласила, что нация в Хорватии едина, «будь то хорваты или сербы»¹⁰. Теория единой нации позволяла достичь временного компромисса между национально-либеральными течениями в национальных движениях обоих народов, фактически включая сербов в хорватскую политическую нацию, но не признавая за ними политической индивидуальности при частичном признании индивидуальности этнической.

Особое значение приобретали в глазах хорватских и сербских либералов участие государства в регулировании социальных отношений. Это осложнялось тем, что для буржуазии югославянских народов монархия не стала «своим» государством ни в социальном, ни в национальном отношении. Оппозиция стремилась приобрести больший вес в автономных учреждениях и аппарате местной исполнительной власти с тем, чтобы иметь возможность самой улаживать классовые конфликты.

Авторы программ либеральных партий уже не придерживались распространенных во второй половине XIX в. взглядов об абсолютном невмешательстве государства в сферу экономики и социальных отношений. Они уже были анахронизмом. Национальная буржуазия нуждалась в протекционистских мерах для нормального экономического развития. Либералы требовали от монархии защитительных мер для национальной промышленности, торговли, инвестиций, проведения благоприятной таможенной и тарифной политики, законодательного решения социальных проблем, например воспрепятствования разорению крестьян и прекращения экономической эмиграции. Вместе с тем они полагали, что «поддержка и забота со стороны государства о хозяйственных и социальных интересах нации» — не главный, а косвенный фактор ее развития. Первейшим же условием для «обеспечения здоровой и счастливой жизни» они считали «деятельность сословных и профессиональных объединений, охватывающих людей в единое целое для взаимной поддержки, помощи и защиты». На увеличение участия национальной буржуазии в управлении экономикой было направлено и требование создания так называемых промышленных судов и палат. Хорватская буржуазия, подобно венгерской, большое значение придавала не представительным учреждениям, а исполнительной власти. В первых из них ее представители могли пользоваться лишь правом совещательного голоса, а органы исполнительной власти, учитывая их интересы и пожелания, должны были регулировать распределение между ними национального продукта. Эта схема соответствовала общей линии хорватской и сербской буржуазии на компромисс с монархией и перестройку государственной системы эволюционным путем и политическим традициям государства Габсбургов.

В программах политических партий нашла свое отражение и проблема формирования национального государственного аппарата. «Чиновники... — говорилось в программе ХПП, — должны служить королю по предписанию конституционных законов и в соответствии с правильно понятыми интересами нации»¹¹. При этом обращалось внимание не только на необходимость согласия «нации» и монарха, но и на то обстоятельство, что в соответствии с соглашением 1868 г. на территории Хорватии чиновники должны были назначаться из представителей местного населения, т. е. «хорватов». Этот принцип неоднократно нарушался, и оппозиционные партии требовали его соблюдения.

Подобно коалиции венгерских оппозиционных партий, ХПП выдвинула собственную «военную программу». В частности, она

включала требование размещения хорватских полков на территории Хорватии, использование хорватского языка в качестве командного, языка обучения и военного судопроизводства. Партия требовала также, чтобы в хорватских частях могли нести службу только хорватские офицеры. Выполнение этой программы фактически означало бы крупный шаг в формировании национальной армии, хотя эти части продолжали бы оставаться в рамках общеимперской армии¹².

Оппозиционные партии требовали предоставления автономии жупаниям, округам и общинам. Это неизбежно привело бы к ослаблению власти инациональных правящих кругов и обеспечило бы национальной буржуазии больший доступ к власти, дало бы возможность определять экономическую и финансовую политику на местах¹³.

Программы партий пронизаны идеей о согласии нации и короны, исполнительной и законодательной власти, что отражало стремление национальной буржуазии к компромиссу. И исполнительная, и законодательная власть, и король должны действовать с учетом интересов нации. Этого можно было достичь реформой избирательного права — введением полного, всеобщего, тайного и равного голосования на выборах во все представительные учреждения от сабора до органов общинного самоуправления¹⁴. Но действительное введение всеобщего избирательного права не было в интересах хорватской и сербской оппозиции¹⁵.

Существенные изменения произошли и в политике сербских либералов.

В конце 1902 г. на съезде Сербской национальной партии независимости была пересмотрена и дополнена программа 1887 г. Сохранив свое требование о расширении автономии Хорватии-Славонии путем ревизии соглашения 1868 г. и признавая идентичность интересов хорватской и сербской наций по отношению к Венгрии «в области общественной, культурной и гуманитарной», СНПН выдвинула требование о предоставлении Хорватии автономии в области финансов, что сблизило ее с хорватскими оппозиционными силами, в особенности с продолжателями политики Хорватской национальной независимой партии¹⁶.

Была значительно усилена политическая направленность национальных требований сербского народа. Подтвердив положения об идентичности интересов сербов и хорватов по отношению к Венгрии и защите «национальной индивидуальности» сербов, так называемого равноправия языков, католической и православной религии (термин «православная церковь» был заменен на «сербская православная церковь»), СНПН требовала узаконить и использование сербского знамени в качестве «символа сербской национальности». По соглашению 1868 г. только хорватская политическая нация имела свой флаг. СНПН высказалась также за равноправное употребление сербского и хорватского языков в общих учреждениях на территории Хорватии-Славонии. Политическую окраску имело и требование оказания «экономическим учреждениям сербской

нации такой же законной помощи, как и государственным», т. е. хорватским¹⁷.

Все это тесно увязывалось с принципиальной позицией сербского национального движения, требовавшего в качестве одного из существеннейших моментов права на самоопределение своей нации установления ее юридического и политического равноправия с хорватской нацией. Сербские «независимцы», исходя из тезиса о равноправии сербов и хорватов, «защищали и представляли сербскую национальную индивидуальность и право сербской нации как таковой на автономию сербской православной церкви и школы на основании исторического принципа с получением права... на официальное представительство, управление и верховный надзор единственно со стороны короны»¹⁸. Под «историческим принципом» в данном случае понимались светские политические права, которыми обладала сербская православная митрополия и которые она утратила в конце XVIII в.

Уход в 1903 г. с поста бана К. Куена-Хедервари и назначение Т. Пеячевича, обострение отношений между правящими кругами Австрии и Венгрии создали принципиально новую ситуацию. В результате выборов в сабор 3—5 мая 1906 г. (на них впервые чиновникам было позволено голосовать в соответствии со своими убеждениями) Коалиция добилась относительного большинства — 31 мандат. 23 из них принадлежали партии права, шесть — сербам-«независимцам» и два — сербским радикалам¹⁹. Впоследствии в результате перевыборов и дополнительных выборов Коалиция увеличила свое представительство. В частности, два места получили прогрессисты. Национальная партия заявила о самороспуске, а многие ее депутаты присоединились к Коалиции. Сложившаяся ситуация точно отражала переживаемый и монархией в целом и Хорватией момент — компромисс правящих кругов и национальных движений неполноправных народов. Оппозиционным силам впервые был открыт доступ к участию в формировании автономного правительства. Ф. Супило пытался вернуться к идее создания на базе ХСК единой партии, основанием которой была бы ХПП, принявшая основные постулаты партии прогрессистов. Но эта попытка не удалась, и Коалиция осталась блоком нескольких партий.

25 мая 1906 г. было объявлено о желании бана Т. Пеячевича вступить в контакт с состоявшей в основном из делегатов от ХСК делегацией Хорватии в общем парламенте. После встречи была создана комиссия по выработке соглашения между хорватской автономной исполнительной и законодательной властью. 29 мая в присутствии председателя общего совета министров Ш. Векерле был подписан пакт Коалиции с баном Т. Пеячевичем, который определил своеобразие системы управления Хорватией в 1906—1907 гг. Суть этого соглашения состояла в том, что бан, отныне формально стоявший «вне партий», признавал, что Коалиция и независимые депутаты, присоединившиеся к ней, приглашаются направлять парламентскую деятельность и символизировать новый режим. Ос-

новой совместной деятельности национального представительства и исполнительной власти должен был стать рескрипт императора, который фактически являлся программой правительства. Хорватским депутатам удалось настоять на том, что круг внутривластных реформ будет определен самим сабором. Это было некоторым уступком Коалиции. В целом этот документ свидетельствовал об уступках, сделанных Коалицией²⁰. Он открывал путь к участию оппозиционных сил в формировании автономного правительства. Еще в феврале 1906 г. независимый оппозиционный политик Ф. Поточняк выдвинул идею о создании «переходного правительства». Теперь эта перспектива стала реальной. Формирование правительства при участии оппозиционных депутатов сабора было шагом вперед в развитии буржуазного парламентаризма в Хорватии, выражало тенденцию к предоставлению мест в государственном аппарате представителям национальной буржуазии, к некоторому перераспределению политической власти. В мае 1906 г. саборский клуб ХСК принял решение о том, что ни один из его членов не получит места в правительстве, в которое войдут люди «вне нашего круга (т. е. не депутаты от ХСК. — С. Р.), но которые будут осуществлять наши намерения»²¹. Это решение было результатом как политических иллюзий руководства Коалиции, свидетельством ее непоследовательности, так и давления со стороны правящих кругов, сделавших этот пункт непременным условием участия коалиции в правительстве. «Эта тактика, — писал Ф. Супило, — придала Коалиции хотя условную и временную, но все же гвернаментальность». Коалиция стала «не правительственной, но правящей партией», с которой кабинет должен действовать в согласии. Теоретически обосновывая ее политику в период после выборов, Ф. Супило писал, что «любое правительство, которое не имеет опоры в нации, неминуемо потеряет свое значение, свою суверенность и станет простым исполнителем навязанной воли»²². Одним из существенных успехов политики «нового курса» он считал достижение согласия исполнительной и законодательной власти, их совпадение с интересами и настроениями нации.

После долгих проволочек 25 июля 1906 г. состав нового кабинета был утвержден «королем Хорватии» Францем Иосифом. В него вошли «независимый» сторонник Коалиции В. Николич и два провинциальных адвоката — М. Ройц и А. Бадай, баллотировавшиеся в мае от Коалиции, но не избранные в сабор. Первоначально Ф. Супило выражал удовлетворение по поводу формирования нового правительства, которое постепенно сменилось жалобами на «политическую некомпетентность» новых директоров департаментов. Супило жаловался и на отсутствие представления о целях «нового курса» даже у депутатов от Коалиции²³. Отражением озабоченности, которая владела не одним Ф. Супило, было создание 31 августа 1906 г. так называемого комитета действия, который представлял из себя специфическую форму воздействия саборской оппозиции на автономное правительство. Как заявил депутат от ХПП Б. Винкович, «правительство еще не вошло в курс дела,

чиновники еще не знают нового направления, а партия еще не консолидировалась». Необходим контроль за их деятельностью со стороны Коалиции, заявил он. Иную позицию занимал другой член Партии права — Ф. Врбанич, который считал, что контроль и вмешательство в дела правительства могут привести к развалу. Задачей нового органа, отмечал он, должно стать лишь «внушение правительству нового духа». Обе точки зрения отражали трудности в осуществлении контроля над деятельностью правительства. Прав оказался Ф. Поточняк, который писал, что «новое правительство — это люди, чуждые по своим убеждениям воззрениям Коалиции. Она как таковая не имеет никакого представительства, ни контроля, но все же несет ответственность за то, что происходит»²⁴. Впоследствии в комитет был избран Ф. Супило. В целом же ХСК не удалось добиться осуществления требования об ответственности бана и правительства перед сабором.

Хотя коалиционные политики мечтали об устранении бана Т. Пеячевича и замене его какой-либо другой фигурой, сделать это им не удалось. В апреле 1906 г. Ф. Супило и А. Трумбич констатировали, что подходящей кандидатуры на банский престол нет. Правда, называлось имя будущего диктатора Хорватии барона П. Рауха на том основании, что он был личным противником графа Куена-Хедервари. Коалиции пыталась сыграть на противоречиях правящих кругов Вены и Будапешта. Ф. Супило, становившийся постепенно одним из руководителей ХСК, предлагал также на этот пост и самого А. Трумбича²⁵. По настоянию общего правительства бан Т. Пеячевич сохранил свой пост. Попытки изменить статус и функции бана, придать ему характер главы ответственного перед сабором автономного национального правительства, а не назначаемого чиновника ни к чему не привели.

Первоначально коалиционными деятелями планировалось проведение существенной реформы государственного аппарата, удаление из него всех консервативно настроенных чиновников и принятие на службу людей, разделявших программу Коалиции. Поскольку именно чиновничество обеспечило Коалиции успех на выборах и составляло значительную часть ее членов и избирателей, одной из первых ее задач было добиться улучшения положения этой группы, предоставления ей более широких юридических и политических прав. Основной задачей чиновников провозглашалось служение королю на основе конституционных законов и «правильно понятых интересов нации»²⁶. Большое значение для выполнения этого требования имело соблюдение содержавшегося в соглашении 1868 г. пункта о наборе в органы исполнительной власти на территории Хорватии только представителей ее населения.

Но планировавшаяся с большим размахом перестройка государственного аппарата оказалась невозможной. Новое правительство уже готовило увольнение только наиболее скомпрометировавших себя чиновников, писал Ф. Супило, ибо нет талантливых людей на их место и нечем выплачивать большое количество пенсий уволенным. Тем не менее Коалиции удалось принять в саборе

несколько постановлений, которые защищали чиновников от произвола властей²⁷.

Сабор Хорватии и Славонии в период «правления» Коалиции начинал постепенно обретать некоторые черты национально-политического представительства. Были созданы комиссии, которым поручалось рассмотрение проблем развития Хорватии и внесение своих рекомендаций. К ним относились комиссии по делам судебным, экономики, внутренних дел, просвещения и вероисповедания, разработки автономного бюджета и некоторые другие²⁸. Но сабор так и не стал буржуазным парламентом ни по своему социальному составу, ни по своей компетенции и реальной власти.

На первый план Коалицией выдвигалась задача борьбы за реформу политической системы. Теоретическим обоснованием этого требования было положение о том, что конституционные права — «основа свободы и правового порядка в государстве — не только являются предпосылкой политической свободы, но и ее (нации. — С. Р.) хозяйственного развития и культурного прогресса»²⁹. Подавление этих свобод считалось либеральными деятелями единственной причиной того, что «наше столь ограниченное государственно-правовое положение могло сохраниться в неприкосновенности, так как наша нация не могла развить свои силы»³⁰.

Отдавая себе отчет в трудности изменения национально-политической сути исполнительной власти, деятели ХСК сосредоточили свое внимание на обеспечении избрания в сабор «национально сознательных и развитых элементов». Основным препятствием на пути этого был избирательный закон, реформа которого стала главной задачей коалиционных политиков. Требуя в 1905—1906 гг. всеобщего, равного и тайного избирательного права, впоследствии ни один из них не выдвинул такого проекта во время дебатов в саборской комиссии в начале 1907 г. Как и венгерская оппозиция, всеми силами сопротивлявшаяся введению всеобщего избирательного права и превратившая его в орудие шантажа монархии, Коалиция не смогла разрешить национальный вопрос в сфере политических отношений.

В глазах Ф. Супило новая избирательная система должна была выглядеть следующим образом: «Пропорциональная система со списком кандидатов по жупаниям или по нескольким округам (шесть—восемь депутатов)»³¹. В Венгрии подобные проекты также имели место. Наиболее известным из них был проект введения «плюрального избирательного права», отражавший усиление антидемократических тенденций венгерской буржуазии³².

В том же духе высказывались и представители различных партий во время работы комиссии сабора по подготовке проекта избирательной реформы. Так, депутат от ХПП Ф. Врбанич высказался за то, чтобы избирательное право было предоставлено только грамотным мужчинам после 24 лет, процент которых в Хорватии был невелик (47%). Подбан, независимый консерватор В. Николич, хотел, чтобы право голоса имели примерно 18—20% взрослого населения, причем голосование проводилось бы по куральной системе (как в Австрии).

На втором заседании представитель партии Й. Франка И. Элегович предложил лишить избирательных прав лиц, находящихся на службе.

Хотя вопрос об избирательной реформе был включен в императорский рескрипт 1906 г., его решение откладывалось на неопределенный срок. Об этом говорит уже сам тот факт, что в соглашении между хорватской делегацией (большинство в которой составляли представители Коалиции) и баном Хорватии Т. Пеячевичем в мае 1906 г. была оговорена возможность модернизации старого избирательного закона. Хорватско-сербской коалиции удалось добиться некоторого успеха: весной 1907 г. сабором был принят закон, ограничивавший возможности вмешательства исполнительной власти в проведение выборов³³.

Не была также решена задача преобразования местных властей. Хотя это требование выдвигалось практически всеми партиями ХСК, никаких практических шагов сделано не было. Сравнивая представительные органы жупаний — скупщины, в прошлом и настоящем, противник Коалиции А. Радич писал, что это были истинно национальные саборы, которые умели и венскому и пештскому правительствам причинить неудобство. Теперь же ситуация изменилась: на скупщинах хозяйничают великие жупаны, которые получают инструкции от правительства³⁴.

В основе подхода к проблемам хорватско-венгерских отношений у хорватских либералов лежало понятие «политической нации», содержавшееся в соглашении 1868 г. Этот статус давал им юридическую основу для сопротивления попыткам распространить на Хорватию принципы «единой мадьярской политической нации». Им приходилось не раз подчеркивать, что хорваты и венгры — это «две абсолютно разные нации, каждая из которых имеет свой язык», что хорваты — это политическая нация, и мадьярская государственная идея не может распространяться на королевство Хорватии и Славонии»³⁵.

Даже в период своего наивысшего подъема национальное движение хорватов и сербов не поднимало вопроса о возможности разрешения югославянского вопроса вне границ монархии, высказывалось за сохранение ее целостности и единства. Один из вдохновителей «нового курса» — Ф. Супило стремился «сделать Хорватию точкой притяжения для южных славян монархии», а прогрессисты предполагали теоретическую возможность «объединения югославянских наций не только в границах, но и вне границ монархии»³⁶. Лидер прогрессистов И. Лоркович заявил, что борьбу за изменение национально-политического статуса Хорватии следует отложить на «далекое будущее» и все силы сосредоточить на борьбе за внутривластные реформы — за демократизацию политической системы в рамках автономии³⁷. И ХПП, и СНПН придерживались позиции сохранения целостности государства.

Коалиция, требуя признания прав Хорватии как «особой хозяйственно-финансовой территории и полной самостоятельности Королевства Хорватия в области хозяйственной жизни», объявляла себя

противником таможенного отделения Венгрии от Австрии³⁸. Это свидетельствует не только об охранительных тенденциях в Хорватии перед опасностью оказаться в подчинении Венгрии, но и о заинтересованности хорватов и сербов в сохранении целостности общего-сударственного рынка.

До 1906 г., когда национальная буржуазия получила возможность определять политическое лицо делегации Хорватии в общем парламенте Венгрии и ее состав, она состояла из людей, теснейшим образом связанных с правящими кругами. После выборов 1906 г. состав делегации претерпел существенные изменения и в социальном, и в национальном, и в политическом отношении. В нее в основном стали входить либерально настроенные представители национальной буржуазии, интеллигенции, чиновничества. «Хорватская делегация отличается от последних делегаций Хорватии и Славонии», — говорилось в ее заявлении в общем парламенте в мае 1906 г.³⁹ По мнению автора этой резолюции Ф. Супило, это было следствием новых времен и свободы выражения национальной воли. В делегации хорваты имели значительное большинство, что отражало соотношение оппозиционных депутатов хорватов и сербов в саборе. После 1906 г. делегацию Хорватии в общем парламенте можно назвать национально-политическим представительством, но если форма и права ее были изменены и расширены, то юридического оформления изменение ее содержания не получило.

С 1906 г. шла острая борьба между венгерскими и хорватскими депутатами по вопросу о статусе хорватского представительства. Венгерские парламентарии утверждали, что делегаты Хорватии имеют равные с ними права, так как, подобно всем депутатам сейма, избраны в своих округах, а не представителями сабора автономной Хорватии.

Заявление хорватской делегации о поддержке венгерской оппозиции знаменовало собой заключение временного соглашения между национальными движениями⁴⁰. В качестве союзников хорваты рассчитывали если не на юридическое, то на фактическое изменение статуса и полномочий своей делегации. Противоборство вокруг изменения компетенции хорватской делегации было борьбой между политическими представителями буржуазии двух наций за перераспределение власти в государстве как в автономной Хорватии, так и в Королевстве Венгрия.

Постепенно отношения между Хорватско-сербской коалицией, по-прежнему составлявшей большинство делегации Хорватии в общем парламенте, и венгерской оппозицией становились все более напряженными. Осенью 1906—весной 1907 г. последняя окончательно взяла курс на сотрудничество с монархией ценой отказа от собственных национальных требований. Хотя австро-венгерские переговоры об урегулировании отношений временами и протекали очень остро, совершенно ясно определилась заинтересованность обеих сторон в их успешном завершении. В конце весны 1907 г. в ходе переговоров обозначился поворот к лучшему, а в июле появилась уверенность в их успешном завершении⁴¹. Несмотря на

значительные усилия Ф. Супило и других руководителей ХСК, расхождения между венгерской и югославянской буржуазией увеличивались. Забыв все свои обещания конца 1905—начала 1906 г., венгерская коалиция не только не оказала поддержки в проведении реформ, но начала нарушать и соглашение 1868 г. Под влиянием получавших все большее распространение шовинистических настроений она занимала по отношению к требованиям хорватской делегации все более жесткую позицию. Наивысшей точкой борьбы, приведшей в конце концов к окончательному разрыву, стало обсуждение в общем парламенте носившей антирабочую направленность так называемой железнодорожной прагматики, требовавшей знания венгерского языка служащими железных дорог на территории Хорватии. Это требование было прямым нарушением соглашения 1868 г. и вызвало бурные протесты делегации Хорватии, которая в знак протеста покинула Будапешт⁴².

Отставка 26 июня 1907 г. бана Т. Пеячевича означала конец своеобразного этапа в развитии Хорватии — периода псевдоконституционного правления. Хорватская и сербская оппозиция, хотя и получила временно больший доступ к автономному управлению, но не смогла добиться выполнения своих требований. Не были проведены последовательные либеральные политические реформы внутри самой автономной Хорватии, не удалось добиться даже частичного объединения хорватских и сербских этнических территорий в границах монархии, не был расширен и национально-государственный статус Хорватии в системе дуализма. Хорватско-сербской коалиции удалось добиться лишь принятия некоторых постановлений, немного ограничивавших произвол исполнительной инациональной власти на территории Хорватии.

Но даже в этих условиях Хорватско-сербская коалиция не смогла найти общий язык с национальными движениями невенгерских народов. Если СНПН все-таки выступала за «полное равноправие всех немадьярских народов Венгрии», добавляя «в особенности — сербского», то хорватские партии требовали национальной свободы только для своего народа. Поэтому был верен упрек Ф. Поточняка, который писал, что «Коалиция упустила из виду тот факт, что Венгрия — это не одна нация, но скопление, конгломерат наций»⁴³. Такая позиция затрудняла сотрудничество хорватской оппозиции с национальными движениями словацкого, румынского и даже сербского народов, проживавших на территории собственно Венгрии. Считая их недостаточно сильными партнерами, лидеры Коалиции вспомнили об их существовании лишь в середине 1907 г., после провала попыток добиться сотрудничества с венгерской оппозицией. Неудача постигла их, хотя они поддерживали позицию венгров даже по вопросу о введении всеобщего избирательного права в Венгрии, исходя из своих интересов, стремясь сохранить свой статус «исторической нации». Еще в декабре 1905 г. Ф. Супило писал П. Чингрии, что «всеобщее избирательное право может привести в парламент сербов, словаков, русинов, румын, чье многочисленное присутствие могло бы ухудшить наши дела»⁴⁴.

Будучи принципиальными сторонниками преобразования государства в рамках существующих законов, деятели Коалиции продолжали придерживаться легальных методов борьбы во время дебатов по «железнодорожной прагматике» и после ее принятия. Попытки применить тактику обструкции, а затем демонстративный отъезд делегации Хорватии из Будапешта в Загреб успеха не имели и иметь не могли⁴⁵. Хорватские представители составляли незначительное меньшинство в общем парламенте (даже если приплюсовать к ним и оппозиционно настроенных представителей сербов, словаков и румын). Кроме того, по соглашению 1868 г. делегация Хорватии не имела особого статуса, позволявшего не только накладывать вето, но и попросту на равных участвовать в обсуждении законов, касающихся автономной территории.

После принятия «железнодорожной прагматики» вопреки ее позиции Коалиция опубликовала заявление, в котором обвинила «общее правительство и парламентское большинство» в том, что они не захотели придерживаться согласованных с ними же принципов, что привело к падению правительства бана Т. Пиячевича. Коалиция заявила, что считает себя свободной от взятых ранее обязательств «не поднимать государственно-правовые вопросы» и что «всеми конституционными средствами будет бороться против протаскивания на территорию Хорватии мадьярского языка и против господства мадьяр над Хорватией».

Эта позиция была подтверждена на состоявшемся 22 августа 1907 г. съезде ведущей хорватской партии Коалиции — Партии права. В ее программе подчеркивалось, что она «не упустит возможности использовать любое конституционное и законное средство, годное для осуществления ее целей». ХПП стремилась «активно участвовать в текущей и позитивной политической деятельности в соответствии с развитием ситуации в монархии... продолжать свою деятельность по защите хорватской нации от наступления мадьярского языка и единой мадьярской государственной идеи» и «добиться полной государственно-правовой самостоятельности Королевства Хорватия»⁴⁶.

Принципы Коалиции были вновь подтверждены и после выборов в феврале 1908 г. сабора, в котором Коалиция вновь завоевала большинство. «Коалиция всеми законными средствами продолжит непримиримую борьбу против неконституционного правительства бана Рауха... а также против общего правительства в Будапеште, — гласило ее заявление. — Она будет вести эту борьбу непрерывно до тех пор, пока... Королевству Хорватия не будут предоставлены средства, чтобы законным путем и на принципах равноправия изменить свои государственно-правовые отношения с Королевством Венгрия и Хорватия не будут гарантированы самостоятельность и свобода»⁴⁷.

В период перед аннексией Боснии и Герцеговины Коалиция не оставляла попыток возродить бывшее сотрудничество с венгерской буржуазией на основе согласия последней на расширение автономии Хорватии в рамках дуализма. Эту цель преследовал, в частности,

меморандум члена ХПП А. Пинтеровича. В июле 1908 г. он требовал удаления бана П. Рауха, назначения нового бана из округов «большинства» сабора, т. е. Коалиции, введения ответственности бана и начальников департаментов перед сабором, создания четвертого автономного департамента — экономики, а также признания венгерским правительством того факта, что Венгрия — это не единое государство, но «сообщество» государств (Хорватии и Венгрии)⁴⁸. Естественно, в обстановке, сложившейся летом—осенью 1908 г., эти требования не могли быть приняты венгерской стороной. Аннексия Боснии и Герцеговины 5 октября 1908 г., явившаяся закономерным следствием развития монархии, создала совершенно новую политическую ситуацию в югославянских землях.

Югославянские либералы в общем присоединились к словам К. Крамаржа на открытии съезда неославистов в 1908 г. о том, что на нем «и речи не будет ни о разрушении государств, ни о нарушении спокойствия и порядка»⁴⁹. «Цель этой встречи, — писала „Црвена Хрватска“, — достижение культурного и хозяйственного, но не политического сближения славян, поскольку ясно видно, что на политической почве можно не сблизиться, а лишь рассориться между собой»⁵⁰.

В 1910 г., после преодоления внешне- и внутривполитического кризиса в монархии и обострения хорватско-сербских отношений, вызванных аннексией Боснии и Герцеговины, Хорватско-сербская коалиция сделала новую попытку добиться проведения реформ. На этот раз она делала упор на изменениях внутривполитической системы автономии. Если в 1906—1907 гг. ее партнером на переговорах была коалиция венгерских оппозиционных партий во главе с национально-радикальной Партией независимости, то теперь предстояло идти на компромисс с поднявшими голову венгерскими консерваторами — бывшим баном Хорватии графом К. Куэном-Хедервари, ставшим премьер-министром общего правительства, и Национальной партией труда, пришедшей к власти на смену распавшейся в ноябре 1909 г. коалиции.

В январе 1910 г., после встречи представителей Хорватско-сербской коалиции с К. Куэном-Хедервари, между ней и новым баном Хорватии Н. Томашичем было заключено соглашение. Оно предусматривало отставку автономного правительства, восстановление конституционных условий, принятие временного порядка проведения выборов до принятия принципиально нового закона со всеобщим избирательным правом и основных конституционных законов. Предполагалось также, что Н. Томашич сохранит свой пост на три—четыре месяца, после чего будет заменен лицом, предложенным Коалицией⁵¹. 28 мая 1910 г. австрийский император и король Хорватии Франц Иосиф утвердил проект избирательной реформы⁵². Но затем резко обострились отношения между Коалицией и баном, как писали газеты, из-за невыполнения последним условий «пакта». В августе император не утвердил отставку бана Н. Томашича, а Коалиция объявила себя свободной от обязательств и предложила провести с баном новые переговоры⁵³. Однако на них Н. Томашич предложил Коалиции превратиться, по существу,

в «его» партию и исключить из нее некоторых неугодных ему лиц. На это Коалиция ответила отказом и перешла в оппозицию⁵⁴.

Тот же круг проблем волновал югославянскую печать и во время второго съезда неославистов в Софии в 1910 г. После аннексии Боснии и Герцеговины отношения между сербами и хорватами обострились из-за взаимных споров относительно этнической принадлежности большинства населения этих территорий и, следовательно, политико-юридических прав на них.

«Покрет» в статьях о съезде уже делал акцент на интересы австрийских славян, которых, по мнению авторов, связывали язык, общие происхождение и цели. В Австро-Венгерской монархии не существует ни чешского, ни хорватского, ни польского вопросов, а есть вопрос славянский. Проблемы всех славянских наций с политической точки зрения будут решены одинаково. «Если мы хотим в этой монархии чего-то добиться, — продолжал «Покрет», — то мы должны сломать немецко-венгерскую коалицию. Это может сделать только коалиция славянская. Пока существует дуализм, мы не можем надеяться ни на какие изменения в отношениях с мадьярами, ни на какие государственно-правовые концессии»⁵⁵. Таким образом, возрождалась сугубо политическая антидуалистическая направленность 1905—1907 гг. Но по-прежнему никто не считал возможным рассматривать австрийских славян как единый субъект государственного права монархии.

Хорватская часть Коалиции занялась внутренней перестройкой. Она свелась к созданию единой и — как полагали инициаторы — более влиятельной и сильной партии вместо прогрессистов и Партии права. Предварительные переговоры прошли успешно, и образовалась новая Хорватская объединенная партия независимости. Так же, как и у ее предшественницы, программа ХОПН подтверждала, что «партия, приступая к решению хорватских национальных задач, берет за основу и исходную точку существующие законы и государственно-правовые договоры»⁵⁶. С новой силой прозвучали слова о решении всех вопросов «в рамках передовой и в совместной деятельности всех народов черпающей силу габсбургской монархии». В программе содержались также традиционные требования создания «справедливой государственно-правовой общности с Королевством Венгрия», устранения нарушений соглашения 1868 г., а также «сохранения государственной самостоятельности и обеспечения самобытного национального, финансового и хозяйственного развития Хорватии». Для достижения этих целей предполагалось конституционным путем изменить и дополнить «отдельные положения хорватско-венгерского соглашения в соответствии с общим развитием нашего государственного права».

Принципиальные изменения были внесены в трактовку национального самоопределения. Новая партия полагала, что сможет «в соответствии с принципами национального единства и самоопределения и в соответствии с государственно-правовыми договорами, законами и королевскими присягами провести объединение всех земель габсбургской монархии, на которых проживает нация хорватского и сербского наименования»⁵⁷.

В декабре 1910 г. все-таки состоялись выборы в сабор. Коалиция на них вновь одержала победу, хотя и не столь внушительную, как в 1908 г. Однако вплоть до первой мировой войны она не могла осуществить требования, представленные в программах входивших в нее партий. Общую картину не смогло изменить и создание в 1914 г. в автономном правительстве четвертого департамента «национальной экономики». Период реформ в Хорватии закончился в 1910 г.

Монархия Габсбургов дает нам интересный опыт эволюции национально-государственного устройства без изменения границ государства по мере социального, экономического, политического и этнического развития населявших ее народов, каждый из которых обладал своим собственным неповторимым политико-юридическим статусом. Она являет собой пример приспособления многонационального государства в течение относительно долгого, продолжительного исторического периода к постоянной борьбе центробежной и центростремительной тенденцией, являющейся объективной закономерностью развития каждого многонационального государства независимо от социально-экономического строя, национально-государственного устройства и этнических отношений его народов.

Идея политического самоопределения возникает в сознании этнической общности на этапе, совпадающем исторически с переходом от средневековья к новому времени. В этот момент этническая общность становится субъектом политических отношений, внутригосударственного и международного права. Идея национального самоопределения является отражением на уровне психологии и идеологии синтеза политического и этнического сознания. Но самоопределение не сводится к факту провозглашения независимости и создания государства, охватывающего территории компактного проживания этнической общности, составляющей на ней большинство населения. Требование политического самоопределения этнической общности далеко не во всех случаях выступает в многонациональных государствах в роли дезинтегрирующего фактора. Принято полагать, что в таких государствах этнообразующие процессы совпадают по направленности с политическими центробежными тенденциями (и даже составляют их основу), а межэтнические интеграционные процессы цементируют и стимулируют соответственно центростремительные тенденции. При этом интеграция отождествляется с унитаризмом и централизмом. Но парадокс состоит в том, что на определенном этапе развития многонационального государства централистская политика вкупе с социальным консерватизмом начинала противоречить интеграционным тенденциям в экономике и межэтнических отношениях, вела не к сохранению единого государства, а к его развалу. Этнообразующие, разрушительные на первый взгляд тенденции, опираясь на последовательный демократизм, наоборот, объективно могли создать основу для сохранения единого многонационального государства при преобразовании его политической структуры и национально-государственного устройства.

Само по себе политическое самоопределение этнической общности в многонациональном государстве не тождественно ни национальной революции, ни распаду государства. Более того, нельзя считать процесс такого самоопределения априорно противоречащим ни межинтеграционным тенденциям в межнациональных отношениях, ни центробежным в политическом развитии.

Как показывает анализ программ национально-либеральных течений в национальных движениях, децентралистские планы преобразования многонационального государства не обязательно отражают тенденцию к его распаду, а скорее наоборот — стремление к его сохранению. Поэтому «Новый курс» и политику Хорватско-сербской коалиции нельзя считать национально-революционными. «Новый курс» был попыткой воспользоваться сложившейся ситуацией и законным путем, опираясь на юридические нормы и политические традиции, осуществить реформу внутривластической системы автономии, повысить ее статус и тем самым сохранить многонациональное государство.

Попытки провести достаточно глубокие внутренние реформы в 1906—1907 и 1910 гг. в политической системе автономии не привели к успеху. Хорватско-сербской коалиции не удалось договориться ни с национально-радикальной венгерской оппозицией, пошедшей в конце концов на компромисс с короной, ни с венгерскими консерваторами. Апрельский пакт 1906 г. действительно дал возможность продлить существование Австро-Венгрии. Но, будучи просто политическим компромиссом между двумя сторонами в быстро превращавшемся в многоцентровое образование государстве, он не решил ни одного из кардинальных вопросов. Это привело к окончательному стратегическому проигрышу, положило в конце концов предел существованию единого многонационального государства в Центральной Европе. Монархия достигла той точки в своем государственно-этническом развитии, когда именно централистская политика и отказ от глубоких реформ неминуемо приводят к краху. Небольшие уступки, не носившие принципиального характера, не могли повлиять на наметившийся с 1912 г. поворот в общественном мнении и национальной психологии. Отвергнув в 1905—1907 гг. опыт революции в России⁵⁹, под влиянием Балканских войн, давших пример решения национальных проблем на юго-востоке Европы вооруженным путем, и отчаявшись от бессилия национально-либеральных кругов, часть общества стала на путь политического террора. Именно тогда и прозвучали выстрелы — в 1912 и 1913 гг. были совершены покушения на банов Хорватии Цувая и Скерлеца. В 1906—1907 гг. была упущена возможность начать принципиальные реформы. Первая мировая война привела к разрушению нормальных экономических связей, росту партикуляризма, размыванию многонациональной социальной базы государства. Если мы говорим о неизбежности распада, то можно, по-видимому, говорить о том, что монархия Габсбургов в виде Австро-Венгрии не могла долго существовать. Но это не означает невозможность существования единого многонационального государства в Центральной Европе.

Распад Австро-Венгрии и образование некоторыми не входивших в нее народов своих национальных государств (но по составу населения многонациональных) не сняли с повестки дня вопрос о самоопределении народов региона.

- ¹ См.: Зеленин В. С. Ленин о национальном развитии южного славянства // Сов. славяноведение. 1969. № 2; Фрейдзон В. И. Революционность и реформизм в национальных движениях в XIX в. // Там же. № 4; *Jugoslovenski istorijski časopis*. 1989. N 1—4.
- ² История Венгрии. М., 1972. Т. 2. С. 403.
- ³ Текст Риекской резолюции см.: *Ibler J. Hrvatska politika. Druga knjiga: 1904—1906. Zagreb, 1914—1917. S. 372—373.* См. также: *Lovrenčić R. Geneza politike «novog Kursa». Zagreb, 1972.*
- ⁴ Задарскую резолюцию см.: *Ibid. S. 389—390.*
- ⁵ Текст воззвания см.: *Ibid. S. 465—469.*
- ⁶ Program i organizacija hrvatske pučke napredne stranke. Zagreb, 1906. S. 3; Program (nauk) hrvatske pučke napredne stranke rastumačen puku. Split, 1908. S. 3—4.
- ⁷ Program i pravilnik hrvatske stranke prava (članice koalicije): Prihvaćen na glavnoj skupštini 22 kolovoza 1907. Zagreb, 1907. S. 4.
- ⁸ Program... napredne stranke. S. 3.
- ⁹ Program... stranke prava. S. 4.
- ¹⁰ См.: *Gross M. Vladavina hrvatsko-srpske koalicije, 1906—1907. Beograd, 1960. S. 152.*
- ¹¹ Program... stranke prava. S. 14.
- ¹² *Ibid. S. 24.*
- ¹³ Program... napredne stranke. S. 4.
- ¹⁴ Program... stranke prava. S. 2, 6; Program... napredne stranke. S. 4.
- ¹⁵ Korespondencija Frana Supila // *Arhivski vijesnik. Zagreb, 1963. Sv. 6. S. 132.*
- ¹⁶ Програм српске народне самосталне странке. Загреб, 1903. С. 6—7.
- ¹⁷ Программ... самосталне странке. С. 4—7.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ *Pokret. 1906. N 104; Нови Србобран. 1906. № 91.*
- ²⁰ *Potočnjak F. Iz mojih političkin zapisaka. Zagreb, 1914. S. 117—118.*
- ²¹ Korespondencija Frana Supila. S. 143, 144—145.
- ²² *Supilo F. Politički spisi. Zagreb, 1970. S. 312—313.*
- ²³ Korespondencija Frana Supila. S. 144—145, 152, 161.
- ²⁴ *Potočnjak F. Iz mojih političkih zapisaka. S. 123, 140—141, 145.*
- ²⁵ Korespondencija Frana Supila. S. 145.
- ²⁶ Program... stranke prava. S. 14.
- ²⁷ *Gross M. Vladavina... S. 129—139.*
- ²⁸ *Širotković H. Ustavni položaj i organizacija rada sabora kraljevina Hrvatske i Slavonije u građanskom razdoblju njegova djelovanja (1848—1918) // Rad JAZU. Zagreb, 1981. Kn. XX; Beuc I. Povijest institucija državne vlasti kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb, 1985. S. 275—304.*
- ²⁹ *Ibler J. Hrvatska politika. S. 466.*
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Supilo F. Politički spisi. S. 336—337.*
- ³² *Исламов Т. М. Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны, 1906—1914. М., 1972. С. 127—128.*
- ³³ *Zakon o zaštiti slobode izbora od 1 ožujka 1907. Zagreb, 1907.*
- ³⁴ *Sabrana djela A. Radića. Zagreb, 1938. T. 10. S. 51—55.*
- ³⁵ *Zagorac S. Istina o riječkoj rezoluciji ili tko vara narod. Zagreb, 1905. S. 16; Postanak i razvoj riječke rezolucije. Napisao V. M. Zadar, 1907. S. 23—24.*
- ³⁶ Korespondencija Frana Supila. S. 117; *Ribar I. Iz moje političke suradnje. Zagreb, 1963. S. 82.*
- ³⁷ *Ibid.*
- ³⁸ Program... stranke prava. S. 7—8.
- ³⁹ Postanak i razvoj... S. 23.

- 40 Korespondencija Frana Supila. S. 143—144; Postanak i razvoj... S. 23—25.
- 41 История Венгрии. Т. 2. С. 411.
- 42 См.: Govori hrvatskih delegata na zajedničkom saboru Budimpešti. Zagreb, 1907; Supilo F. Politika u Hrvatskoj. S. 183—188.
- 43 Potočnjak F. Iz mojih političkin zapisaka. S. 107.
- 44 Korespondencija Frana Supila. S. 132.
- 45 Supilo F. Politika u Hrvatskoj. S. 184—186.
- 46 Ibid. S. 185—186; Србобран. 1908. № 42—45; Hrvatska. 1908. N 47, 48.
- 47 Program... stranke prava. S. 5—6.
- 48 Crvena Hrvatska. 1908. 56.
- 49 Hrvatska. 1908. N 166.
- 50 Crvena Hrvatska. 1910. N 57.
- 51 Ibid. N 63.
- 52 Zakon o izbornom redu za sabor kraljevina Hrvatske, Slavonije i Dalmacije. Zagreb, 1910.
- 53 Crvena Hrvatska. 1910. N 62, 63.
- 54 Ibid.
- 55 Pokret. 1910. N 158.
- 56 Hrvatska ujedinjena samostalna stranka. Zagreb, 1911. S. 3.
- 57 Ibid. S. 5.
- 58 Lovrenčić R. Prva ruska revolucija i građanska javnost u Hrvatskoj // Radovi Instituta za hrvatsku povijest. 1971. N 1.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС И «ВЕЛИКИЙ БРОСОК» ГРЕЦИИ В 1909—1912 гг.

Т. В. Никитина, О. В. Соколовская

Начало XX в. изобилует событиями поистине революционного масштаба: русская революция 1905—1907 гг., младотурецкая революция 1908 г., провозглашение полной независимости Болгарского государства, аннексия Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, вызвавшая очередной балканский кризис. В 1905 г. вспыхнуло организованное либеральной буржуазией восстание на Крите, которым руководил министр иностранных дел и юстиции местного правительства Э. Венизелос. Оно закончилось изгнанием с острова автократически правившего принца Георга и назначением на пост верховного комиссара буржуазно-демократического деятеля А. Заимиса.

В 1909 г. в Греции произошло восстание Военной лиги, ставшее началом революционного по сути периода глубоких социально-политических реформ, проведенных правительством либералов во главе с «критским революционером» Э. Венизелосом. В результате реформ был дан значительный толчок свободному развитию капитализма в стране, разбит старый политический уклад Греции. Особую роль в ликвидации социально-политического кризиса в стране в начале XX в. история предначертала сыграть греческому офицерству.

В зарубежной историографии, прежде всего греческой, дана высокая оценка событиям 1909—1910 гг. и реформам Э. Венизелоса. В советской историографии до сих пор имеется лишь одна работа на данную тему — монография Т. В. Никитиной¹. В ней был собран уникальный архивный материал — секретные телеграммы и донесения российских посланников и других дипломатов, свидетельства очевидцев, где давалась их интереснейшая трактовка.

Еще в 80—90-х годах XIX столетия по инициативе прогрессивных политических деятелей Греции во главе с Х. Трикуписом была выдвинута широкая программа социально-политического развития страны, которая должна была способствовать прогрессу капиталистической экономики и становлению буржуазной государственности. Проведенные в конце века мероприятия были направлены на улучшение государственного управленческого аппарата, судебной администрации. Были осуществлены реформа полиции, программа общественных работ по строительству шоссе и железнодорожных дорог, по осушению болот и т. д., а также установлена система протекционистских тарифов, созданы новые акционерные общества, банки, развита кредитная система, разработано социальное и индустриальное законодательство. Однако эти чрезвычайно дорогостоящие программы повлекли за собой тяжелые государственные

долги, увеличение вдвое, а затем и больше налогового бремени и многие другие проблемы. К 1893 г. выплата процентов по займам иностранным державам составила 1/3 национального бюджета, и неудивительно, что Трикупис вынужден был объявить Грецию банкротом.

Крайне неудачная для греков греко-турецкая война 1897 г., длившаяся всего месяц, ознаменовала собой начало очередного этапа в истории греческого государства — 1898—1909 гг., — характеризующегося постоянными, но плохо продуманными и потому малорезультативными попытками греческих правительств изменить государственное устройство, реформировать все стороны политической жизни.

В 1900 г. Г. Теотокисом, последователем Х. Трикуписа, была начата реорганизация армии. Однако эта и все последующие программы реформ подвергались нападкам в парламенте со стороны партий Т. Делиянниса и Д. Раллиса. Происходила бесконечная смена правительств (в 1905 г. дважды). Политическая жизнь становилась все более неорганизованной. В марте 1905 г. Делияннис был убит, и его партия разделилась на две фракции, которые также немедленно включились в борьбу за власть и за приобретение доходных и почетных мест в государственном аппарате, что сопровождалось ожесточенными схватками в парламенте, взяточничеством. Обструкционистская тактика враждующих группировок тормозила принятие законов или каких-либо радикальных решений. Это дало повод русскому дипломату — посланнику в Афинах М. К. Ону — назвать греческое народное представительство «...лишь жалкой пародией западного парламентаризма»^{1а}. «Здесьшний народ... — писал из Афин немного позже российский посланник Т. С. Щербачев, — относится отрицательно к палате и сменяющимся правительствам, приписывая все свои невзгоды их неумелости и недобросовестности»².

Ни в экономическом, ни в военном отношении Греция не была способна защитить свои интересы, а ее дипломатия — отстоять ее позиции на международной арене, решить национальные задачи, в том числе самую острую — критскую, а также вопрос о невоссоединенных греческих территориях, находящихся под турецкой властью.

С начала 1909 г. увеличилось число различного рода манифестаций, на которых выражались крайнее раздражение и возмущение различных слоев греческого общества положением в экономике и управлении страной. Так, в феврале 1909 г. в Афинах состоялась антиправительственная манифестация, вызванная слухами о новых налогах. Около двух тысяч манифестантов попытались проникнуть в палату депутатов (парламент), но были разогнаны войсками и полицией. «Есть раненые, преимущественно в войске», — сообщал из Афин Т. С. Щербачев³. Вскоре афинские торговцы, подавшие жалобу в министерство финансов на директора пирейской таможни, злоупотреблявшего своим служебным положением, но не получившие удовлетворения своих требований, закрыли магазины,

собрались на многочисленный митинг и направились к дворцу, чтобы «через посредство делегации подать прошение королю... Но полиция и конная жандармерия не допустили и частью помяли манифестантов»⁴.

Эта манифестация, естественно, встревожила короля, и, чтобы как-то успокоить общественность, он потребовал смены полицмейстера и начальника жандармерии, которые были якобы повинны в разгоне манифестантов. Щербачев писал, что протестующими элементами выступили различные корпорации и общества. Они то и дело обращались к королю с жалобами на неудовлетворительное положение финансов, на плохое управление страной, требовали сокращения государственных расходов, более равномерного распределения налогов, образования «национального» правительства, пересмотра конституции и т. д.⁵ Это были поистине массовые протесты. Кабинет Теотокиса был вынужден подать в отставку. Помимо отдельных выступлений крестьян в провинции, студенчества и средних слоев в городах, начинается брожение в армии. Причем недееспособность и пассивность парламентских партий, политическая неорганизованность и слабость рабочего класса, ограниченность требований, выдвигавшихся в ходе крестьянских волнений, а также напряженность в греко-турецких отношениях, которые могли в любой момент перерасти в военный конфликт, привели к тому, что во главе движения за социально-экономические преобразования встало именно офицерство. «Настоящая перемена греческого министерства вызвана значительным движением, распространившимся в последнее время в стране; и в частности в армии»⁶, — сообщали «Русские ведомости».

В 1909 г. в значительной степени под влиянием примера младотурецкой военно-политической организации Единение и прогресс в Афинах была создана офицерская организация Военная лига во главе с полковником Н. Зорбасом. Она выдвигала в первую очередь требования реорганизации армии и укрепления военных сил, ибо на повестке дня стоял вопрос о Крите и отношения с Турцией были очень натянутыми. Движение офицерства пользовалось сочувствием прогрессивной общественности, значительной части армии и народных масс.

Военной лиге, в которую входили в основном выходцы из мелкобуржуазной среды и зажиточного крестьянства, удалось получить поддержку у самых различных слоев населения в силу того, что в стране не имелось в то время какой-либо другой организации или партии, ставившей целью своей деятельности радикальные преобразования, а также потому, что идея укрепления армии вполне отвечала господствовавшим в стране националистическим настроениям.

В июне 1909 г. правительство раскрыло одно из тайных собраний, где присутствовали до 300 офицеров армии и флота, «обсуждавших вопросы, касавшиеся не только устройства армии, но и внутреннего положения, до династического включительно», как отмечал в своем донесении Щербачев⁷. Впоследствии полковник Н. Зорбас писал,

что деятельность правительства на протяжении 12 лет с момента войны 1897 г. не превратила Грецию в страну, способную защитить себя в случае внешней опасности. Это разочаровало всех, и особенно офицеров, и заставило их сформулировать свои требования правительству. Позже в своих воспоминаниях предводитель военных так сформулировал причины «революции Военной лиги»:

1. Недовольство типом парламентаризма в Греции.

2. Экономический упадок в связи с порочной налоговой политикой, ухудшавшей положение, особенно народных масс.

3. Плохое отправление правосудия и отсутствие общественной безопасности.

4. Поражение в войне 1897 г.

5. Критская проблема и полная неподготовленность государства к каким бы то ни было военным действиям, т. е. небоеспособность армии⁸.

«Существующий в стране парламентский строй не удовлетворяет греков...» — констатировал Щербачев в телеграмме в МИД России от 14 июля 1909 г., делая вывод о возможности политического переворота⁹. Внутреннее положение в стране усугублялось угрозой нападения Турции. В июле 1909 г. в Афинах было раскрыто еще одно собрание офицеров, все 160 его участников были арестованы. Афинские студенты и торговые корпорации назначили большой митинг в поддержку офицеров, который правительству удалось предотвратить. Вскоре младшее офицерство, недовольное состоянием армии и флота, а также политикой фаворитизма, проводимой распоряжавшимся в армии принцем Константином, потребовало его отставки. Монархист Д. Раллис, которому было поручено сформировать новое правительство, сделал попытку предотвратить конфликт, предложив королю отстранить принцев с командных постов в армии и провести реорганизацию военного и морского министерства¹⁰. Но затем он, не понимая опасности, которую представляло для правительственных кругов движение военных, попытался прекратить беспорядки в армии, отдав под дисциплинарный суд четырех видных членов Лиги. На следующий день, 27 августа 1909 г., руководство Военной лиги, насчитывавшей к этому времени уже 1,5 тыс. человек, попыталось вручить Раллису меморандум с требованием отмены его распоряжения и проведения реформ, но не было им принято. В ответ на это начались волнения в войсках. На рассвете 28 августа поднялся афинский гарнизон и кавалерийский полк Кифиссии, стоявший в афинском пригороде Гуди. Во главе объединенных сил общей численностью 5,5 тыс. человек встал полковник Зорбас. Повстанцы, угрожая двинуться на Афины, предъявили правительству ультиматум об амнистии репрессированных участников движения, об обновлении командного состава и удалении из армии и флота принцев¹¹. Не ограничиваясь этим, Военная лига предложила провести реформы и сократить административный аппарат, высвободить средства для модернизации армии и флота. Она требовала также положить конец спекуляции и использованию служебного положения в корыстных целях, призы-

вала к облегчению налогового бремени, затрагивавшего интересы народных масс. Король был вынужден уволить в отставку Раллиса и назначить новое правительство во главе с К. Мавромихалисом, также монархистом, немедленно принявшим требования Лиги. Мавромихалис даже предложил Зорбасу пост военного министра, но тот отказался, подчеркнув, что его организация не ставит своей целью установление в стране военной диктатуры, а стремится к осуществлению реформ с участием короля, что она не хочет низложения династии и нарушения существующей конституции¹². Однако Лига принялась действовать самовластно, стоя за спиной правительства.

Поздравляя офицеров с одержанным успехом, полковник Зорбас заявил, что союз офицеров будет следить за точным проведением преобразований, «не позволяя никому управлять страной безнаказанно, как это было до сего времени». При этом Зорбас прокричал: «Да здравствует король!»¹³.

Сразу же после событий в Гуди афинские газеты наперебой спешили посвятить своих читателей в подробности происходящего. «Хронос» поместила передовую статью под заголовком: «Дело восстановления», в которой офицеров называли «патриотами, решившими пробудить нацию от глубокого сна и дать понять ей, что она подвергается опасности умереть от удушения политиками и ничтожествами... Они (т. е. военные. — *Авт.*) выступают за то, чтобы правительства не были агентами грабителей, растратчиков и негодяев всех мастей. Они стремятся внушить уважение к понятию „нация“ в тех кругах, где незнакомы с чувством законности, где господствуют анархия и несправедливость». Броско озаглавила свою передовицу «Скрип» — «Цель благословляет средства». А в газете «Акрополис» 19 августа 1909 г. был напечатан репортаж под заголовком «Революция», который начинался с того, что никогда еще революционное движение не носило столь торжественного и праздничного характера... Множество людей вышло на улицы, все высказывались в поддержку военных. «Но лучше всех, — писала газета, — сказал Зорбас: То, что мы делаем, мы делаем не как офицеры, а как эллины»¹⁴.

Корреспондент «Русских ведомостей» Белоусов отмечал «растущую в народе популярность движения, начатого офицерами», называя его «национальным». Стремление к объединению всех исконно греческих земель, необходимость решительного оздоровления социально-экономических условий в стране объясняли эту поддержку народа. Прошедшие по всей стране митинги принимали резолюции о поддержке «программы союза офицеров»¹⁵. «Надеюсь, — заявил Георг I, — что правительство, пользующееся полным моим доверием, а также палата, состоящая из патриотов, признают, что Ваши требования справедливы, и возрождение страны, к которому я, как и Вы, стремлюсь, произойдет согласно конституции»¹⁶.

25 сентября Лига от имени торговых гильдий Афин, у которых она пользовалась поддержкой, вручила королю петицию о реформах. Затем в Пирее произошло многочисленное собрание рабочих-ме-

таллистов, потребовавших от правительства обложить высокой пошлиной ввозимые из-за границы машины и освободить от пошлины все сырье. Депутация рабочих направилась в Афины передать решение собрания палате депутатов. Все фабрики были закрыты¹⁷.

В меморандуме Военной лиги — официальной программе движения — выдвигался развернутый план переустройства армии и флота. Предполагалось установить «несменяемость военного и морского министров; учредить особую аттестационную комиссию из начальников дивизий и начальника Главного штаба; пригласить иностранных инструкторов в армию и на флот и т. д.» Офицеры ратовали за безотлагательное приведение военно-морских сил королевства в боевую готовность, имея в виду последовательный до 1 февраля 1910 г. призыв запасных. Они требовали также «пополнения предметов вооружения и снаряжения армии и флота, приобретения одного броненосца водоизмещением в 10 тыс. тонн и восьми миноносцев по 150 тонн каждый»¹⁸.

Греческий историк С. Керофилас назвал этот документ «обвинительным актом против правительства»¹⁹. Однако король и правительство не решались проводить мероприятия по укреплению и усилению армии, что могло вызвать ответную реакцию со стороны Турции. Более того, король приказал Мавромихалису «самым категорическим образом заявить всем иностранным представителям, и в особенности турецкому, что означенные пункты не будут приведены в исполнение и что внешняя политика королевства ни в чем не изменится»²⁰. По совету посланников Великобритании и Франции король одобрил меморандум. Опасаясь повторения событий 1862 г., когда его предшественник король Оттон был вынужден отречься от престола, Георг I стал маневрировать, пообещав выполнить требования Лиги.

С самого начала было ясно, что деятельность Военной лиги не носит антидинастического характера. Так, в ее меморандуме говорилось: «...сообщество не преследует низложения династии или смещения короля... Оно не собирается также устанавливать ни самовластия, ни военной диктатуры, не стремится каким-либо способом нарушить конституцию страны...»²¹. Весь династический вопрос сводился только к одному — устранению принцев из армии. Принцы, занимая, как правило, номинально командные посты в армии и на флоте, наносили ущерб интересам службы, и поэтому офицеры потребовали, чтобы военный и морской министры назначались из числа высших офицеров армии и флота, состоящих на действительной службе или отчисленных в эти два министерства.

Причину того, что Военная лига не выступала против короля, историк С. Честер видит, например, в том, что король Георг был тесно связан династическими узами со многими царствующими фамилиями в Европе, а эти связи, в свою очередь, были в значительной степени полезны для Греции. По мнению «Русских ведомостей» военный мятеж в Афинах являлся прелюдией к более серьезным событиям в Греции.

Народ, выступая в поддержку Военной лиги, мог пойти гораздо дальше требований военных. Это пугало правящие круги больше, чем позиция Лиги. Вот почему в парламентских, правительственных и даже в высших придворных кругах наметился поворот в сторону необходимости удовлетворить требования офицеров. В палате началась подготовка проектов по всем тем вопросам, которые были поставлены на обсуждение офицерским союзом.

Непоследовательность Лиги вызывала недовольство тех демократических сил, поддержавших военных, которые выступали за радикальную аграрную реформу и демократические перемены. Тем не менее движение военных нарастало, привлекая к себе недовольных существующим режимом. На состоявшихся в сентябре митингах в Афинах представители различных корпораций и общественных организаций требовали немедленного проведения реформ.

Под сильным нажимом Лига внесла в парламент, где ее сторонники не имели большинства, законопроекты о сменяемости в случае необходимости командования армии, высших государственных чиновников, посланников за границей и даже епископов. Она предъявила кабинету министров Мавромихалиса списки чиновников, не справляющихся со своими служебными обязанностями. Вносились предложения об упразднении префектур и скомпрометировавших себя местных судей, а также была предложена реформа налоговой системы.

Яркой иллюстрацией того, что Лига стояла за спиной правительства, является, например, принятие законопроекта об увеличении территорий избирательных округов (сокращение расходов требовало и уменьшения числа депутатов парламента). Депутаты, возмущенные перспективой потерять полномочия и материальное вознаграждение, выступили почти единодушно против законопроекта. Решение было принято лишь после появления в парламенте представителей Военной лиги, выразивших пожелание ознакомиться с ходом обсуждения. Как писал «Московский еженедельник», «бедный Мавромихалис... был только манекеном, шнуры от которого были у Зорбаса и офицеров»²⁴. Однако депутаты отказывались обсуждать законы, возмущаясь оскорбительными действиями Лиги. В результате «под давлением силы и с пистолетом, приставленным к виску»²⁵, было принято 160 плохо подготовленных законов, большинство из которых даже не обсуждалось, что вызвало в конце концов недовольство общественности.

Движение военных было непрочным. Уже в сентябре 1909 г. в нем произошел раскол. Между Военной лигой и морскими офицерами возник конфликт по вопросу об изменениях в командном составе флота, неугодном офицерству. Он привел к мятежу на флоте, который был подавлен с помощью самой же Лиги, морские офицеры во главе с лейтенантом Типальдосом отделились от нее и выступили самостоятельно. Мятеж произошел 14—16 сентября. Поводом к нему послужило правительственное предложение внести в палату законопроект о предельном возрасте для штаб-офицеров. Это вызвало недовольство со стороны обер-офицеров, требовавших,

в свою очередь, удаления с командных постов всех, чей возраст превышал предельный, за исключением четырех особо поименованных капитанов 1-го ранга. После того как министр отказал, глава мятежников Типальдос обратился за поддержкой к Военной лиге, «угрожая насилием в случае отказа, и предложил самого себя в морские министры». Мятежники имели некоторую поддержку и в провинциях, где готовились «сочувственные» манифестации. Этот бунт компрометировал офицерский союз в глазах всей Греции, тем более что сам Типальдос объяснил позже, «что возмущился он собственно против Военной лиги». Поэтому на этот раз Лига и правительство совместно выступили против мятежников. Они попытались арестовать лейтенанта, но тому удалось 16 октября пробраться из Афин в Саламин и там завладеть арсеналом и минным флотом. Правительство послало против мятежников целую дивизию и блокировало саламинский порт. Затем совместные силы правительства и Военной лиги заняли господствующие высоты и началась перестрелка. С той и с другой стороны были убитые и раненые. Мятеж был подавлен на следующий день. Часть мятежников сдались, часть бежали. Типальдос был схвачен и осужден за политическое преступление.

Помимо внутренних разногласий среди самих офицеров, усилилось и недовольство Лигой со стороны населения. В Пелопоннесе и других районах произошли беспорядки, для подавления которых были посланы военные. В силу сложившейся ситуации Лига вынуждена была пойти на компромисс с правительством и согласилась отсрочить заседание парламента до 21 сентября. Более того, полковник Зорбас заявил в печати, что Лига не собирается оказывать давление на палату²⁶. Положение офицерского союза стало неустойчивым.

Хотя парламент не сопротивлялся действиям военных, партии Теотокиса и Раллиса прикладывали все усилия к тому, чтобы Военная лига как можно скорее сдала свои полномочия и прекратила существование. В декабре Теотокис потребовал отставки военного министра Лапатиотиса, который выступил с резкой критикой прежнего режима в Греции. Лига, в свою очередь, выступила в защиту военного министра, но вскоре согласилась удалить его за то, что он якобы самовольно представил к повышению в чинах целый ряд военнослужащих. Совершенно очевидно, что это было началом капитуляции перед правительством. Более того, военные оттолкнули от себя рабочих и учащуюся молодежь, которые по-прежнему стояли на стороне военного министра Лапатиотиса.

Великие державы были серьезно обеспокоены происходящими событиями. Этим объяснялось постоянное присутствие английских, французских и русских судов в греческих водах. Так, в связи с мятежом морских офицеров русский посланник Щербачев срочно вызвал из военной базы Суды крейсер «Олег». 30 октября прибыли дополнительно к прежним двум еще два английских броненосца. Русский дипломат Татищев писал, что продолжительное пребывание в Греции русского крейсера совместно с английским «выработало

здесь убеждение, что за династическим вопросом обе державы следят одинаково бдительно». Державы объясняли присутствие их морских сил тем, что оно «действует при настоящем тревожном положении вещей очень успокоительно не только на греков, но и на Турцию»²⁷.

В декабре 1909 г. сложное положение Лиги, так и не сумевшей выработать свою программу и полагавшейся на то, что принятие новых законов выправит создавшееся положение, позволило вновь поднять голову оппозиционным монархическим силам. Постепенно Лига начала терять доверие народа, и прежде всего в провинции, где действовали ярые монархисты. Отсутствие в организации четкой программы переустройства страны усугубляло дело. В этих условиях Военная лига, учитывая стремления критян и греков к объединению, обратилась за помощью к Э. Венизелосу, уже завоевавшему широкую популярность своей деятельностью на Крите. Он пользовался поддержкой тамошней либеральной буржуазии, которая была заинтересована в изменении внутренней и внешней политики страны, в воссоединении Крита с Грецией. Венизелос слыл независимым деятелем, не находившимся под влиянием старых партий. Он получил прекрасное юридическое образование, был блестящим оратором и главное — человеком решительным и обладавшим политической интуицией, что, по мнению общественности, являлось залогом его успешной карьеры государственного деятеля. Кроме того, он пользовался поддержкой западных держав. Осенью 1909 г. Лига повела переговоры с Э. Венизелосом. Подробно повествуя о ходе событий в своих мемуарах, Зорбас впервые осветил весь ход переговоров военных с критским политиком и полностью привел ответное письмо Э. Венизелоса на обращение к нему руководителей Лиги. После манифестации 14 сентября, которую Зорбас назвал «народной революцией», комитет Лиги на своем заседании принял решение о необходимости формирования нового правительства. Причем большинство его членов пришли к мнению, что единственной подходящей фигурой на роль главы кабинета является критский политик, способный решить не только внутривнутриполитические, но и критскую проблему. Обращение к Э. Венизелосу было передано в письменном виде через члена комитета капитана Кондарату, который привез и ответное письмо, написанное 22 декабря 1909 г. в Халепе, на Крите. В своем письме Венизелос, поблагодарив за оказанную ему честь, писал, что не уполномочен в данный момент принять это предложение, но готов принять власть в случае, если, ознакомившись с ситуацией в стране лично, убедится в том, что на него возлагает эту ответственность вся нация. С этой целью он собирался совершить в конце недели поездку в Афины, однако попросил военных сохранить дело в тайне.

Вся приведенная в мемуарах последующая переписка военных с Венизелосом (вплоть до того момента, как он занял пост премьер-министра) свидетельствует о полном взаимопонимании обеих сторон, а попросту о том, что они нуждались друг в друге²⁸. Лига назначила Венизелоса своим представителем на встречах с лидерами

оппозиционных партий Д. Раллисом и Г. Теотокисом, во время которых должен был быть решен вопрос о новом правительстве. Предложение Лиги совпало с намерениями самого критского лидера сменить столицу Крита Канею на Афины, что открывало перспективы решения критской проблемы.

Возглавляемые Э. Венизелосом критские автономисты считали, что, расширяя и укрепляя автономный режим, можно безболезненно перейти к следующему этапу — воссоединению острова с Грецией²⁹. Они не только повели согласованные действия с Военной лигой, но и начали принимать непосредственное участие в политической жизни Греции. Сотрудничество Лиги и Венизелоса вскоре полностью оправдало себя.

Имея уже готовую политическую программу, которую он обнародовал на следующий год, Венизелос строил обширные планы активного участия в политической жизни Греции. Тогдашняя ситуация в стране оказалась крайне благоприятной для их осуществления. Поддержав терявшую свои позиции Военную лигу, Венизелос имел редкий шанс получить немедленно власть в Афинах в свои руки. С этой целью в первую очередь он сделал вопросом дня идею военных о созыве Национальной ассамблеи (собрания), которая должна пересмотреть конституцию и осуществить целый ряд мер по экономической и политической стабилизации. На данном этапе свою задачу Венизелос видел в том, чтобы обеспечить согласие на созыв Национального собрания всеми политическими кругами Греции. Лидеры Военной лиги считали, что формирование Национальной ассамблеи, т. е. удвоенного числа депутатов по сравнению с парламентом, необходимо, чтобы коренным образом изменить состав политических партий Греции, «как совершенно неспособных... исполнить свои обязанности перед страной». Кроме того, военные выдвинули программу из десяти пунктов, где перечислялись те права царствующей династии по отношению к армии, которые следовало пересмотреть³⁰.

Прибыв в январе 1910 г. в Афины Венизелос начал кампанию в поддержку идеи Военной лиги о созыве ассамблеи для пересмотра устаревших статей конституции, но отмежевался от проектов установления в стране военной диктатуры³¹. Ему блестяще удалась роль «арбитра», и он даже заключил с руководителями партий большинства в парламенте — Раллисом и Теотокисом — договор о том, что Лига будет распущена после образования нового правительства, которое примет решение о Национальной ассамблее. Правительство С. Драгумиса, сформированное после отставки К. Мавромихалиса, заявило в феврале 1910 г., что главной его задачей является «подготовка Национального собрания как единственного выхода из нынешнего смутного положения страны», когда и правительство, и парламент утратили всякий престиж³².

Внутриполитическая ситуация в стране, усилившееся народное движение, неустойчивость монархии и другие события вызывали озабоченность всех великих держав, опасавшихся, что в Греции может произойти республиканский переворот. Не меньшими были

их опасения новой греко-турецкой войны в связи с возможностью участия в парламенте Греции критских представителей. Такая война угрожала бы миру на всем Ближнем Востоке. По сообщениям «Нового времени», турецкое правительство заявило, что будет рассматривать приход Венизелоса к власти в Греции как *casus belli*³³. «От лиги угрожают две опасности, — писала в те дни газета „Новая Русь“, — республиканский переворот и военное столкновение с Турцией»³⁴. В связи с этим Англия и Россия держали в греческих водах свои военные суда. «По всей вероятности, мы накануне серьезных переворотов, — писала с беспокойством та же газета, — которые, начавшись в Греции, очень легко могут иметь продолжение и в Испании с Португалией. В малых государствах Европы республиканские идеалы делают поразительные успехи, и уступчивое, примирительское поведение Георга имеет важность прямо общеевропейскую»³⁵.

События, развернувшиеся в Греции в 1909 г., были настолько острыми, что этой стране даже прочили республиканский путь. Но, как свидетельствуют о том документы, Греция в то время была еще далека от этого пути. Ни в программе Военной лиги, ни в программе и деятельности Э. Венизелоса не было и намек на республиканские преобразования. Все они выступали за изменения, реформы, но в рамках незыблемого монархического режима.

Вскоре Великобритания и Россия убедились, что Э. Венизелос не покушается ни на их интересы, ни на основы монархической власти и лояльно относится к королевской семье. Франция и Германия и раньше связывали с именем греческого лидера надежды на урегулирование политического кризиса. Они не возражали и против роспуска Военной лиги и прихода к власти правительства национального единства, так как получили от Э. Венизелоса заверение, что он не замышляет никакой военной авантюры. Великие державы пообещали Греции заем, как только будет распущена Военная лига, восстановлено конституционное правительство и дана гарантия, что не замышляется никаких военных предприятий³⁶.

Король Георг I, убедившись в умеренности и лояльности Венизелоса и поняв, что тот является единственным человеком, к голосу которого могло прислушаться взбунтовавшееся офицерство, после соответствующих консультаций с лидерами политических партий и по совету английского посланника Ф. Эллиота дал согласие на созыв Национального собрания, которое было единственным средством восстановить расшатавшиеся устои власти и освободиться от засилья Военной лиги. Венизелос, добившись своего, вскоре после переговоров заявил, «что кризис находится на пути к разрешению. Политические партии принимают идею Национального собрания, и лига будет упразднена тотчас после образования ревизионистского правительства». Несмотря на то что Венизелос отказался сформировать новый кабинет, его явные заслуги в переговорах с главами политических партий создали ему известную популярность в стране и обеспечивали возможность в любое время занять «весьма

почетное положение в правящих сферах Греции»³⁷. Отстаивая идею Национальной ассамблеи. Э. Венизелос еще не высказывался конкретно относительно своих планов на будущее; и только после назначения срока ее созыва он познакомил общественность в общих чертах со своей программой, характер которой и обеспечил ему место главы греческого правительства с 1910 по 1915 г. В этой программе содержалось обещание провести аграрную реформу, а также осуществить ряд преобразований, направленных на укрепление армии и флота.

Военная лига самораспустилась. Политика лавирования между монархией, оппозиционными партиями, Лигой и народными массами, проводимая Венизелосом, увенчалась его победой, и страна встала на путь мирных конституционных изменений. «То, чего все другие, вместе взятые, не могли достичь, Венизелосу удалось в несколько дней»³⁸.

Посол России в Константинополе А. И. Нелидов считал, что принятие идеи Национальной ассамблеи всеми политическими кругами объяснялось в первую очередь финансовыми затруднениями страны. На просьбу Греции о новом займе в Париже ответили: «...ни о каком займе для Греции не может быть и речи, пока будет существовать Военная лига, не будет восстановлено правильное конституционное правительство и дана гарантия, что не замышляется никаких военных предприятий»³⁹. Так как Греция не могла заключить займы без согласия государств, участвовавших в финансовой комиссии, то, конечно, одной из сил, определенно воздействовавших на политику Военной лиги, были европейские державы.

Объективно созревшая необходимость созыва Национальной ассамблеи отражала идею мирного разрешения всех тех острых проблем, которые стояли на повестке дня, что предотвратило бы новый взрыв народного возмущения. Ассамблея должна была внести существенные изменения в конституцию, провести аграрную реформу и т. д. Несмотря на то что эта идея принадлежала Лиге, среди самих офицеров возникли разногласия по поводу характера будущего Национального собрания. Одни считали, что оно должно быть Учредительным и изменить основные статьи конституции, ликвидировав тем самым многие прерогативы короля. Другие настаивали на его ревизионном характере: пересмотре лишь некоторых второстепенных статей конституции. «При подобных условиях и настроениях общественных кругов военному союзу остается только воспользоваться почетным путем к отступлению, предусмотрительно подготовленным ему здешними политическими деятелями при посредстве г-на Венизелоса», — доносил русский посланник⁴⁰. В рамках Военной лиги активизировалась группа офицеров во главе с адмиралом Кумундуром, требовавших отставки Зорбаса и роспуска Лиги, «как доказавшей свою неспособность к положительной деятельности и вредной для спокойствия страны»⁴¹. В итоге Военная лига практически прекратила свое существование, заявив, что «объявление выборов в Национальную ассамблею является завер-

шением реформаторской деятельности военного союза», и открыла путь к государственному управлению либеральной буржуазии.

Приход к власти Э. Венизелоса, который провозгласил в своей программе разрешение и социальных и национальных задач, был вполне закономерным. Рост недовольства существующими порядками в различных слоях общества, выступления крестьян и частично рабочих, формирование радикальных взглядов среди мелкой и средней буржуазии — все это заставило правящие круги сделать свою политику более гибкой. Вот почему происходит поворот к либеральным реформам.

По мнению греческого историка Т. Вурнаса, основная национальная задача Греции в начале XX в. — уничтожение власти старых олигархических партий, политика которых являлась главной причиной экономической и политической отсталости страны, — была решена восстанием в Гуди. После него, считает он, «в стране установилась новая, в какой-то степени народная политическая власть, представляющая собой полное согласие буржуазии и низших общественных классов. Начинается новый этап греческой революции, период превращения Греции в современное по форме государство, соответствующее историческим предписаниям эпохи»⁴².

События 1909 г. явились важным этапом в истории греческого государства. Восстание, которым руководило прогрессивное офицерство, создало предпосылки для прихода к власти первого правительства либералов, что в свою очередь способствовало пересмотру конституции и проведению в жизнь ряда реформ. Вместе с тем в силу ряда причин в Греции, как и на Балканах в целом, не произошло буржуазно-демократической революции в «чистом виде» и политическое развитие, в том числе развитие государственности, пошло по эволюционному пути. Греческая буржуазия по мере укрепления своей власти все более склонялась к реформизму. В результате события привели к объединению сил монархии и буржуазии и движение было направлено в мирное русло социально-экономических и конституционных реформ, приведших страну к буржуазно-демократическим преобразованиям.

Весной 1910 г. состоялись выборы в Национальное собрание на Крите, где убедительную победу одержали Э. Венизелос и его сторонники. Победа рассматривалась ими как первый шаг на пути мирного воссоединения Крита с Грецией; вторым шагом должен был стать приход критского вождя к власти в Афинах. Однако державы настаивали на том, чтобы критские депутаты не были посланы для участия в греческом Ревизионном собрании. Э. Венизелос дал обещание «державам-гарантам», что он не допустит этого.

Летом, в период предвыборной кампании в Греции, Д. Раллис и Г. Теотокис объединили усилия, чтобы помешать своему талантливому конкуренту одержать победу. Несмотря на крепкий союз реакционных сил, в новую палату тогда было избрано около половины депутатов, не принадлежавших к числу старых партий и называвших себя «независимыми». При этом большинство из них признавало своим лидером Э. Венизелоса. Как писали газеты тех

лет, сами избиратели предпочитали отдавать голоса за незнакомых им лиц, лишь бы они не принадлежали к бывшей правящей олигархии⁴³.

14 сентября 1910 г. открылась Национальная ассамблея, в которой впервые в истории страны приняли участие 44 агрария из Фессалии и десять социалистов — сторонников аграрной реформы и других преобразований. Большинство в парламенте принадлежало к так называемым независимым, присоединившимся позже к венизелистам⁴⁴. Приезд Венизелоса в Афины 18 сентября был триумфальным. Поверенный в делах России в Греции Татищев писал, что «это была не встреча депутата, а торжественный въезд народного героя, спасителя отечества»⁴⁵. Э. Венизелос выступил перед своими сторонниками и жителями города с речью, имевшей программный характер и раскрывавшей его замыслы изменения того «безобразного положения», которое существовало в Греции. Он высоко оценил движение в армии, которое было «военным только по реформе, ибо побуждения, руководящие им, разделялись всем эллинским народом». «Современное положение в Греции, — по мнению Э. Венизелоса, — являлось весьма безотрадным... Вооруженные силы страны, ее экономика, правосудие, образование и даже религия находятся в стадии разложения. Тяжелые (жизненные. — *Авт.*) условия вынуждают население к эмиграции, которая приняла колоссальные размеры. В ряду других балканских государств... Греция отодвинута на последнее место». Давая оценку деятельности военных, Венизелос также отмечал, что беда Военной лиги заключалась в отсутствии положительной программы действий, и поэтому в критическую минуту ее вожди обратились к нему за помощью. Он также высказал твердое убеждение, что армия должна теперь незамедлительно вернуться к своим обязанностям, а преобразование страны предоставить самому народу. Существенным моментом можно считать заявление нового депутата, что он «явился в Грецию не в качестве главы определенной партии... а лишь глашатаем новых идей, на защиту которых он зовет всех, кому дорого преуспевание Родины»⁴⁶. Венизелос высказался в поддержку монархической власти, заявив, что «возможности короны не были еще достаточно изучены ... что он лично верит в нее», и поэтому ассамблея не должна изменять конституцию целиком.

Выступая перед собравшимися, Венизелос сказал, что, поскольку Георг I сделал ошибку в прошлом, ему теперь следует возглавить реформаторское движение одному, когда же он охарактеризовал будущее собрание как ревизионное, толпа кричала: «Нет! Учредительное!» Однако Венизелос очень спокойно и твердо вновь отвечал: «Ревизионное!»⁴⁷. Конституционная монархия, по его мнению, подходила идеально для Греции. Венизелос обещал приложить все силы для проведения необходимых оздоровительных реформ в области социальной и политической жизни, заверив, что ему будет помогать создаваемая им либеральная партия⁴⁸. Это была первая крупная политическая партия, защищавшая интересы растущей торгово-промышленной буржуазии, банковского и судо-

владельческого капитала, а также той части землевладельцев, которые стояли за внедрение новых капиталистических методов в сельское хозяйство. В нее вошли также юристы и учителя, молодое поколение служащих и офицеров из Военной лиги, а впоследствии была даже вовлечена часть крестьянства и рабочего класса.

Вскоре, 18 октября 1910 г., умело используя борьбу Лиги и старых партий, Венизелос добился того, что он был назначен Георгом I премьер-министром, отказавшись от роли критского лидера. В новом правительстве, состоявшем из сторонников Венизелоса, он получил также портфели военного и морского министров.

«С отставкой кабинета Драгумиса, задача которого заключалась в подготовке и созыве Ревизионного собрания, — писал С. Свербеев, — заканчивается первый период греческой революции, который, к счастью, не принял серьезных и опасных для династии и страны размеров только благодаря отсутствию смелости и энергии со стороны Военной лиги»⁴⁹. В одном из первых циркуляров Венизелос призвал военных вернуться к своим прямым обязанностям и «вновь стать опорой престола и охранителями порядка». С политической деятельностью Военной лиги было покончено. Однако задача ликвидации сопротивления старых партий, которые, как и на предыдущих сессиях парламента, попытались было бойкотировать новое правительство, оставалась нерешенной. Тогда новоиспеченный премьер предпринял следующий маневр: он подал в отставку, организовав одновременно митинги, на которых его сторонники выступили против оппозиции. После того как король не принял его отставки, Э. Венизелос вернулся к государственным делам и при помощи ряда хитроумных маневров добился роспуска Национальной ассамблеи, где он не имел большинства, и назначения новых выборов. Георг I выступил с заявлением, в котором полностью одобрил взгляды Венизелоса и пожелал встать во главе «мирной восстановительной борьбы»⁵⁰. Венизелос сумел объединить своих сторонников в первую по настоящему либеральную политическую партию в отличие от предыдущих «личных» партий. В результате он одержал полную победу на декабрьских выборах того же года в Национальную ассамблею, которая получила название «Ревизионной», так как должна была ограничиться пересмотром ряда статей и законов. В ходе предвыборной кампании буржуазно-либеральная партия Э. Венизелоса стала первой в истории греческого государства политической организацией с четкой программой и действенным аппаратом, начиная с центрального руководства до разветвленной сети местных организаций, возникших во всех крупных городах.

Объезжая страну и выступая перед избирателями, а также держа под контролем греческую прессу, Венизелос заявлял, что станет «архитектором честной современной администрации, которая будет способствовать внутреннему прогрессу и вызовет внимание и уважение к себе на международных переговорах». Он клеймил коррупцию и ошибки предыдущих правительств, которые привели Грецию к «полному унижению, при этом он подчеркивал, что

надеется на поддержку короля»⁵¹. Э. Венизелос получил вотум доверия большинства греческого народа. Он призывал «голосовать за победу правительственного блока, чтобы он полностью смог взять на себя ответственность за успех или неуспех правительственной программы»⁵².

Желая привлечь на свою сторону независимых, аграриев и социалистов, новый глава кабинета обещал немедленно разработать и провести в жизнь аграрную реформу и социальное законодательство. Его политическая программа была популярной, приемлемой для монархии и отвечавшей вместе с тем интересам большинства городской буржуазии и государственных служащих.

В новом парламенте сторонники Э. Венизелоса получили 260 из 346 мест, социалисты — семь, аграрии — 23⁵³. Большинство «независимых» предпочло членство в либеральной партии.

Э. Венизелос и либералы с уже проявившими себя в период предвыборной борьбы методами гибкого маневрирования и политических компромиссов были теперь более удобны монарху, чем дискредитировавшие себя старые партии. Георг I поддержал «восстановительные» действия Венизелоса.

Приход Э. Венизелоса к власти был расценен великими державами как гарантия мира и спокойствия не только в Греции, но и на Балканах. Им импонировала внешнеполитическая программа премьера, в которой отразилось стремление Греции к миру и спокойствию на Ближнем Востоке; намерения поддерживать нормальные отношения с Турцией, восстановление государственных отношений между Грецией и Балканскими странами.

По мнению дипломатов-современников, с приходом этого выдающегося критянина к власти начинался новый, мирный этап «греческой революции», целью которого «является обновление обветшавшего строя государственной жизни Греции»⁵⁴. Это мнение и сейчас разделяет большинство греческих и зарубежных историков.

На рассмотрение созванной 21 января 1911 г. ассамблеи был представлен первоначальный вариант поправок к конституции. Затем к работе приступила конституционная комиссия из 30 депутатов и шести видных государственных деятелей, распределившая между собой 111 статей конституции 1864 г. для внесения изменений в ее текст. Непосредственное участие в разработке новых положений принимал также король⁵⁵. Работа комиссии продолжалась полгода и завершилась в мае 1911 г., в конституцию были внесены 54 поправки. Греция из государства «переходного типа» превратилась в буржуазное, был открыт простор для свободного развития капитализма.

Конституционные изменения вместе с тем не посягали на королевскую власть. Сохранив династию Глюксбургов, буржуазия оставляла за собой возможность «прятаться за трон». Греческое государство провозглашалось конституционной монархией. В неприкосновенности остались статьи о форме государственной власти и праве на престолонаследие. Учитывались и интересы крупных

земледельцев, основным источником доходов которых была земля. С развитием капиталистических отношений они сами становились частью буржуазии. Капиталистом был и монарх, которому принадлежали крупные латифундии и который одновременно был предпринимателем и играл на бирже. Все это приводило к сглаживанию противоречий между землевладельцами и буржуазией, что облегчало достижение соглашения между ними. Наиболее важные изменения касались дальнейшего разделения полномочий законодательной, исполнительной и судебной властей; уточнения функций короля, парламента и правительства. Права и обязанности парламента, который ранее был подчинен королю и созывался по его указанию, расширялись и конкретизировались. Он превращался в высший, постоянно действующий орган государственной власти. Полномочия парламента увеличивались: ни один законопроект не мог быть принят без его предварительного обсуждения и голосования. Кворум повышался с $1/2$ до $2/3$ числа всех депутатов, при этом ни один из членов парламента не мог отсутствовать без уважительной причины. Это должно было положить конец обструкционистской тактике и наладить дисциплину. Право роспуска парламента королем ограничивалось одним разом в год⁵⁶.

Одной из основных функций парламента, как указывалось в ст. 59, являлось утверждение государственного бюджета. Устанавливалось, что никакой налог не мог быть взят или наложен без специального закона, за исключением тех, что взимались с торговцев иностранными товарами в обычном порядке⁵⁷. Эта поправка полностью отвечала нуждам развивавшейся национальной промышленности.

В новом качестве консультативного органа восстанавливался государственный совет. В его функции входило рассмотрение законопроектов, передаваемых ему советом министров (только после этого они могли утверждаться парламентом); разрешение спорных вопросов, входящих в круг компетенции госсовета в соответствии с законом; принятие апелляции по поводу злоупотребления властью; осуществление дисциплинарного контроля за служащими, занимавшими посты пожизненно⁵⁸. Государственный совет, состоявший из 20—25 человек, назначался королевским декретом по предложению совета министров сроком на десять лет. Однако его решения не были обязательными для правительства. Высшей судебной инстанцией, наряду с государственным советом, был ареопаг (совет судей). Служащие этого учреждения — советники, королевские прокуроры и судьи — назначались пожизненно. Проверка правильности выборов в парламент, в случае обжалования, осуществлялась ареопагом, что сокращало межпартийные споры. Восстановление государственного совета и улучшение работы судебных органов способствовали укреплению государственного аппарата и в какой-то степени демократизации государственного строя.

Длительные прения в комиссии вызвала ст. 17, в которой говорилось, что «никто не может быть лишен своей собственности,

кроме как в случае общественной пользы»; а в дополнительном параграфе указывалось, что аграрный вопрос может быть решен только путем экспроприации крупных землевладений. Восторжествовала точка зрения Э. Венизелоса, который отстаивал необходимость принудительного отчуждения поместий в пользу государства с целью наделения земель крестьян. Он указывал, что феодальные отношения являются оковами для сельской экономики, в то время как создание, например в Фессалии, мелких фермерских хозяйств поднимает ее на более высокую ступень развития. Было решено ликвидировать десятину, натуральную ренту и другие феодальные повинности⁵⁹.

Большое внимание уделялось расширению и укреплению административного аппарата: стабилизировалось положение чиновничества, которое, в частности, получило гарантии определенных сроков пребывания в должности.

Устанавливалось всеобщее обязательное бесплатное начальное образование при сохранении частных школ. Начальное образование передавалось из ведения местного самоуправления правительству (в 1910 г. неграмотные среди мужчин составляли 50%, среди женщин — 80%)⁶⁰.

Уступкой со стороны правительства либералов, многие из которых, в том числе и сам Венизелос, были «демотикистами», старым элитарным кругам и православной церкви было сохранение в качестве государственного языка кафаревусы, на котором говорили греческая аристократия и церковные деятели. Большинство населения Греции говорило на более простом наречии — «демотики», и передовая интеллигенция боролась за превращение его в государственный язык⁶¹.

Новый текст конституции содержал статьи о праве греков создавать организации, о свободе слова, печати. В то же время сделанные дополнения расширяли права органов власти на аресты, запрещения публичных собраний и т. д. во время политических кризисов⁶².

В конце мая 1911 г. парламентская делегация вручила королю текст конституции, после чего возглавлявший ее Н. Стратос и Георг I обменялись речами, основной смысл которых сводился к тому, что введение конституции должно стать началом новой эры в жизни народа Эллады. 1 июня 1911 г. конституция была обнародована*, а ассамблея, сократив число своих депутатов вдвое, немедленно приступила в качестве обычной сессии парламента к утверждению законов в соответствии с новым порядком.

Одновременно с исправлением конституции правительство Греции осуществляло меры по стабилизации финансов: ввело подоходный и поземельный налоги, утвердило проект нового бюджета, отличавшегося от предыдущих тем, что расходы не превышали

* Конституция 1911 г. просуществовала до 1952 г. Новая конституция была разработана на основе венизелистской.

доходов. К декабрю 1911 г. в распоряжении казны оказались уже 79 млн драхм, которые были истрачены с остатком в 11 млн драхм на нужды армии и флота, на приобретение судов пограничной охраны, оборудование гаваней, на аграрные и немалая часть — на культурные нужды⁶³.

Под давлением усилившегося массового крестьянского движения в Фессалии и других районах правительство вынуждено было ускорить проведение аграрной реформы, начатой еще в 1907 г. Она, по замыслу греческого премьер-министра, должна была привести к укреплению фермерства, т. е. к утверждению капитализма в деревне, и повысить его личный авторитет среди основной массы греческого населения — крестьянства. Законами 1911 и 1912 гг. было завершено уничтожение громадных фессалийских поместий, феодальных пережитков (полностью упразднены феодальные отношения на Корфу), создано министерство сельского хозяйства⁶⁴. Условия, на которых осуществлялся выкуп земель, были таковы, что ими могли воспользоваться в основном зажиточные крестьяне. Венизелос признавал, что аграрная проблема была решена частично.

Проведение целого комплекса реформ потребовало значительного увеличения и централизации органов управления. Был создан довольно крепкий аппарат постоянных государственных служащих в центре и на местах, состоявший в основном из венизелитов⁶⁵. Реформы коснулись и судебной администрации, находившейся в состоянии полного развала: улучшались скандально тяжелые условия заключения в тюрьмах, уточнялись и пересматривались причины ареста и заключения⁶⁶.

Либеральное правительство Э. Венизелоса, озабоченное усиливавшимся в 1910 г. забастовочным движением, осуществило целый ряд социальных мер: принял фабричное законодательство, установило минимум зарплаты для детей и женщин, сделало воскресенье выходным днем, издало законы относительно разрешения спорных вопросов между рабочими и предпринимателями, об образовании рабочих профсоюзов, касс взаимопомощи и т. д.⁶⁷ Все это были сознательные уступки рабочему классу. Настаивая на издании этих законов, премьер рассчитывал на ослабление классовой борьбы в стране и привлечение части пролетариата на свою сторону. Таким путем «либеральная партия обезопасила себя от социальных потрясений и защищала интересы буржуазного государства решительнее, чем любая полиция и военная сила»⁶⁸.

Всего за 1911—1912 гг. были изданы около 400 новых законов. В тот же период улучшилось финансовое положение страны. За 14 месяцев правления венизелитов, получивших крайне запутанное финансовое наследие с неизменным дефицитом бюджета, было выправлено финансовое положение страны; курс драхмы стабилизировался и сравнялся с франком, сумма доходов превысила расходы и т. д.⁶⁹ Все это способствовало росту популярности Э. Венизелоса и его партии, что подтвердили новые всеобщие парламентские выборы в марте 1912 г., на которых венизелиты получили 145 из 181 места, представители старых партий Г. Теотокиса

и Д. Раллиса соответственно 15 и шесть мест, социалисты — шесть, «независимые» — два⁷⁰. К моменту выборов либеральная венизелистская партия представляла собой массовую организацию, имевшую разветвленную сеть ассоциаций — «клубов» — в избирательных округах по всей стране, централизованное руководство, поддерживавшее строгую партийную дисциплину. Прочные позиции, занятые партией в парламенте, являлись гарантией его полной поддержки политики правительства. Олигархические партии потерпели сокрушительное поражение.

Греческое правительство прежде всего обращало внимание на усиление вооруженных сил страны: оно реорганизовало и модернизировало военно-морской флот, используя финансовую помощь со стороны Франции и Англии, предоставивших Греции заем в 110 млн драхм. Велись переговоры о займе в США. В результате укрепилась армия, куда были возвращены офицеры, отстраненные от своих постов Военной лигой. Генерал-инспектором был назначен престолонаследник Константин, ранее находившийся не у дел (тем самым Венизелос заслужил расположение Вильгельма II, сестра которого Софья была замужем за принцем).

Греческие историки всех направлений (современные и начала века) высоко оценивают эту деятельность Э. Венизелоса. С его именем они связывают начало нового периода в истории страны. Так, Я. Кордатос все преобразования правительства Э. Венизелоса расценивает как значительный толчок социально-экономическому развитию Греции. Г. Склирос называет это время «периодом восстановления», Н. Зворонос и К. Папаригопулос — «временем превращения Греции в современное государство»⁷¹. Есть крайние мнения, например М. Николинакоса, о том, что развитие капитализма вообще началось в стране только после революции в Гуде в 1909 г.⁷²

В подобных оценках есть некоторая доля преувеличения, но не вызывает сомнения, что реформы Венизелоса способствовали укреплению политической власти буржуазии. Убрав феодальные пережитки, они расчистили путь для развития капитализма, а сам лидер либералов сыграл значительную роль в благотворных конституционных преобразованиях государственного строя страны.

Действительно, парламентаризм в Греции при либералах был поднят на новый, современный уровень. Вместе с тем нельзя не учитывать того, что им не удалось до конца перестроить государственный механизм и решить наиболее острые проблемы, стоявшие перед страной и народом.

Греческий исследователь С. Маркезинис в своем восьмитомном серьезном исследовании приходит к заключению, что события 1909 г. ознаменовали приход греческой буржуазии к политическому управлению, что в развитых европейских государствах произошло еще в XIX в., и открыли новую эру греческой истории. В то же время восстание, для которого была характерна «архиреволюционная атмосфера», не привело к подлинно радикальным преобразованиям. «Революция произошла очень быстро, и она сама забыла, что

является революцией». Маркезинис пишет, что, «хотя революционное собрание занялось пересмотром отдельных статей конституции, тем не менее оно не смогло привести к изменению формы государственного строя в стране». Вместе с тем автор рассматривал этот период греческой истории как «великий скачок вперед», когда решительно был изменен старый политический уклад и достигнуты успехи в стабилизации финансов страны, а также были созданы условия для свободного развития капитализма⁷³. Венизелос имел все основания в предвыборной речи в Патрасе в марте 1912 г. произнести: «Мы горды тем, что работали не над составлением себе партии, но на пользу страны. Идея греческой государственности находит себе все больше сторонников. Иностранцы начинают уже ценить ее, ибо она ведет страну твердым шагом к возрождению. Исходивший было с верхов государства пессимизм, убивавший веру в будущее, рассеян. Душа нации окрылена надеждой на достойное прошлого будущее Греции»⁷⁴.

Укрепив государственный аппарат, финансы, наладив функционирование государственных институтов, сплотив вокруг себя верных сторонников в правительстве и парламенте, а также заручившись поддержкой Георга I, которого глава кабинета министров начал постепенно оттеснять от государственной деятельности, греческий премьер-министр все свое внимание сосредоточил на решении внешнеполитических задач, ставя во главу угла идею Балканского союза — союза Греции, Сербии, Черногории и Болгарии, направленного против Турции, с целью пересмотра берлинской системы 1878 г. и отмены статус-кво. Освобождение все еще находившихся под властью Османской империи территорий, которые должны были по праву принадлежать Балканским государствам, облегчалось кризисом турецкой феодальной системы. За короткий срок были установлены тесные политические контакты и подписаны необходимые документы о союзе и военном сотрудничестве с Болгарией, Румынией, Сербией и Черногорией (при этом были искусно обойдены молчанием территориальные вопросы), мобилизованы ресурсы и созданы боеспособные вооруженные силы. Во внутренней политике Э. Венизелосу удалось привнести новое содержание в «мегали идею». Его программа достижения «единства нации и единения всех греков с родиной», приобретая все большую популярность, на время прекратила затяжную, ослаблявшую государство борьбу политических партий за власть. В октябре 1912 г. Греция в составе сильной военно-политической коалиции вступила в войну с Турцией. Началась I-я Балканская война, имевшая для коалиции освободительный характер. Успехом Венизелоса явилось окончательное присоединение к королевству Крита, депутаты которого были допущены в афинский парламент.

¹ Никитина Т. В. Греция накануне первой мировой войны: особенности внутриполитического развития. М., 1984.

^{1а} Архив внешней политики России. Ф. Политархив. 1909. Д. 293. Л. 39—40. (Далее: АВГР).

² Там же. Д. 325. Л. 6.

- ³ Там же. Ф. Канцелярия. Д. 140. Л. 8.
- ⁴ Там же. Ф. Политархив. 1909. Д. 325. Л. 5.
- ⁵ Там же. Л. 6.
- ⁶ Русские ведомости. 1909. 10 июля.
- ⁷ АВГР. Ф. Канцелярия. Д. 140. Л. 37.
- ⁸ Ζόρμπας Ν. Απομνημονεύματα της Επαναστάσεως της 15.8.1909. Βλ. Τα φοβερά ντοκουμέντα. Γουδί. Το κίνημα του 1909. Αθήναι, 1976. Σ. 167—168.
- ⁹ АВГР. Ф. Политархив. 1909. Д. 2324. Л. 1.
- ¹⁰ Dakin D. The unification of Greece, 1770—1923. L., 1972. P. 181.
- ¹¹ Jelavich Ch. and B. The establishment of the Balkan national states, 1804—1920. Wash. (D. C.), 1980. P. 177.
- ¹² Cambell J., Sherrard Ph. Modern Greece. L., 1963. P. 110.
- ¹³ АВГР. Ф. Политархив. 1909. Д. 324. Л. 7.
- ¹⁴ Χρόνος. 1909. 18. VIII. Βς. Τα φοβερά ντοκουμέντα. Σ. 234; Σκρίπ, 1909. 17. VIII. Ο. π. Σ. 231; Ακρόπολις. 1909. 19. VIII. Ο. π. Σ. 228—229.
- ¹⁵ Русские ведомости. 1909. 24 сент.
- ¹⁶ Никитина Т. В. Греция накануне... С. 33.
- ¹⁷ АВГР. Ф. Политархив. 1909. Д. 2324. Л. 59.
- ¹⁸ Там же. Д. 323. Л. 150.
- ¹⁹ Kerofilas C. Elefterios Venizelos: His Life and Work. L., 1915. P. 55.
- ²⁰ Никитина Т. В. Социально-политический кризис и государственный переворот 1909 г. в Греции / Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1976. № 4.
- ²¹ АВГР. Ф. Политархив. 1909. Д. 323. Л. 150.
- ²² Μαρκεζίνης Σ. Πολιτική ιστορία της νεώτερης Ελλάδας. Τ. 8. Αθήναι, 1968. Σ. 30—31.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Цит. по: Никитина Т. В. Греция накануне... С. 32.
- ²⁵ АВГР. Ф. Политархив. 1909. Д. 325. Л. 21.
- ²⁶ Никитина Т. В. Греция накануне... С. 31.
- ²⁷ АВГР. Ф. Канцелярия. Д. 28. Л. 54.
- ²⁸ Ζόρμπας Ν. Απομνημονεύματα... Σ. 199—200.
- ²⁹ Галкин И. С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции, 1905—1912. М., 1965.
- ³⁰ Цит. по: Никитина Т. В. Греция накануне... С. 50.
- ³¹ АВГР. Ф. Политархив. 1910. Д. 324. Л. 98, 110; Cambell J., Sherrard Ph. Modern Greece. P. 189.
- ³² Цит. по: Никитина Т. В. Греция накануне... С. 48.
- ³³ АВГР. Ф. 2-я газетная экспедиция. Д. 521. Л. 65.
- ³⁴ Цит. по: Никитина Т. В. Греция накануне... С. 49.
- ³⁵ АВГР. Ф. 2-я газетная экспедиция. Д. 523. Л. 16.
- ³⁶ Там же. Ф. Политархив. 1910. Д. 2324. Л. 137.
- ³⁷ Там же. Л. 177.
- ³⁸ Московский еженедельник. 1910. № 6.
- ³⁹ АВГР. Ф. Политархив. 1910. Д. 2324. Л. 137.
- ⁴⁰ Kerofilas C. Elefterios Venizelos. P. 57.
- ⁴¹ Цит. по: Никитина Т. В. Греция накануне... С. 53.
- ⁴² Никитина Т. В. Социально-политический кризис... С. 36.
- ⁴³ АВГР. Ф. 2-я газетная экспедиция. Д. 521. Л. 80.
- ⁴⁴ Cambell J., Sherrard Ph. Modern Greece. P. 111.
- ⁴⁵ АВГР. Ф. Политархив. 1910. Д. 2324. Л. 247.
- ⁴⁶ Там же. Л. 247.
- ⁴⁷ Παπακόσμος Σ. Ο Βενιζέλος και το πρόβλημα της ενγκαθήδηρσης της ανασιλεύτης δημοκρατίας στην Ελλάδα, 1916—1920. Στο: μελετήματα γύρω από τον βενιζέλο και την εποχή του. Αθήνα. 1980. Σ. 486.
- ⁴⁸ Dakin D. The unification... P. 185.
- ⁴⁹ АВГР. Ф. Политархив. 1910. Д. 326. Л. 155.
- ⁵⁰ Δαφνής Γ. Τα ελληνικά πολιτικά κόμματα. 1821—1961. Αθήναι, 1961. Σ. 118.
- ⁵¹ Christmas W. King George of Greece. L., 1914. P. 121.
- ⁵² Δαφνής Γ. Τα ελληνικά... Σ. 121.
- ⁵³ Dakin D. The unification... P. 311.
- ⁵⁴ АВГР. Ф. Политархив. 1910. Д. 326. Л. 155.

- ⁵⁵ *Kaltsas N.* Introduction to the constitutional history of modern Greece. N. Y., 1940. P. 186.
- ⁵⁶ *Christmas W. King George...* P. 296.
- ⁵⁷ АВПР. Политархив. 1911. Д. 328. Л. 71 об.
- ⁵⁸ Μαρκεζίνης Σ. Πολιτική Ιστορία... Τ. 3. Σ. 89; *Dakin D.* The unification... P. 177.
- ⁵⁹ *Κορδάτος Ι.* Ιστορία της Νεωτερας Ελλάδας Αθήναι, 1958. Τ. Β. Σ. 162.
- ⁶⁰ АВПР. Ф. Политархив. Д. 328. Л. 70. 73.
- ⁶¹ Там же. Л. 70—73.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Никитина Т. В.* Греция накануне... С. 94.
- ⁶⁴ Ευελπίδη Χ. Οικονομική και κοινωνική ιστορία της Ελλάδος. Αθήναι, 1956. Σ. 61.
- ⁶⁵ *Cambell J., Sherrard Ph.* Modern Greece. P. 116.
- ⁶⁶ *Dakin D.* The unification... P. 187.
- ⁶⁷ *Jelavich Ch. and B.* The Establishment... P. 177.
- ⁶⁸ *Cambell J., Sherrard Ph.* Modern Greece. P. 112.
- ⁶⁹ *Κορδάτος Ι.* Ιστορία... Τ. 13. Σ. 170.
- ⁷⁰ *Dakin D.* The unification... P. 311—312.
- ⁷¹ Σκλήρος Γ. Εργα. Αθήναι, 1976.
- ⁷² Νικολινάκος Μ. Μελέτες πάνω στον ελληνικό καπιταλισμό. Αθήναι, 1976. Σ. 23.
- ⁷³ Μαρκεζίνης Σ. Πολιτική ιστορία... Τ. 8. Σ. 30—31.
- ⁷⁴ АВПР. Ф. Политархив. Д. 330. Л. 27.

ПОПОРАНИЗМ, ЦАРАНИЗМ И ПУТИ РАЗВИТИЯ РУМЫНИИ

В. Н. Виноградов, Т. А. Покивайлова

На рубеже XIX—XX вв. в Европе получила распространение доктрина аграризма, румынским вариантом которого явился царанизм — учение о приоритетной роли в экономической и социальной жизни крестьянства. Появление его было отнюдь не случайно. Четко обозначившееся малоземелье крестьянства, растущая помещичья эксплуатация переплетались с новыми формами угнетения со стороны капиталистического города: с тяжелыми условиями банковских кредитов, «ножницами цен» на промышленные товары и сельскохозяйственные орудия, с одной стороны, продовольствие и поставляемое деревней сырье — с другой. В Румынии эти процессы ощущались исключительно болезненно. Миллионная масса крестьян владела лишь половиной земельного фонда, другая принадлежала нескольким тысячам помещиков. Последние, в конкурентной гонке с высокопродуктивным хозяйством США, Канады, Западной Европы на мировых рынках все туже сжимали петлю эксплуатации селян. Арендная плата достигла и даже превышала половину урожая. Ответом деревни явилось мощное крестьянское восстание 1907 г., протактившееся по всей стране.

Либерально-консервативная олигархия, управлявшая Румынией, помимо расстрелов, пыток и тюрем, порки населения целых сел, провела реформы в столыпинском духе, стремясь насадить в деревне прослойку «крепких мужиков», пустив в продажу ограниченное количество земли, расширив систему кредитов и кооперации. Поставленной задачи она не решила, социальной напряженности не снизила. В течение десятилетий румынское крестьянство оставалось пассивным наблюдателем в массе избирателей либеральной и консервативной партий. Но время послушного следования за «своим боярином» истекло. Все интенсивнее становятся попытки идеологического и политического обоснования особых интересов крестьянства во всех сферах социальной и политической жизни и необходимости его организационного размежевания с партиями олигархии. Поиски шли с опорой на теоретическое наследие лучших умов прошлого, на выработанные ими концепции развития сельского хозяйства как решающего звена всей экономики страны.

Завершенную концепцию в середине прошлого столетия разработал выдающийся революционер-демократ, но не социалистического, а уравнительного направления Н. Бэлческу, активный участник революционных событий 1848 г. Он возвысился до понимания того, что все социальные проблемы его времени группировались вокруг одной — феодального аграрного строя, и боролся за их революционное решение. Боярство он именовал «гангреной», свирепствовавшей в дни мира и войны. Силой, обманом,

с помощью юридического крючкотворства захватило оно земли некогда свободного крестьянства: «Самые одиозные процессы и ныне происходят в трибуналах двух княжеств; похитить у крестьянина его парцеллу считается делом чести... Крестьянство деградирует и деморализуется в результате неволи и нищеты; боярство — от богатства и произвола»¹.

Но резкое осуждение собственности у Бэлческу относится лишь к одной ее форме — феодальной; он поясняет, что все то зло, что он клеймит, происходит не от порочности самого принципа собственности, а от злоупотребления при его воплощении в жизнь. Сама же «собственность породила сельское хозяйство, торговлю, промышленность и все чудеса цивилизации». Достаточно привести закон в соответствие с требованиями прогресса — и общество расцветет. Нужно лишь «предоставить каждому... прежде всего землю, а затем капитал, необходимый для ее обработки». По его представлению, достаточно запретить продажу земли за пределы общины, создать национальный земельный фонд и возможность экспроприации крестьян — исчезнет и прекратится «эксплуатация человека человеком»².

Величие борьбы и узость целей крестьянства отразились в мировоззрении Бэлческу; с точки зрения социальной он не перешагнул крестьянского требования раздела земли. Более того, на «черный передел» он не замахивался. По существовавшему со времен средневековья обычаю помещик отдавал две трети своей земли крестьянам за оброк, а оставшуюся треть обрабатывал их барщинным трудом. Бэлческу полагал, что эти две трети надо передать селянам в собственность. Он не только соглашался на сохранение, в урезанном виде, помещичьей собственности, но и предусматривал выкуп, точнее, откуп, известную компенсацию боярам, ибо он считал подобную меру не справедливой, а социально целесообразной, рассматривая ее как способ избежать гражданской войны.

В 1864 г. была наконец осуществлена аграрная реформа и отмена барщины на основах, далеких от «подрывных принципов». Материальные интересы помещиков учитывались в полной мере. Наделение производилось в первую очередь за счет государственного земельного фонда, у крупных землевладельцев отрезали 1,2 млн га, или приблизительно четверть принадлежавших им площадей. На крестьян был наложен тяжелый выкуп, примерно в полтора раза превышавший реальную стоимость полученных ими наделов. Размеры участка зависели от имевшегося в крестьянском хозяйстве рабочего скота. Владельцам полной упряжки (четыре быка) полагалось 5,5 га в Валахии и 7,3 в Молдове (всего 72 тыс. дворов); 202 тыс. середняков получили в среднем по 4,4 гектара; 134 тыс. бедняков — по 2,9 га, 60 тыс. семей — лишь приусадебные участки.

Эйфория в деревне по случаю приобретения земли продолжалась недолго. В 1865 г. страну поразила засуха и недород, нанешие удар не только по экономике, но и по надеждам селян. В условиях экстенсивного земледелия той поры минимум земли, необходимый

для ведения самостоятельного хозяйства, составлял 5 га. Такая площадь требовалась, чтобы прокормить семью, обеспечить фуражом скот, продать часть урожая, уплатить налоги и сделать самые нужные, определяемые невероятно скромной жизнью покупки. Меньше четверти «наделенных» получили такие участки. Все прочие, избавившись от бича барщины, попали в тиски малоземелья. Выход открывался один — брать землю в аренду у «боярина» или наниматься обрабатывать его угодья со своим рабочим скотом, инвентарем и семенами.

Мировой аграрный кризис 70-х годов больно ударил по Румынии. Стремясь выдержать конкуренцию дешевого зерна из США и Канады, появившегося на европейских рынках, румынские помещики отягчали условия аренды и обработок. Помещик стал забирать у арендатора треть, а то и половину урожая.

Конечно, потребовалось какое-то время, чтобы выявилась слабость и недостаточность реформы 1864 г., и общественная мысль вновь обратилась к жгучему аграрному вопросу. В крестьянской по преимуществу стране встал он и перед участниками зародившихся в 70-е годы революционных кружков. В их числе было немало народников, выходцев из России. Н. Зубку-Кодряну и К. Доброджану-Геря оставили заметный след в политической жизни страны; можно упомянуть также Н. К. Судзиловского-Русселя, зятя В. Г. Короленко, В. Г. Ивановского (доктора А. Александрова), З. Арборе-Ралли, П. Аксельрода, Н. Чубарова, А. Дическу. Они принесли с собой теоретический багаж народничества и ореол непреклонных борцов против тирании.

Но имела ли в Румынии почва для распространения народнического движения? Существовали ли условия для того, чтобы семена идей, принесенных из России, дали всходы?

Сходной была социально-экономическая структура в двух странах: пережитки феодализма в сельском хозяйстве; малоземелье деревни, значительные элементы внеэкономического принуждения, политическое бесправие и беспросветная нужда — все это роднило румынскую действительность с российской. Близким был и взгляд передовых мыслителей на крестьянство как на основную силу революционного прогресса. Но имелись и кардинальные различия.

Община в румынской деревне прекратила существование; крестьянство стремилось в ходе многочисленных выступлений, иногда перераставших в восстания, получить помещицу землю в собственности. Идея «крестьянского социализма» его не вдохновляла. Исходная точка всех народнических построений в Румынии не существовала. Призыв некоторых участников социалистических кружков: «Надо бороться против фальшивого мнения о разделе земли и проповедовать принцип общей собственности, без которой ничего нельзя сделать», — не встречал здесь отклика³.

Отличными были и политическая обстановка, и идейный климат в стране. Самодержавия не существовало, не было иллюзии всемогущества верховной власти и отсутствовал соблазн ее искоренения путем насильственного устранения единственного ее носителя.

Террористическая тактика народовольцев не встречала сколько-нибудь серьезного отклика.

По всем этим причинам заметного воздействия на формирование аграрной программы прогрессивных сил Румынии народники не оказали. Но идея о первенствующем значении крестьянства в судьбах страны, сохранившаяся после периода «бури и натиска» «Народной воли», унаследованная либеральным течением во главе с Н. К. Михайловским, идея, имевшая глубокие корни в Румынии, продолжала играть значительную роль. И не случайно в стране получил широкое развитие попоранизм (само название — точный перевод русского слова «народничество»), сложное общественно-политическое, литературное и культурное течение, объединявшее тех, кто, по словам его лидера Г. Ибразиану, «сочувствует и жалеет крестьянина» и считает своим долгом исполненную энтузиазма работу во имя его блага. К течению примкнула плеяда выдающихся писателей, таких, как И. Л. Караджаде, Дж. Кожбук, Ал. Влахуцэ, М. Садовяну, Т. Аргежи, для которых понятие «патриотизм» воплощалось в любви и заботе о сеятеле, хранителе и защитнике страны. Вполне закономерно автором попоранистских социально-экономических концепций стал бывший русский народник К. Стере. На новой родине он превратился в воинствующего антисоциалиста и убежденного противника революционных методов борьбы. Видный деятель национал-либеральной партии, он весной 1907 г., в лихую пору великого крестьянского восстания, занял пост префекта Ясского уезда, участвуя в этом качестве в подавлении «мятежа». А вслед за кровавой расправой над повстанцами он опубликовал в журнале «Вьяца ромыняске» («Румынская жизнь») серию статей под заголовком «Социал-демократия или попоранизм?», которую можно считать своего рода теоретической основой зарождавшегося царизма.

Стере исходил из неопровержимого, как он полагал, постулата об отсутствии перспективы крупнопромышленного развития в такой маленькой и отсталой стране, как Румыния. Саму эту возможность он непременно связывал с завоеванием внешних рынков, на что никаких надежд не существовало. Уже функционировавшие заводы и фабрики были, по его мнению, обязаны своим рождением искусственно созданным государством условиям — высоким пошлинам и закону о покровительстве индустрии: «Болеющая бледной немочью „крупная промышленность“ может за малым исключением, как по мановению волшебной палочки, исчезнуть от простого росчерка пера, лишаящего ее „преимущества“»⁴. Вероятность роста внутреннего спроса он игнорировал. Как Румыния потребляла 700 вагонов хлопчатобумажной пряжи (или по килограмму на душу населения) в год да по два килограмма сахара, так и будет во веки веков. Мир навсегда расколот на государства промышленно развитые и аграрные, и Румыния всегда будет в числе последних: «Лишь невежество и идея фикс маньяка могут породить грезы об индустриализации Румынии»⁵.

После столь сокрушительного приговора взглядам социалистов Стере переходит к основной части своего исследования, посвященного деревне. «Что крестьянство может докатиться до нищеты, до самого бедственного положения, не нам, румынам, отрицать», — констатирует Стере. Однако причины всех несчастий он ищет вне деревни; внутри самого крестьянства эксплуатации нет: «Крестьянин в действительности не является ни пролетарием, ни буржуа, а особой социальной категорией, за счет которой поднялись все прочие социальные классы, не исключая в значительной степени и индустриального пролетариата»⁶. Крестьянин владеет средствами производства и не использует наемного труда; крестьянство — «недифференцированная база общества»⁷.

В действительности эта «единая масса» давно стала рассыпаться. Распределение земельной площади свидетельствовало об этом. Из двухсоттысячной массы батраков небольшая часть гнула спины на полях односельчан, и отношения ее к хозяевам отнюдь не скрашивались чертами патриархальности, воспевавшейся румынскими литераторами из числа любителей старины. Стере не мог не знать об этом и, противореча сам себе, признавал: «В недрах нашего крестьянства можно заметить выделение нового социального элемента — зажиточных», — что может дать всходы «антагонизма интересов»⁸. Но эти одиночные свидетельства не повлияли на систему его взглядов. И как заключительный (и основной) аккорд в рассуждениях К. Стере звучал тезис о стойкости и экономической эффективности мелкого производства в сельском хозяйстве. Ссылаясь на Э. Бернштейна и К. Каутского, он утверждал: «Совершенно неожиданно оказалось, что мелкая крестьянская собственность не подчиняется неумолимым законам экономического развития и... не желает исчезать!»⁹, — что же касается крупного производства, то оно топчется на месте и даже отступает. После этого делался однозначный вывод: «Надежды на социализацию крестьянства с помощью „концентрации“ должны затухнуть»¹⁰.

Ко времени публикации последних очерков со стороны социал-демократов послышались возражения. Его взгляды на индустриализацию, жаловался Стере в шестом очерке, толкуют вкривь и вкось. Он против не всякого промышленного развития, а против слепого копирования западного варианта. Он за распространение зимой, в пору вынужденного крестьянского безделья, домашних промыслов. Современная техника плюс кооперация позволяет механизировать самую скромную мастерскую. То же можно сказать о мелкой городской промышленности. Существуют, наконец, отрасли, где иное производство, помимо крупного, просто невозможно.

Идеальный строй для Стере тот, при котором «все наше хозяйство опирается на крепкое крестьянство, владеющее обрабатываемой землей, и которое с помощью совершенной системы кооперативных обществ соединяет преимущества мелкой собственности с техническими достижениями, доступными лишь крупной»¹¹. Румынии не следует тщеславно воображать, будто она призвана

прокладывать новые пути в истории: «Будем счастливы, если удастся удержаться не слишком далеко от передовых...»¹². И Боже избавь от каких-либо революционных потрясений! Под свежим впечатлением великого мятежа 1907 г. Стере призывал ни в коем случае не повторять этого «печального опыта». Связанные с ним «неизбежные и необходимые репрессии с их фатальной чередой насилий, произвола, мести, административных гонений, отравления общественной жизни взрывом страстей и разгулом полицейщины не прокладывают путь к демократии, прогрессу и национальному возрождению»¹³. Поиски надо вести в ином направлении — в объединении крепкого крестьянства, сельских учителей, священников, городской мелкой буржуазии и прежде всего интеллектуалов: «Повсюду демократия родилась в итоге созревания в политической борьбе сотрудничества средних классов... с массами работников»¹⁴. Именно эти классы обеспечивают продвижение общества вперед, воплощая в себе его высшие интересы. От демократизации выигрывает прежде всего крестьянство, которое поднимается до уровня своих собратьев в Дании и Швейцарии; оно перейдет к более совершенной обработке полей, даст толчок развитию побочных производств, потребительских, кредитных ассоциаций и кооператоров. Рост его благосостояния поведет к процветанию городского хозяйства. Руководящую роль в движении к прогрессу станет играть интеллигенция; в Румынии ей не грозят соблазны капитализма, выступающего здесь в форме грубой и жестокой. Ее путь лежит вместе с народом, из недр которого она вышла.

Такова вкратце система взглядов К. Стере, изложенная в серии статей (фактически монографии) «Социал-демократия или попоранизм?». Румынские социалисты быстро и энергично откликнулись на ее появление. Доброджану-Геря и Х. Раковский убедительно и обоснованно опровергли тезис о том, будто бы Румыния являлась заповедным полем мелкого крестьянского землевладения и капитализм обошел ее стороной. По мнению Раковского, Стере смешал две вещи: максимально благоприятные и минимально необходимые условия для развития капиталистического производства — и неправомочно ограничил сферу его деятельности крупной индустрией¹⁵. Социалисты указывали, что при существовании таких условий кооперативы прокладывали дорогу не «крестьянской демократии», а капиталистическому предпринимательству. Наличие в Румынии крупной промышленности — свершившийся факт, и базируется она на 90% на внутренний рынок. Справедливо усматривая истоки взглядов Стере в русском народничестве либерального толка, Раковский писал: «Русское народничество капитулировало перед социал-демократией; то же самое произойдет и с нашим попоранизмом»¹⁶. Стере «вскормлен на русской народнической литературе периода самой большой путаницы»¹⁷.

Конечно, во взглядах Стере есть и положительные черты — например, его призывы к демократизации общественного строя и государственной жизни. Здесь, указывали румынские социалисты, они могут идти с ним вместе. А в критике своей они исходили из

тезиса о безусловном превосходстве крупного производства над мелким, принятого тогда в социал-демократии, тезиса, которого советская историография придерживалась до последнего времени¹⁸. Лассальянский принцип о враждебности пролетариату всех прочих классов был изжит, но действенной аграрной программы, способной сплотить трудовые массы города и деревни, в Западной Европе создано не было (да и РСДРП приняла такую программу лишь непосредственно перед Октябрьской революцией, используя в том числе и теоретический багаж эсеров).

Много внимания крестьянству в последние годы жизни уделял Ф. Энгельс. И он пребывал в убеждении об обреченности мелкого производства на селе: «Необходима суровая правда — о рабском положении мелкого сельского хозяйства; и об иллюзорности его „независимости“; о неминуемом его исчезновении с лица земли; о громадных преимуществах и выгоде для него перехода к коллективному хозяйству». И в то же время Энгельс предупреждал о вредности поспешных действий, о недопустимости каких-либо экспроприаций и насилий по отношению к крестьянству, указывал на необходимость проявить максимум внимания к его нуждам, требовал «отказа от всякого принуждения», ибо против воли крестьян революция немыслима. Надо дать селянину отсрочку «для размышления на своей парцелле». Время — лучший учитель, полагал Энгельс, экономическое развитие само по себе «прочистит крестьянам мозги для понимания наших слов»¹⁹.

В свете многосложного опыта истории нельзя не сказать об известной односторонности обрисованных Энгельсом перспектив решения аграрного вопроса. Далеко не во всем оправдался чисто экономический подход; на развитие сельского хозяйства накладывали отпечаток социальные, политические и даже психологические факторы.

Дискуссия на том этапе велась исключительно на экономической почве, да и то стороны «увлекались», допуская утверждения о безусловных преимуществах соответственно крупного либо мелкого земледелия. А жизнь не терпит одномерности, позволяет существовать и тому, и другому. Даже в городе, в промышленности, как свидетельствует опыт, нельзя ставить крупному производству сплошные плюсы, а мелкому — одни только минусы. Тем более это относится к деревне. Пестрота рельефных, почвенных и климатических условий, широкий ассортимент культур, близость или отдаленность городского рынка — все это требует приспособления к конкретной обстановке жителями каждого села, а это с гораздо большим умением и даже искусством делает потомственный крестьянин, чем глава крупномасштабного сельскохозяйственного предприятия, инертного и малоприспособленного к маневрированию по самой своей сущности, как бы оно ни называлось. В условиях холмистой местности, характерной для многих районов Румынии, царан (крестьянин) умело планировал севооборот, чередуя пшеницу и кукурузу, не допуская истощения почвы, разбивая на склонах виноградники, выделяя участки под сад и выпас для скота. Такие

отрасли агрикультуры, как огородничество, садоводство и животноводство, базировались тогда исключительно на ручном труде.

Обе стороны в споре о сельском хозяйстве не предвидели — в чем их трудно упрекнуть, — что наступит время, когда крестьянское хозяйство в фермерском варианте станет, с точки зрения вооруженности машинами, достижений агротехники, производительности труда и конкурентоспособности, вполне эффективным даже в его трудовом, без использования наемной силы, варианте. Близость городов поощряет те отрасли агрикультуры, где важны умелые руки потомственного землевладельца, а не «размаха шага сажень». Поэтому вполне обоснованно и закономерно вхождение фермерства в национальный хозяйственный организм как одного из его значительных и важных компонентов. Чувство хозяина, любовь к земле, привязанность к селу и традиционному образу жизни способствуют удержанию крестьянско-фермерской прослойки на поверхности жизни. Этому содействует целая серия социальных, политических и даже психологических и моральных факторов. Весь исторический опыт свидетельствует, что ни одно правление в мире не стремилось искоренить крестьянство как социальную категорию (за одним хорошо нам известным исключением со всеми его катастрофическими последствиями). Для государства присуще стремление сохранить баланс сил в обществе, не допускать крупных потрясений, обеспечить гражданский мир и спокойствие. Ныне все мы являемся свидетелями того, как внимательно капиталистические государства регулируют сельскохозяйственное производство, переводя его на индустриальные рельсы, помогая фермерству крупными дотациями и поддерживая высокие цены на продовольствие. Всего этого в начале века не существовало. Но определенные условия для сохранения мелкого производства, уходившие корнями в средневековье, остались, например, неотчуждаемость крестьянского надела. «Раскрестьянивания», пролетаризации деревни боялись и стремились избежать все политические партии Румынии, кроме, конечно, социал-демократов.

Младоконсервативная группировка жунимистов (своего рода центр консервативной общественно-политической мысли) мечтала о мирном сосуществовании юнкеров и работников с достаточным наделом. Регулярно появлялись на свет проекты «разумного» ограничения крупной земельной собственности и «рационального» (весьма скромного) наделения за выкуп крестьян. Известный статистик Г. Д. Крянга убедительно доказал, что латифундии в Румынии являлись отстойником рутины и отсталости, раем для арендаторов-посредников и адом для крестьян, бравших клочки земли из вторых рук. К. Гарофлид полагал, что хозяйства площадью свыше 500 га нерациональны и земельные излишки должны подлежать распродаже; оставшиеся же усадьбы следовало превратить в образцовые²⁰. Р. Росетти не выдвигал столь четких проектов, но и он считал: помещики «должны смириться с уступкой крестьянству, понятно, за справедливое возмещение более или менее значительной части своих обрабатываемых земель»²¹. В. М. Когэлничану стоял

за наделение крестьян землей «в самом широком смысле слова»²². Несколько раз подобные акции проводились, но, увы, не в «широком», а в самом узком смысле слова и на столь обременительных условиях, что шли на пользу только зажиточной прослойке.

Итак, в дискуссии между социалистами и попоранистами (а затем и царанистами) ни одна из сторон не могла претендовать на монополию истины. Зерновое хозяйство на широких степных просторах рациональнее вести в крупных рамках. У мелкого производства были шансы удержать свои позиции в огородничестве, садоводстве, виноградарстве, в специфических условиях холмистой и гористой местности, повсюду, где ручной труд не вытеснялся машинным по специфике производства и где искусство земледельца играло особую роль. И в этих спорах если не упускался, то отодвигался на второй план важнейший социальный фактор: не только героическое стремление самого крестьянина сохранить свой участок, ради чего он шел на серьезные материальные жертвы, но и заинтересованность «верхов» в его сохранении, стремление избежать катаклизмов и их готовность идти на реформы определяли изумлявшую правоверных социалистов стойкость селянства, не желавшего удалиться с общественной арены.

Перед самой мировой войной выступил в печати будущий основатель царанистской партии, сельский учитель И. Михалаке²³. Что царанизм вырос из попоранистского зерна, явился его практики политическим воплощением — несомненно, и сам Михалаке об этом свидетельствовал, отдавая в своей брошюре «Какую политику нам проводить» дань глубокого уважения К. Стере. Немало страниц в ней было посвящено горькой доле деревни. Михалаке писал о чудовищности латифундиарной системы, о несовместимости ее с расцветом земледелия, о несправедливости избирательного закона, о том, что ежегодно 70 млн лей выкачиваются на «поощрение» промышленности. Он пришел к выводу, что «нельзя ожидать крупной крестьянской реформы ни от партийных бояр, ни от боярских партий». Подобно Стере, Михалаке — враг индустриализации. Он грезил созданием «крестьянского государства». Признавая расслоение деревни, он в то же время заявлял, что по отношению к помещикам у крестьянства «полная солидарность, более того, идентичность интересов»²⁴. Аграрная реформа вольет свежую кровь в жилы мужика-собственника; землю он должен получить у бояр, ибо Господь Бог не вручил ее нескольким семьям навечно.

Но, вступая в область конкретного, царанист Михалаке проявлял большую умеренность по отношению к боярам, чем помещик и консерватор К. Гарофлид, высказываясь в пользу очень скромных преобразований, предлагая ограничить помещичьи угодья 2 тыс. га. Выспренные фразы о крестьянстве как о руководящем классе сопровождалась незначительной поправкой к существовавшей, дискриминационной по отношению к крестьянам избирательной системе: Михалаке предлагал, чтобы десять неграмотных граждан (т. е. крестьян) могли выставлять одного выборщика в парламент. Это именовалось у него «классовой борьбой», но не в том смысле,

который придают ей социалисты, а проявляющейся в стремлении «к установлению нормального равновесия между классами как естественными органами общества»²⁵. И здесь в походе к социально-политическим реалиям проступают черты будущего компромисса Михалаке с элитой румынского капитала и крупного землевладения.

Очевидна общность постулатов европейского аграризма и нарождавшегося царизма, явившегося его румынским ответвлением: земледелие — корень общественного блага; оно нуждается в защите с помощью кредитов, уменьшения налогов, ликвидации «ножниц цен», широкого развития разнообразных кооперативов — примирителей сталкивающихся интересов. В отличие от городской индустрии, сельское хозяйство в условиях аграрного протекционизма не подвержено кризисам, ведь потребность в продовольствии и сырье устойчива и постоянна.

Антагонизм с помещиками, на который накладывались растущие противоречия с городом, олицетворявшем государство, отодвигал в тень столкновения внутри села, наличие эксплуатации бедняцкой прослойки со стороны зажиточных крестьян—«фрунташей». «Уровень развития капитализма (особенно в сельском хозяйстве) был невысок, а острота чисто классовых противоречий в крестьянской среде была ниже степени недовольства всей деревни своим положением изгоя общества, перекрывалась тяжестью эксплуатации ее помещиками, капиталистическим городом, финансовым капиталом, государством»²⁶. Сознание единства не было размыто у селян, а это создавало предпосылки для восприятия аграристских концепций насчет третьего, крестьянского пути, отличного от капитализма и социализма. Самой яркой фигурой этого течения на Балканах явился основатель Болгарского земледельческого народного союза А. Стамболийский, выдвинувший тезис о враждебности города деревне, отрицавший крупную частную собственность во всех ее вариантах, настаивавший на ограничении земельного надела определенным максимумом и пытавшийся проводить этот принцип в жизнь, возглавляя правительство. С помощью кооперации, полагал он, можно достичь справедливости и удовлетворить нужды масс. Демократическая направленность его программы очевидна. Но разве можно запретами и лимитами преградить дорогу экономическим законам? Устранить конкуренцию и беспощадную борьбу, предотвратить разорение слабых и бедных и возвышение сильных и богатых? Постулат насчет создания основанного на справедливости государства, в котором нерасчлененное, единое крестьянство встанет во главе его и будет сотрудничать с другими классами, обернулся утопией.

Существование крупной и мелкой собственности вряд ли мыслимо на паритетных началах, не говоря уже о приоритете последней. Если сумма объективных экономических данных, политических соображений, национальных традиций, психологических устоев определяет сохранение и выживание фермерского хозяйства, то только «от сих и до сих», в определенных пределах, в качестве младшего партнера крупного предпринимательства. Предпосылок вытеснить заводское производство у мелкого производства нет, но оно может

стать его «филиалом». На практике в рамках крестьянских партий всегда развертывалась борьба между мелкобуржуазными эгалитаристскими течениями и теми, что представляли в крестьянской оболочке буржуазную направленность развития. Последние способствовали подключению партий к парламентской системе государства, хотя от осуществления их установок (если это происходило) кое-что выигрывала вся деревня (кооперация, кредиты и т. д.).

Но в начале века до всего этого было еще далеко. Доктрина аграризма проступала в брошюре Михалаке еще в общих, причем размытых чертах. В ней преобладало разоблачительное начало. От предложения слегка усовершенствовать избирательную систему до теории крестьянского государства было далеко.

Испытания первой мировой войны и влияние Октябрьской революции ускорили разработку доктрины царанизма, в основу которой легла идея особого, отличного и от капитализма, и от социализма крестьянского общественного строя, вера в незыблемость мелкого землевладения, убеждение в необходимости создания соответствующего этому строю государства. Крупнейший теоретик царанизма В. Маджару указывал: «Ныне можно утверждать с научной обоснованностью, что эволюция сельского хозяйства ведет с безусловной неизбежностью к победе мелкого производства как высшей формы агрикультуры в противоположность эволюции в индустрии и прочих отраслях экономической активности, где крупное производство утверждалось как высшая форма экономической организации с точки зрения производительности»²⁷.

Идеолог неолиберализма в межвоенной Румынии Ш. Зелетин свидетельствовал: царанистская доктрина созидалась в то время, когда распространилось убеждение, что дни капитализма сочтены²⁸. Тогда в противовес социалистической перспективе и стала набирать силу мысль о Румынии как крестьянском государстве. Так что Октябрьская революция оказала влияние не только на революционные процессы в стране, но и на активизацию реформаторской деятельности «верхов» под несомненным давлением Декрета о мире и сокрушения помещичьего землевладения в России. В виде своего рода антитезы царанизм был противопоставлен идее мировой пролетарской революции. Не случайно уже вскоре после Февральской революции в России, в марте 1917 г., король Фердинанд, чтобы предотвратить политическое брожение в стране, обратился к солдатам с манифестом, в котором обещал предоставить после войны землю крестьянам. Правящие круги пошли на проведение ряда реформ, важнейшими из которых являлись аграрная реформа и введение всеобщего избирательного права.

Объясняя причины уступок, на которые пошли господствующие классы, крупный румынский землевладелец Т. Рэшкану писал в 1922 г. в работе «Земельная проблема в Румынии»: «С 1913 по 1917 г. вопрос об аграрной реформе продолжал висеть в воздухе. Возможно, он и в дальнейшем остался бы в таком положении, если бы не произошла русская революция, уничтожившая царский режим.

В России во время революции крестьяне набросились на крупную собственность и, экспроприировав помещиков, поделили ее между собой. Зараза могла переброситься и на наши крестьянские массы, которые сталкивались с русскими солдатами на фронте. Наши правящие круги посоветовали тогда королю Фердинанду в целях избежания русских заразных идей взять на себя инициативу аграрной реформы и экспроприировать крупных помещиков. Эту печальную миссию король, находившийся между молотом и наковальней, вынужден был исполнить»²⁹.

В ноябре-декабре 1918 г. в Румынии было введено всеобщее (хотя и с существенными ограничениями) избирательное право и принят декрет об аграрной реформе. Существенные изменения произошли и в партийно-политической структуре. Политическая нестабильность румынского общества (достаточно сказать, что в течение 1917—1922 гг. правительства менялись 58 раз) проявилась в крушении монополии двух ведущих буржуазно-помещичьих партий: ушла с политической арены скомпрометировавшая себя сотрудничеством с германскими оккупантами консервативная партия, снизилась популярность национал-либеральной партии (НЛП). Усилились антипомещичьи и антимонополистические настроения в рядах не только рабочего класса и крестьянства, но и мелкой и средней буржуазии, возникли новые политические организации и партии, которые повели борьбу за расширение своего влияния в массах, успешно завоевывали голоса избирателей на выборах, включались в состав правящего эшелона. На арене политической жизни появились многочисленные партии и группы под вывесками «народных», «национальных», «демократических», «крестьянских». Некоторые из них пытались оказать давление на крупную буржуазию и помещиков (такой партией и стала царанистская) или же с помощью махрового национализма и социальной демагогии отвлечь массы от революционного движения, примером чего являлась Лига народа под руководством генерала А. Авереску. К этому пестрому потоку подключаются партии из присоединенных к Румынии после первой мировой войны новых территорий, такие, например, как национальная партия Ю. Маниу, выражавшая интересы промышленной буржуазии и аграриев Трансильвании. Незавершенность решения буржуазно-демократических задач и объективная потребность в коренных преобразованиях социально-экономических и политических структур, а также надежды мелкобуржуазных слоев, что с помощью реформ могут быть решены все их жизненные вопросы и проблемы, создавали благоприятную среду для распространения разного рода мелкобуржуазных, в том числе и аграристских, теорий. Идеино-психологическая атмосфера, царившая в стране, мощный взрыв национальных эмоций, острые столкновения широчайшей палитры идейно-политических течений от крайне реакционных до буржуазно-реформаторских, социалистических и леворадикальных при разностороннем воздействии на румынское общество Февральской и Октябрьской революций — все это также создавало условия для проявления широкого политического

плюрализма в обществе. Именно в этой ситуации и произошло организационное оформление царанистской партии.

Попытки создания крестьянской партии в Румынии предпринимались еще до первой мировой войны. Первую подобного рода партию организовал в 1895 г. К. Добреску-Арджешь. Он выступил за создание крестьянских банков и кооперативов, распространение в деревне культуры, издание крестьянских газет. Хотя партия К. Добреску-Арджешь имела довольно умеренную программу, правящие круги сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать ее деятельности. В 1906 г. сын видного реформатора М. Колэлнигану Василе и Ал. Валеску также предприняли попытку создания крестьянской партии, что вызвало недовольство правительства. Крестьянское восстание 1907 г. было использовано в качестве предлога для ее запрещения и ареста руководителей. В 1913 г. И. Михалаке организовал Крестьянскую лигу.

Расхождение деревни и укрепление сельской буржуазии усиливало ее стремление создать собственную политическую организацию, с помощью которой она могла бы отстаивать свои экономические и политические интересы. Но в глазах крестьянских масс такая партия должна была выглядеть выразительницей их общих интересов как единого класса.

В 1918 г. все тот же И. Михалаке, вернувшись с войны в чине капитана, предпринял новую попытку образования крестьянской партии. 5(18) декабря 1918 г. он с группой своих сторонников: сельских учителей, священников, адвокатов, университетских профессоров, — воспользовавшись проведением в Бухаресте Съезда сельской кооперации, провел учредительный съезд царанистской партии. На нем присутствовали 160 человек из восьми уездов страны. Было провозглашено создание партии, приняты программные документы и избрано руководство.

Первоначально костяком партии стали руководители сельской кооперации и народных банков, находившихся в руках сельской буржуазии, представители сельской интеллигенции и университетской профессуры. Как политическая организация крестьянства, она провозгласила основной целью удовлетворение его материальных и духовных интересов³⁰. Была выдвинута довольно радикальная программа социально-экономических преобразований: ликвидация крупного землевладения и передача земли в трудовую собственность крестьянству по низким ценам, предоставление крестьянству права пользования лесами и пастбищами, развитие кооперации, поддержка народных банков, передача в собственность государства запасов полезных ископаемых, децентрализация местного самоуправления, предоставление самостоятельности сельским коммуна, включая право формирования своего бюджета, введение подоходно-прогрессивного налога и закона о необходимости подтверждения своих прав на имущество для чиновников и лиц, нажившихся во время войны, замена жандармерии сельской полицией, развитие образования и культуры и т. д.³¹ Как видно из программы, основные положения носили широкий демократический характер, а некоторые

из требований, например замена жандармерии сельской полицией, были направлены против НЛП, под контролем которой находилась жандармерия. Впоследствии к этим требованиям, направленным против либералов, добавилось еще одно и очень существенное — национализация национального банка, руководство которым принадлежало либералам. В то же время, как это было подчеркнуто в программном заявлении, царанисты выступили как против наследия старых олигархических партий, так и против большевизма³².

В 1919 г. благодаря своим программным заявлениям и практической деятельности царанистская партия расширила влияние в деревне, начав создание своих местных организаций. Ее социальный состав был весьма разнообразным: разночинная интеллигенция (сельские учителя, священники), крестьяне (прежде всего зажиточные), представители мелкой и средней городской буржуазии и интеллигенции (адвокаты, университетская профессура и т. д.). Руководство партии с самого начала находилось в руках последних и сельской буржуазии. Она объявила, что открыта для новых лиц, не связанных в прошлом с руководством олигархических партий.

Вожди только что созданной царанистской партии отдавали себе отчет в том, что на выборах без блока с другими партиями ей будет трудно противостоять такой изолированной в парламентских играх силе, как национал-либералы³³. С целью укрепления своих позиций лидеры царанистской партии обратились с предложениями возглавить руководство к известным политическим деятелям, таким, как генерал Ал. Авереску и историк Н. Иорга, лидер национал-демократической партии. Однако генерал Авереску оставил призывы царанистской партии без внимания, впоследствии выдвинув в качестве условия требование о вхождении царанистской партии в Лигу народа, а Н. Иорге претило само упоминание о «классовой борьбе», вошедшее в программные документы новой партии. Тем не менее руководители царанистов упорно добивались союза и объединения с другими политическими партиями и организациями, чтобы расширить свои возможности в предвыборной борьбе.

3 февраля 1919 г. в царанистскую партию влилась группа из Ясс, созданная в ноябре 1918 г. профессурой местного университета (П. Бужор, И. Борча, К. И. Пархон, Н. Костыческу, К. Попович) и носившая названия рабочей партии. Весной того же 1919 г. в партию вступил видный экономист-аграрник В. Маджару, ставший одним из главных ее теоретиков. 10(23) июня 1919 г. вышел в свет первый номер специальной газеты «Цара ноуа» («Новая страна»).

Появление партийных организаций на местах, приближение парламентских выборов, назначенных на ноябрь 1919 г., побудили руководство царанистской партии поспешить с выработкой программных и организационных установок. В третьем номере газеты «Цара ноуа» за 23 июня (7 июля) 1919 г. была опубликована статья «Проект принципов руководства в крестьянской партии», а 25 августа (7 сентября) — «Инструкция по организации единой крестьянской партии». В соответствии с этими документами на

конференции 8—9 (21—22) октября 1919 г. был избран Центральный комитет из 12 человек, вместо пяти, как было первоначально, и Исполком, состоявший из трех человек (И. Михалаке, В. Маджару, М. Ионеску-Бербекару)³⁴. На конференции была принята платформа партии, в которой были изложены ее цели, задачи и программа.

Программный документ получил название «Декларация принципов», т. е. назывался точно так же, как программа социалистической партии. Это совпадение не являлось случайным. Царанисты хотели подчеркнуть свое негативное отношение к социализму в его леворадикальном толковании и в то же время противопоставить социалистическим идеям свои реформистские принципы: «Минимум социализма, максимум демократии», как заявляло накануне конференции руководство царанистской партии³⁵. Декларация принципов была опубликована в газете «Цара ноуа» 13(26) октября. В том же номере появилась статья В. Маджару «Рост крестьянской партии», имевшая программный характер. Основную свою задачу партия видела в приходе к власти и в реформировании существующего строя, а поскольку Румыния являлась аграрной страной, то главную роль в политической жизни должно было играть крестьянство.

Провозглашение в 1918 г. аграрной реформы породило у крестьян веру в возможность в результате ее осуществления улучшить свое экономическое положение, обрести независимость, не только удовлетворить свои насущные интересы, но и обеспечить будущее деревни. Эти настроения активно поддерживались лидерами царанистов: «Крестьянская партия может осуществить глубокие и серьезные реформы без потрясений и анархии»³⁶, — заверяли они, сознательно противопоставляя мирный эволюционный путь общественного развития революционному, который избрала соседняя Россия. «Старые» партии не хотели понять, что их час пробил и что в новой социальной и политической ситуации, созданной войной, иные политические организации призваны к жизни», — писал в газете «Цара ноуа» В. Маджару³⁷. Царанисты не отрицали классовую борьбу, понимая ее весьма своеобразно, лишь как борьбу против олигархии и «исторических» партий, ее олицетворявших, прежде всего либеральной, за представительство в парламенте и как идею социального равновесия и классовой солидарности с целью нормальной, т. е. мирной, без революционных потрясений эволюции общества. В этом духе следовало понимать призыв организоваться для завоевания политической власти посредством классовой борьбы³⁸. «Кандидаты царанистской партии являются кандидатами крестьянства, и только за них должны голосовать крестьяне»³⁹, — призывали лидеры царанистов. Царанистская партия создавалась также и как своеобразный заслон на пути распространения социалистического движения. «Социалистические партии, — писал В. Маджару, — проявляют определенные тенденции к завоеванию политической власти и установлению диктатуры пролетариата, чтобы преобразовать

капиталистическое общество в социалистическое». Однако, утверждал В. Маджару, диктатура пролетариата — это путь только для промышленно развитых стран (причем в тогдашнем понимании — с рабочим классом, составляющим большинство), но не для тех, в которых крестьянство составляет основную массу жителей. «Если в первых стремление социалистов завоевать политическую власть может рассматриваться как естественное и оправданное, — отмечал В. Маджару, — то во вторых оно не соответствует действительности в случае нормальной эволюции вещей»⁴⁰. «Однако русский пример показывает, — продолжал автор, — что не исключена возможность установления диктатуры пролетариата даже в стране, где пролетариат явно численно незначителен, если основная масса населения является аморфной и политически неустойчивой, каким было крестьянство Российской империи»⁴¹. Тезис нес вполне определенный смысл, он обосновывал необходимость обособления крестьянства, привлечения его на сторону царанистов с тем, чтобы не допустить союза с рабочим классом. Что «может быть более естественным и необходимым сегодня, после урока, который преподнесли русские, — писала «Цара ноуа», — чем создание политической организации крестьянства, превращение его из аморфной, политически инертной массы в сознательно организованную силу, которая выставит требования политической власти в государстве в соответствии со своей численностью и значимостью»⁴². Итак, крестьянская партия, по замыслу ее создателей, должна добиваться трансформации крестьянства, чтобы оно перестало быть инертной массой и превратилось в преграду на пути общественного краха, под которым царанисты подразумевали социалистическую революцию⁴³. Руководство царанистской партии обещало не «нарушать естественную эволюцию»⁴⁴.

Идеологи царанистов пытались приспособить теоретические идеи попоранизма к новому историческому моменту. В отличие от К. Стере, который отрицал возможность социализма для Румынии, царанисты говорили об особом, специфическом, румынском социализме. «Наш социализм, — говорилось в обращении руководства царанистов ко всем трудящимся, опубликованном в июне 1919 г., — должен быть сельским», развиваться в рамках «сельской демократии», базирующейся на мелкой крестьянской собственности⁴⁵. Вслед за попоранистами они провозглашают устойчивость и незыблемость мелкого хозяйства в земледелии. «В отличие от промышленности естественная эволюция в сельском хозяйстве не ведет к уничтожению мелких хозяйств, пауперизации трудящихся и господству крупной собственности. Напротив, именно в настоящий момент, когда в промышленности концентрация производства достигла невиданных размеров, в сельском хозяйстве побеждают крестьянские формы собственности: несмотря ни на что, латифундисты исчезают под давлением сельских тружеников и крупные поместья переходят в руки крестьян», — утверждали царанисты в своем программном документе, принятом на съезде

партии в ноябре 1921 г.⁴⁶ Важнейшим инструментом преобразования аграрных отношений, выхода крестьянских хозяйств на путь интенсивного развития царанистам представлялась кооперация, в том числе в ее производственном варианте. «Аграрная страна, — писал В. Маджару, — может добиться роста сельскохозяйственного производства, лишь используя все формы кооперации, поскольку государство, не имеющее достаточного накопления капитала, должно организовать использование своих богатств именно таким образом»⁴⁷.

Исходя из утверждения о превосходстве крестьянской собственности и численном преобладании крестьянства в структуре румынского общества, царанисты подхватили и развили идеи аграризма о крестьянском государстве, выражавшие, в сущности, концепцию третьего (некапиталистического и несоциалистического) пути. Царанистская партия как представитель большинства населения должна занять центральное место в политической структуре страны и добиться своего представительства в высших органах государственной власти.

Приспосабливаясь к существующим реалиям и не желая дразнить короля, а, напротив, добиваясь его расположения, царанисты выступали за сохранение монархии, против республиканской формы правления, заявляя, что крестьянство является опорой династии⁴⁸.

С помощью широкой пропаганды своих идей, политической активности, используя стремление широких слоев населения к кардинальным преобразованиям во всех сферах жизни, царанистская партия добилась значительных успехов на выборах в ноябре 1919 г. По числу полученных в парламенте мест она стала третьей партией в Румынии и второй после НЛП в пределах Старого королевства (т. е. в границах до первой мировой войны), располагая 61 мандатом. Ее лидер И. Михалаке стал министром сельского хозяйства.

В противовес НЛП было сформировано правительство Парламентского блока во главе с А. Вайда-Воеводом, отражавшее новое соотношение сил на политической арене. Старая двухпартийная система рухнула, на смену ей пришла многопартийная. Впервые в истории страны правившая до этого НЛП, контролировавшая административный аппарат, не смогла обеспечить себе большинства. Войдя в правительство, депутаты от царанистской партии активно участвовали в разработке правительственной программы, содержавшей целый ряд требований демократического характера. Но именно в тот период четко обозначился разрыв между программными заявлениями и практической деятельностью лидеров партии. Действительно, аграрный законопроект, с которым выступил министр сельского хозяйства И. Михалаке, был радикальнее королевского декрета 1918 г. Прежде всего это относилось к площади экспроприруемых у помещиков земель. Но и этот законопроект вел не к ликвидации, а к ограничению помещичьей собственности и не соответствовал программным заявлениям крестьянской партии о передаче всех земель в трудовую собственность крестьян. Помимо

сохранения в руках крупных собственников до 100 га угодий, оговаривались случаи, когда помещичья собственность могла простирается до 250—500 га. В противоречие с принципами «трудовой собственности» (наделение крестьян участками до 5 га) вступало и положение о создании «образцовых крестьянских хозяйств» площадью 25—50 га. Таким образом поощрялись зажиточные собственники — возможная социальная опора царанистской партии. Практически предусматривалось развитие фермерских хозяйств при сохранении крупного землевладения в значительных масштабах. Однако и этот весьма умеренный законопроект, предложенный от имени царанистской партии, король Фердинанд не утвердил, используя предоставленное ему конституцией право вето.

Закон об аграрной реформе был принят лишь в 1921 г., уже после отставки правительства парламентского блока, продержавшегося у власти всего три месяца. В его окончательном варианте размеры земель, оставляемых в руках помещиков, ограничивались 100 га, кроме того, имелись многочисленные оговорки, предоставлявшие помещикам возможность сохранить по 200—500 га земли, а во многих случаях и более того. По закону было экспроприировано 6 млн га земли, что составляло 66% земельных площадей, принадлежавших помещикам (в эту категорию входили лица, имевшие свыше 100 га земли).

По официальным данным, после этого в руках крупных собственников сохранилось 27,7% земельных угодий страны (включая леса), причем более половины (17,1%) приходилось на латифундии площадью свыше 500 га⁴⁹. Осуществление аграрной реформы не устраняло ни крупного помещичьего землевладения, ни земельного голода, ни аграрной перенаселенности. На плечи трудящегося крестьянства легли огромные выкупные платежи. Значительная часть крестьян, подлежавших по закону наделению землей, ее так и не получила, а многие из тех, кто ее все же получил, вынуждены были продать или заложить свои участки. Тем не менее реформа явилась масштабным мероприятием, и возможности для капиталистического развития Румынии были расширены. Часть средств, полученных помещиками за землю, была направлена в промышленность, что вело к ускорению процесса обуржуазивания экономической и политической структуры общества. Развитие сельского хозяйства пошло по пути медленного капиталистического преобразования помещичьих хозяйств.

Положение мелких крестьянских хозяйств и после аграрной реформы оставалось чрезвычайно тяжелым и не давало каких-либо оснований для подтверждения тезиса царанистов о безусловном превосходстве мелкого крестьянского землевладения. Да и в самой партии проявлялось понимание ограниченности аграрной реформы. Так, на ее съезде в 1922 группа во главе с К. Пархоном заявила о необходимости проведения новой экспроприации и передачи всей земли в руки трудящегося крестьянства. На это И. Михалаке ответил, что полная экспроприация земель может рассматриваться лишь как вопрос будущего⁵⁰. А в 1927 г. один из лидеров фракции

крестьянской партии — Н. Лупу заявил, что он считает, что наделение крестьян землей завершено и необходимо лишь устранять ошибки в осуществлении аграрного закона и добиваться правильности его претворения в жизнь⁵¹.

Односторонности идеи пролетарской диктатуры, которая во всех существовавших до сих пор разновидностях превращалась в диктатуру партийной бюрократии, аграристы противопоставляли другую односторонность, мечтая об установлении правления класса, неоднородного по своему имущественному положению. Замедлить (но не предотвратить) его расслоение можно было с помощью жестких ограничительных мер в области земельной собственности (что делал в Болгарии А. Стамболийский, будучи в правительстве). Царанисты даже не пытались этого предпринимать. Их движение превратилось в один из вариантов буржуазной демократии.

Постепенное поправление царанистской партии и стремление блокироваться с различными группировками и партиями на выборах с целью вхождения в правительство привели к объединению ее в 1926 г. с национальной партией Ю. Маниу, или, как ее назвал один из идеологов правого толка и историк царанистской партии — П. Шейкару, «трансильванским вариантом либеральной партии», с сохранением, однако, широкой социальной крестьянской базы как наследия царанистской партии. Противостояние правых и левых сил в царанистской партии окончилось победой первых и преобразованием ее в национал-царанистскую. В области теоретической доктрины новой партии произошел своеобразный симбиоз мелкобуржуазного аграризма и буржуазного либерализма.

Концепция крестьянского государства не выдержала испытания временем; можно сказать, что она являлась утопической по своей сути. Это определение никак не распространяется на многие, если не на большинство идей и концепционных положений попоранизма и царанизма. Они возникли из нужд толщи народной, отражали реалии социально-политической жизни, настроения крестьянской массы, шли в ногу с развитием европейской общественно-политической мысли, вылившейся в течение аграризма. Царанизм сыграл свою роль в процессе демократического воспитания крестьянства, вовлечении его в политическую борьбу. В этом смысле наследие царанизма имеет существенное значение; он внес свою лепту в формирование программ как общенациональных требований, так и специфически крестьянских, участвовал в прокладывании того русла, по которому должна идти демократическая Румыния.

¹ Balcescu N. Opere. Buc., 1940. Vol. 1, par. 2. P. 13, 47.

² Ibid. P. 15, 17.

³ Vitorul social. 1907. Noiembrie. P. 352.

⁴ Stere C. Social-democratism sau poporanism? // Viaja românească. 1907. N 9. P. 324.

⁵ Ibid. N 10. P. 31.

⁶ Ibid. N 9. P. 333.

⁷ Ibid. N 7. P. 334.

⁸ Ibid. 1908. N 1. P. 65.

⁹ Ibid. 1907. N 8. P. 187.

- 10 Ibid. P. 187.
- 11 Ibid. 1908. N 4. P. 59.
- 12 Ibid. N 1. P. 51.
- 13 Ibid. N 4. P. 59.
- 14 Ibid. N 1. P. 60.
- 15 *Racovski C.* Poporanism, socialism și realitatea // *Vitorul social*. 1908. N 11/12. P. 331.
- 16 Ibid. P. 354.
- 17 Ibid. P. 334.
- 18 С этих позиций выступал и автор данных строк (см. раздел «Провозвестники царизма» в монографии: *Виноградов В. Н.* Очерки общественно-политической мысли в Румынии. М., 1975).
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 517, 518.
- 20 *Creanga G. D.* Proprietatea rurală în România. Buc., 1907; *Idem.* Proprietatea rurală și chestia jărănească. Buc., 1905; *Garoflid C.* Părerii în chestiunea jărănească. Buc., 1907. P. 35.
- 21 *Rosetti R.* Pentru ce s'au răsculat țărani. Buc., 1907. P. 646.
- 22 *Kogălniceanu V. M.* Chestiunea jărănească. Buc., 1906. P. 63.
- 23 В 1913 г. он основал Крестьянскую лигу с целью борьбы за аграрную и избирательную реформы. См.: *Scurtu I.* Din viața politică a României, 1926—1947. Studii critice privind istoria partidului Național-Țărănesc. Buc., 1983. P. 8.
- 24 *Mihalache S.* Ce politica să facem. Buc., 1914. P. 39, 50, 54.
- 25 Ibid. P. 64.
- 26 *Носкова А. Ф.* К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период // *Сов. славяноведение*. 1981. № 2. С. 43.
- 27 *Madgearu V. N.* Doctrina țărănistă. Buc., 1923. P. 15.
- 28 *Zeletin Șt.* Țărănism și marxism // *Arhiva pentru știința și reforma socială*. 1924. P. 203.
- 29 *Rășcanu T.* Problema pământului în România. Buc., 1922. P. 250—251.
- 30 *Scurtu I.* Din viața politică a României, 1918—1926: Întemeierea și activitatea partidului Țărănesc. Buc., 1975. P. 15—17.
- 31 Țara nouă. 1919. N 2.
- 32 Ibid. 1919. N 9.
- 33 Подробнее см.: *Scurtu I.* Din viața politică a României, 1918—1926. P. 18—19.
- 34 Consfățuirea Partidului Țărănesc de la 8 și 9 octombrie 1919 // Țara nouă. 1919. N 17.
- 35 Ibid. N 12.
- 36 Ibid. № 1.
- 37 Ibid. N 17.
- 38 Ibid.
- 39 Ibid. N 13.
- 40 Ibid. N 17.
- 41 Ibid.
- 42 Ibid.
- 43 Ibid.
- 44 Ibid.
- 45 Ibid. N 6.
- 46 Proiectul de Program al Partidului Țărănesc din România. Aprobă de Congresul General din 20—21 noiembrie 1921. Buc., 1921. P. 5.
- 47 *Aurora*. 1924. 25.VIII.
- 48 Țara nouă. 1919. N 12.
- 49 См., *Șandru D.* Reforma agrară din 1921 în România. Buc., 1975. P. 35, 49, 73—77, 250.
- 50 *Adevărul*. 1922. 29.XI.
- 51 *Aurora*. 1927.22.II.

РУМЫНСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ В 1945—1990 гг.

Н. Ю. Калашникова

Политическая жизнь в послевоенный период обуславливалась в Румынии поступательным движением к формированию однопартийной системы, переросшей уже в начале 50-х годов в жесткую бюрократическую диктатуру. Декабрьские события 1989 г., опрокинувшие тоталитарный режим Чаушеску, и последовавший за ними политический кризис обнаружили глубокие социальные последствия отстранения общества от реального участия в государственном управлении. Возвращение к многопартийным демократическим структурам в первые месяцы «новой Румынии» было скорее интуитивным копированием межвоенного опыта, чем осознанным движением к цивилизованному государству. Прекращение существования РКП, возрождение «исторических» и поспешное создание многочисленных карликовых партий в той или иной мере свидетельствовали о дефиците политической культуры, искусственно создаваемом в стране долгие годы. Анализ всех сторон деятельности РКП позволяет рассматривать социально-экономический и политический кризис в сегодняшней Румынии как закономерный итог.

Компартия Румынии, четыре послевоенных десятилетия определявшая судьбу нации, была образована 8 мая 1921 г. на съезде Социалистической партии, когда большинство делегатов выступило за ее создание и присоединение к Коминтерну. Стратегия и тактика, определенная на V съезде КПП (январь 1932 г.), обусловила ее неуклонное движение в сторону «большевизации». Решения съезда означали, с одной стороны, полный разрыв с традициями социал-демократии, а с другой — начало борьбы с любыми проявлениями инакомыслия в рядах партии, нетерпимость к тем или иным отклонениям от выработанных ею программных концепций. На национальной партконференции 1945 г. Г. Георгиу-Деж подчеркнул эту мысль: «Вплоть до V съезда в нашей партии существовало еще немало правых и левых оппортунистических пережитков, что объясняется, с одной стороны, унаследованной от старой, социал-демократической партии идеологической, политической и организационной расплывчатостью, а с другой стороны, и тем, что в руководящих органах партии еще находились люди с мелкобуржуазными взглядами и настроениями...»¹ В качестве центральной задачи партии рассматривалась «ликвидация попыток ослабить единство ее воли, вскрытие и уничтожение в зародыше явлений, которые могут подорвать ее идеологическое, политическое и организационное единство»². В сентябре 1945 г. КПП насчитывала 253 тыс. членов, а спустя два года уже 710 тыс., из которых 44%

составляли рабочие, 39% — крестьяне. В промышленных уездах доля рабочих достигала 60—78%³.

Первый опыт участия КПР в составе коалиции Народного демократического фронта (НДФ) в правительстве в марте 1945 г. в значительной степени был обусловлен прямой политической поддержкой со стороны СССР. Это объяснялось рядом внешнеполитических конъюнктурных соображений, а также тем обстоятельством, что «лояльная и вечная дружба с СССР всегда была начертана на знамени КПР»⁴. 22 февраля 1945 г. газета «Правда» выступила с критикой политики «реакционных сил» в Румынии; сдерживающим их фактором явилось и присутствие на территории Румынии частей Красной Армии. Под давлением внутри и извне король Михайл дал согласие на формирование нового правительства.

В коалицию НДФ, помимо КПР, входили также Социал-демократическая партия, единые профсоюзы, Фронт земледельцев, Союз патриотов, молодежные и женские организации, МАДОС (Венгерский народный союз). В новом правительстве пост премьер-министра занял Петру Гроза, руководитель Фронта земледельцев. Кроме этого, НДФ получил 12 из 17 портфелей. Представители компартии заняли посты в министерствах внутренних дел, юстиции, путей сообщения, связи и пропаганды. К народно-демократическому блоку примыкали группировки, отколовшиеся от «исторических» партий, — национал-царанистская группа А. Александреску и национал-либеральная — Г. Татареску. Сами же «исторические» партии — национал-царанистская и национал-либеральная — были устранены с политической арены⁵.

Новый избирательный блок, сформированный в апреле 1946 г. из всех правительственных партий, принял решение выступить на парламентских выборах единым списком кандидатов. Г. Георгиу-Деж отмечал, что в условиях нарастающего сопротивления со стороны «исторических» партий неоценимую поддержку оказал румынским коммунистам Советский Союз. «Помимо дипломатической поддержки, Советское правительство согласилось облегчить Румынии обязательства, принятые по соглашению о перемирии, а также оказало экономическую помощь зерном, в результате которой страна вышла из тяжелого положения, вызванного засухой в ряде районов»⁶. На выборах 19 ноября 1946 г. компартия в блоке с упомянутыми партиями получила почти 80% избирательных мандатов. 36 мандатов, полученных «историческими» партиями, вскоре решением парламента был аннулированы. Летом 1947 г. национал-царанистская и национал-либеральная партии были распущены.

Не было единства и внутри блока демократических партий. Определяя свое отношение к перспективам политического развития страны, лидер либеральной группировки Г. Татареску 4 декабря 1946 г. провозгласил свое несогласие с экономической и политической стратегией КПР, настаивая на необходимости укрепления монархии, церкви, частной собственности, выступив против экспроприации в городе и деревне. Указанные положения были внесены

им в меморандум для обсуждения в блоке демократических партий. В документе критиковалось правительство за вмешательство в хозяйственную жизнь, что создавало «атмосферу неуверенности и недовольства» в стране. В августе 1947 г., выступая в Крайове, Татареску высказал свои взгляды на внешнюю политику Румынии, подчеркнув, что если «с Советским Союзом Румынию связывает географическое положение, то с западными странами — долголетние традиции и симпатии». В ответ на такие действия руководитель КПР недвусмысленно заметил, что «сотрудничество с группой Татареску подходит к концу. В правительственном лагере произошла перегруппировка сил, связанная с более твердым курсом»⁷. В ноябре 1947 г. представители группы Татареску были выведены из правительства. Курируемые ими Министерство иностранных дел, Министерство промышленности и торговли и Министерство финансов перешли в руки коммунистов.

В русле «твердого курса» шло политическое размежевание и в среде наиболее значительных партий — союзников КПР. После победы на выборах руководство Фронта земледельцев приняло решение об устранении «кулацких элементов» из центральных органов и о превращении партии в организацию «трудящегося крестьянства». В резолюции Фронта подчеркивалась необходимость союза между пролетариатом и крестьянством, руководящая роль пролетариата и тесное сотрудничество с компартией⁸. Аналогичные процессы «демократизации» имели место в венгерском народном союзе. Процессы размежевания коснулись Социал-демократической партии: в ее рядах обнаружились «реакционные, антисоветские правые элементы». ЦК СДП исключил из партии ряд вождей «правого крыла», а двое из них были выведены из правительства⁹. КПР развернула широкую пропагандистскую кампанию в период выборов в руководящие органы профсоюзов. Под ее контролем осуществлялась централизация общественных организаций: в 1947 г. был создан Союз рабочей молодежи, занявший решающие позиции в Национальной федерации молодежи, объединившей все молодежные организации страны; все женские организации объединялись в Демократическую федерацию женщин.

В конце сентября 1947 г. Г. Георгиу-Деж заявил, что «стремление рабочих масс к единству ставит в порядок дня вопрос о создании единой партии рабочего класса... Создание единой рабочей партии, основывающейся на учении марксизма-ленинизма, приведет к дальнейшему укреплению руководящей роли рабочего класса: будет облегчена задача устранения чуждых влияний в рабочем движении и создана одна из предпосылок развития Румынии по пути социализма»¹⁰. Таким образом, централизация управления рабочим движением как средство борьбы за идеологическую чистоту признавалась основной целью и средством функционирования новой власти.

С уничтожением политических противников и устранением неверных союзников единственным препятствием, мешающим полной и окончательной победе компартии, оставалась монархия. 24 декабря

1947 г., за три дня до возвращения короля из Великобритании, куда он был приглашен на церемонию бракосочетания принцессы Елизаветы, военное министерство перешло в руки коммунистов. 30 декабря 1947 г. глава правительства П. Гроза и генеральный секретарь компартии Г. Георгиу-Деж при неформальном участии эmissара Сталина А. Я. Вышинского потребовали от короля Михая подписать акт об отречении. Демократическим правительством были приведены в боевую готовность спецвойска, усилена охрана государственных объектов, заменена королевская охрана, блокирован дворец¹¹. В 3 часа дня король отрекся от престола, и только потом, вечером того же дня, на заседании парламента депутаты единогласно проголосовали за ликвидацию монархии и провозглашение Румынии Народной Республикой.

Вскоре, в феврале 1948 г., открылся I съезд Румынской рабочей партии, единой и практически единственной партии в Румынии. Отметим, что вслед за роспуском «исторических» партий в 1947 г. весной 1948 г. прекратила существование группа Татареску, 6 февраля 1949 г. объявила о самороспуске Национал-народная партия, в начале 1953 г. произошел самороспуск МАДОСа, а в апреле 1953 г. — Фронта земледельцев. Структура и механизм формировавшейся народной демократии были полностью разрушены. Компартия вся более теряла черты политического движения и срасталась с государством, олицетворяя собой уже не «часть народа», а административную силу, одну из наиболее адекватных сталинизму.

Было бы неверным, однако, абсолютизировать роль внешнего фактора, в данном случае давление со стороны сталинского режима на ход этого процесса. Анализ экономической, социокультурной ситуации в стране дает основание полагать, что «сталинские сапоги» пришлось впору тем, кто взял власть в Румынии в декабре 1947 г.

Исторически сложившаяся модель социально-экономического развития Румынии определяла ее социальную структуру: в 1948 г. в городах проживало 23,4% населения, доля рабочих в активном населении едва достигала 14%¹². В условиях преобладания простейших форм промышленного производства рабочий наряду с основным имел возможность заниматься сельскохозяйственным трудом, не порывая патриархальных связей с деревней. Ядро профессиональных, квалифицированных рабочих, будучи немногочисленным, растворялось в массе малограмотных вчерашних крестьян. В аграрном населении в конце 40-х годов большинство составляли бедняки — 56,3%, затем середняки — 36,6%.

Известно, что Румыния в этот период занимала одно из первых мест по числу неграмотных в Европе — 35%¹³. В довоенной и военной Румынии значительная часть интеллигенции специализировалась в области права, теологии, что было связано с соответствующей структурой высшей школы. В 1938 г. в стране были три университета и четыре технических вуза с четырьмя факультетами, готовившими инженеров по весьма ограниченному кругу специальностей. Большинство студентов посещали филологические и юридические факультеты; в технических вузах занимались 14,7%

общего их числа. Количество инженеров едва достигало 9 тыс.¹⁴ Внутренняя структура интеллигенции свидетельствовала о наличии рафинированного элитарного ядра творческих работников, занятых в сфере искусства, чистой науки (европейскую известность имели, например, научные школы математики, эндокринологии) и далеких от нужд большей части населения аграрно-патриархальной страны.

Традиции союза в совместных усилиях борьбы против фашистской диктатуры, укрепившегося между прогрессивно настроенным крылом интеллигенции и КПР, с установлением нового строя потеряли для коммунистов прежнее значение. Позиция по отношению к интеллигенции уже в 1947 г. определялась утверждением, что в ее среде «реакция сохранила глубокие корни»¹⁵. Начавшийся в конце 40-х годов процесс «демократизации» органов управления, целью которого было освобождение от «антикоммунистических, шовинистических» элементов, был сведен в целом к изоляции имевшихся специалистов высшей квалификации. Практика привлечения представителей из рабочего класса и крестьянства на руководящие должности влекла за собой серьезные проблемы. Уже в сентябре 1947 г. в информационном докладе компартии говорилось о частом применении методов администрирования¹⁶.

Сокращение использования имевшегося интеллектуального потенциала находилось в русле жесткого идеологического монизма во взглядах на дальнейшее развитие страны. В июле 1946 г. партия конкретизировала свою точку зрения на эти вопросы: «В руководстве нашей партии нет и не может быть разногласий... Сколько бы раз члены нашей партии ни допускали ошибок или отклонений от партийной линии, эти ошибки и отклонения подвергаются критике и самокритике, в результате чего члены партии, в том числе и те, кто эти ошибки допустил, осознают их, а политическое и идеологическое единство и единство действий нашей партии остается нерушимым»¹⁷. Наряду с устранением внешних оппонентов, этот тезис не был случайным и получал практическое применение, например в деле известного деятеля РКП Л. Патрашкану, выдвинувшего в 1946 г. отличные от линии партии тезисы «о союзе со всем крестьянством», «свободной торговле», переходе на «золотую валюту». Очевидно, что предложения, внесенные видным ученым-обществоведом, имели огромное практическое значение. Между тем все высказанные тезисы были признаны контрреволюционными, а сам Патрашкану расстрелян¹⁸.

В рамках борьбы за чистоту рядов в феврале 1948 г. была осуществлена чистка в партии. В июле 1950 г. ЦК РРП принял резолюцию по итогам новой проверки членов партии и приема в ее ряды, проведенной в ноябре 1948 — мае 1950 гг. В проверке приняли участие около 200 тыс. партактивистов. Из рядов партии были выведены 192 тыс. «враждебных эксплуататорских элементов», что составляло 20% ее членов. Из них почти половина не присутствовала лично на мероприятиях, связанных с проверкой, и была отчислена либо за «темное прошлое», либо по решению руководства. В результате проведенных мер изменился социальный состав РРП:

число рабочих выросло на 4%, в том числе в органах управления и партаппарате — с 53 до 64%. Доля рабочих среди лиц, занимающих государственные посты, поднялась с 24,2 до 40%¹⁹. Специальным решением был упорядочен процесс приема в РРП. По определенной разнарядке кандидатами в партию принимались 80% представителей рабочих и 20% выходцев из других социальных категорий. Кандидатский стаж для рабочих тяжелой промышленности определялся шестью месяцами. При этом требовались рекомендации от двух членов партии со стажем не менее трех лет. Кандидатский стаж для рабочих других отраслей возрастал до года, и для вступления требовалось уже три рекомендации. Еще более усложнялся путь в партию представителей других социальных категорий, испытательный срок для которых равнялся полутора годам, рекомендовать их должны были четыре члена партии со стажем не менее четырех лет²⁰.

Вокруг партии создавался так называемый партактив из беспартийных, но «приближенных» к ней. Активисты имели право участвовать в открытых партсобраниях с правом совещательного голоса. Они избирались местными парторганами при наличии рекомендаций от двух членов РРП²¹.

Характерно, что такое жесткое, избирательное отношение к будущим членам партии обнаружилось уже после обретения ею власти и уничтожения всяких возможностей политического плюрализма; упомянутая проверка вскрыла между тем многочисленные случаи формальной «приписки» граждан к компартии²². В новых условиях, когда единственно возможный путь к социальному благополучию и руководящим должностям лежал через РРП, экзамен на лояльность становился более сложным. С другой стороны, помимо искренней веры в дело партии, появился и другой мотив для вступления, основанный на соображениях личной выгоды, стремлении «быть причастным и посвященным» или просто «быть как все».

В 1950 г., после «очищения рядов», в составе партии находились 720 тыс. человек. Пленум ЦК РРП, состоявшийся в августе 1953 г., поставил задачу создать вокруг партийных органов еще более мощный партактив, доводя его численность до 80—100 тыс. человек из числа «наиболее передовых» рабочих. К середине 50-х годов эта задача была выполнена²³. К концу 1955 г. в результате очередной чистки численность партии сократилась до 595 398 членов, из них 11 тыс. коммунистов составляли аппарат парткомов областных, городских и районных организаций²⁴.

Борьба за единомыслие внутри и за пределами партии вылилась в политику классовой борьбы по отношению к интеллигенции. К насаждаемой ненависти к «человеку в шляпе» в начале 50-х годов добавилась заимствованная, видимо, из советского опыта шпиономания. В статье «Классовая борьба в Румынии на современном этапе», опубликованной в апреле 1950 г., Г. Георгиу-Деж призывал каждую партийную организацию, каждого члена партии «предвидеть, что может предпринять враг на данном участке рабо-

ты». «Не трудно представить себе, — писал он, — в каком направлении и в каком месте враг стал бы наносить удар. Он будет нащупывать главным образом уязвимые места нашей деятельности. Следовательно, наша задача состоит в том, чтобы выявлять эти уязвимые места и принимать соответствующие меры, чтобы своевременно разоблачать и обезвреживать врагов». Каждый член партии должен был «изучить приемы и действия классового врага и его агентов на современном этапе»²⁵.

Насаждаемое соглядатайство, одобренное лозунгами вроде: «Помни, что на тебя устремлены тысячи глаз!», — оказывало мощное психологическое давление на общество. Разрастающийся партийно-репрессивный аппарат подминал под себя всех неугодных от самостоятельно мыслящих профессоров до зажиточных крестьян. Особенно шумным стал процесс над «правоуклонистами» В. Лукой, А. Паукер, Т. Джорджеску. В июне 1952 г. редакционная статья «Скынтейи», обильно цитируя подходящие к случаю теоретические положения Сталина, выступила с разгромной критикой этих видных деятелей РРП. «Уклонистам» инкриминировались «оппортунистические» высказывания о затухании классовой борьбы в период перехода от капитализма к социализму, пагубном воздействии ускоренной индустриализации на развитие сельского хозяйства, необходимости поддержки сильных хозяйств на селе, значении хозрасчета в промышленном производстве, свободной торговле и снятии завышенных налогов с крестьянских хозяйств²⁶. Указанная статья и письмо ЦК РРП от 15 марта 1952 г. по этому вопросу широко обсуждались в партийных организациях и получили «единодушное одобрение». Опубликование этих двух партийных документов было оценено руководством РРП как «шаг вперед по пути большевизации»²⁷. Одним из основных уроков, который должны были извлечь румынские коммунисты из документов пленумов ЦК РРП от 29 февраля — 1 марта и 26—27 мая 1952 г., разоблачивших правый уклон, была, по мнению руководства партии, «необходимость повышения революционной бдительности». Расправа с «врагами народа», естественно, не повлекла за собой анализа высказанных ими предложений, реализация которых субъективно была невозможна, а объективно в существенной степени могла бы улучшить начавший пробуксовывать экономический механизм. «Идеологическая чистота» возобладала над здравым смыслом; набиравший размах административный маховик заставлял в большей мере заботиться о сохранении статус-кво, своего кресла, а не о будущем страны.

В связи с очередной волной «обострения классовой борьбы» ЦК РРП издал в марте 1952 г. специальную инструкцию к резолюции от июля 1950 г. «О приеме в партию». Документ предусматривал еще более дифференцированный и усложненный подход к приему в партию различных категорий населения. Например, интеллигенции и служащим, кооперированным и некооперированным ремесленникам необходимо было заручиться рекомендациями пяти коммунистов со стажем в партии не менее шести лет²⁸. Такой

подход, с одной стороны, противопоставлял один социальный слой другому и возбуждал нездоровое классовое чувство, а с другой — обнажал искусственно созданную иерархию общества, построенную на основе симпатий и антипатий правящей партии, делящей всех на людей первого и второго сорта.

Активизируя практику изоляции старых специалистов, РРП развернула сеть политического образования с целью подготовки руководителей партийных и государственных работников из своих рядов. Уже в 1947 г. такие кадры готовили Высшая школа РРП (шесть месяцев обучения), Центральная школа кадров (четыре месяца), Школа газетных работников (три месяца обучения), Центральная партшкола с преподаванием на венгерском языке, Центральная женская школа, Центральная молодежная школа, а также 21 уездная школа кадров²⁹. Пройдя такую поспешную подготовку, вчерашние рабочие и крестьяне отправлялись на ответственные государственные и партийные посты. Система политической подготовки постоянно совершенствовалась. В октябре 1948 г. была создана школа лекторов «А. А. Жданов», где проходили обучение будущие «кадры для идеологического фронта». Считая шестимесячный период недостаточным для такой подготовки, ЦК РРП принял решение о преобразовании этого учебного заведения в двухгодичную школу с двумя секциями: пропаганды и прессы. Слушатели набирались из числа выпускников уездных партшкол³⁰.

В сентябре 1953 г. новым решением ЦК РРП школа была преобразована в Высшую школу общественных наук «А. А. Жданов», куда принимались будущие партийные руководители высокого уровня для обучения по специальностям история ВКП(б), исторический и диалектический материализм, политэкономика³¹. Преподавание в Высшей школе строилось на произведениях основоположников марксизма-ленинизма в интерпретации «Краткого курса истории ВКП(б)», работ Сталина³². В июле 1950 г. постановлением ЦК РРП было проведено решение об усилении внимания к изучению трудов И. В. Сталина и «Краткого курса». Рекомендовалось создавать кружки по изучению биографии «вождя народов», истории ВКП(б), посещать которые в течение года должны были не менее 40 тыс. слушателей³³.

Ортодоксальное следование сталинской модели объяснялось рядом с внешними рядом внутренних причин. Во-первых, аграрно-патриархальная экономическая и социальная структура олицетворяла собой заказчика и потребителя предлагаемой компартией программы, основанной на уравниловке и «сильной руке»; во-вторых, низкий уровень культуры, резкий отрыв «старой» интеллигенции от большинства неграмотного и малограмотного населения, неразвитость рабочего класса делали невозможным консенсус всех политических сил и поступательное развитие парламентской формы демократии; в-третьих, заполнение в этих условиях политического вакуума коммунистической партией, опирающейся на не владеющее политической культурой полупролетарское большинство, удаление с политической арены интеллигенции, отсутствие внутри этой

партии способного к теоретическим разработкам руководящего ядра создавали все условия для восприятия готовых схем, существовавших в этот период в СССР.

Уже в первые годы правления румынская компартия осуществила политико-экономические преобразования, заложившие основу командно-административной системы. В материалах национальной партконференции в октябре 1945 г. в качестве приоритетного направления развития экономики была объявлена индустриализация страны. При этом аграрная модель развития, предусматривающая традиционное для Румынии производство сельхозпродукции и ее экспорт, рассматривалась как оппортунистическая, способствующая укреплению крупного землевладения и, следовательно, противоречащая идеологическим принципам. «Мы, марксисты, — отмечал Г. Георгиу-Деж, — всегда боролись с подобного рода реакционными „теоретиками“, стремившимися превратить нашу страну в придаток крупных промышленных стран...»³⁴. Аргументируя необходимость создания мощной тяжелой индустрии, руководство партии приводило доводы, из которых делалась очевидной неизбежность развития промышленности по замкнутому циклу. Говорилось, что успехи тяжелой промышленности дают возможность освоить природные богатства, чтобы надлежащим образом наладить другие индустриальные отрасли и создать новые, обеспечить работу транспорта в целях наращивания экономического роста промышленности и, наконец, обеспечить сельское хозяйство всем необходимым для его модернизации³⁵. За исключением последней, все цели были в той или иной степени достигнуты; выросшая за счет деревни румынская индустрия производила продукцию в значительной мере для обеспечения своих же собственных нужд. Однако это стало заметно не сразу, и на первых порах трудовой энтузиазм и жесткая практика администрирования принесли ожидаемое повышение уровня жизни.

Поворот от аграрной к аграрно-индустриальной модели требовал не только материальных ресурсов, квалифицированной рабочей силы, но и мощного, профессионального управленческого звена, способного научно обосновать и направить процесс индустриального развития, в то время как ядро высококвалифицированных специалистов было крайне немногочисленным, оптимальным лишь для обслуживания индустриальных мощностей в условиях аграрной модели хозяйствования. Осуществление этой задачи стоило огромных физических и материальных затрат и оставило разрушительный след на развитии сельского хозяйства — традиционной отрасли экономики, ставшей на долгие годы поставщиком рабочей силы, своей доли материальных средств для промышленности, источником продуктов питания для обеспечения страны и для продажи за границу для получения необходимой промышленности валюты.

До окончательного завоевания власти в программу КПР не входила полная ликвидация частного сектора в промышленности. Партконференция 1945 г. предполагала «взаимодополнение» государственного и частного секторов в целях образования «единого органического целого»³⁶. Но в октябре 1947 г. была проведена

перепись в целях определения промышленных объектов, подлежащих национализации; в июне 1948 г. был принят закон о национализации. Весь процесс огосударствления занял менее двух лет. Одновременно шло «изгнание» иностранного капитала из страны. В марте 1953 г. вышло решение совмина и ЦК РРП, регламентирующее деятельность ремесленников и ремесленных кооперативов: определялись разрешаемые к производству виды продукции, ужесточались рамки для приобретения сырья, использования рабочей силы (не более пяти рабочих в кооперативе)³⁷.

Те же процессы административной социализации общества коснулись деревни. В середине 1949 г. РРП приступила к ее кооперированию. Преобразование деревни сводилось к формированию трех форм сельскохозяйственного производства: государственные сельские хозяйства, государственные машинно-тракторные станции и кооперативы³⁸.

Позиция по отношению к крестьянству, сформулированная как «сближение с бедняком, тесный союз с середняком и непрерывная борьба против кулачества»³⁹, входила в противоречие с основными стратегическими задачами преобразования деревни, связанными, согласно концепции РРП, с переходом к интенсивному, машинному земледелию и крупному сельскохозяйственному производству⁴⁰. Объявив «неактуальным» переход земли в общественную собственность⁴¹, РРП в то же время неотступно следовала советскому опыту, активно популяризируя его: запрещалась продажа земли, ее купля и аренда⁴². Репрессивная политика по отношению к зажиточным крестьянам выражалась не только в их экспроприации, но и в невозможности и в дальнейшем влиться в «новую колхозную жизнь»: в соответствии с Уставом коллективных хозяйств в них не могли быть приняты «кулаки»⁴³. Как и в случае советской коллективизации, в документах РРП отмечались «определенные перегибы», допущенные в 1950—1952 гг. Однако кооперирование деревни было доведено до конца и завершилось в 1962 г., когда вся отрасль в целом, истощенная поборами и отпущенными по «остаточному принципу» капиталовложениями, форсированной урбанизацией, уже стояла на пороге глубочайшего кризиса.

Не оправдали ожидания и другие грандиозные планы РРП. Составленные без учета реальных социально-экономических факторов, объективных и субъективных возможностей, при отсутствии элементов какого бы то ни было научного прогнозирования не был выполнен, как предполагалось в четыре года, первый пятилетний план и план электрификации. Курс на первоочередное финансирование и поощрение тяжелой промышленности усилил дисбаланс между ней и другими отраслями, призванными обеспечивать подъем жизненного уровня. Кризис, который охватил все сферы общественной жизни, экономику и политику Румынии во второй половине 70—начале 80-х годов, был, таким образом, запрограммирован в первые годы правления РРП. При этом успехи в осуществлении программы РРП по экономическому подъему страны, основанные на энтузиазме народа, с одной стороны, и системе

подавления — с другой, действительно свидетельствовали о значительном рывке: были созданы 100 промышленных предприятий и почти 200 реконструированы и расширены, возведены около 20 электростанций, построены стадионы, театры, клубы. Самоотверженный труд людей становился заложником неоправданных, командно-административных амбиций руководства.

Вплоть до середины 50-х годов никаких изменений в политическую и экономическую стратегию РРП не вносила.

Доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС, разоблачивший многие стороны культа личности Сталина, застал руководство РРП врасплох. Несмотря на уход из жизни «вождя и учителя» в 1953 г., в последующие три года в Румынии не появилось каких бы то ни было ростков демократизации: «сталинские сапоги» были хорошо пригнаны и в отсутствии самого хозяина не только не беспокоили, но и согревали. Выступивший на расширенном пленуме ЦК РРП (март 1956 г.) по итогам XX съезда КПСС руководитель РРП, передав основные положения доклада Хрущева, вынужден был признать влияние культа личности и на Румынию. Предприятиям, учреждениям, районам, улицам присваивались имена руководителей партии и государства, прославлению Сталина посвящались литературные произведения и музыкальные сочинения, имела место практика возвеличивания руководителей румынской компартии.

Г. Георгиу-Деж отметил ошибочность изучения марксизма-ленинизма по «Краткому курсу истории ВКП(б)», неправомочность действий отдельных органов и работников госбезопасности и т. д.⁴⁴ Таким образом, влияние культа личности сводилось им лишь к внешним проявлениям; был начат процесс преодоления именно культа Сталина, а не глубинных явлений, породивших этот феномен.

Процесс «отказа от догматических методов управления» и переход к поиску национальной альтернативы шел медленно и свелся к косметической чистке: изменялись названия улиц, учебных заведений с русских, часто даже не связанных с именем Сталина и его сподвижников, на национальные. Менялись репертуары театров в пользу румынской и зарубежной драматургии. Таким образом, было положено начало отторжению тех или иных проявлений влияния СССР на политическое развитие Румынии. В то же время внутренние факторы, способствовавшие становлению командно-административной системы и перерастанию ее в тоталитарное государство — централизованное управление всей общественной жизнью, сохранение прежних приоритетов экономического развития, подавление всякого инакомыслия и прочее, — оставались незывлемыми.

К концу 1959 г. РРП насчитывала 807 140 членов и кандидатов, что на 200 тыс. превышало ее численность на II съезде (1955 г.). Рабочие составляли 51%, крестьяне — 21, интеллигенция — 24%⁴⁵. На 1 июня 1960 г. партийные ряды выросли до 834 600 членов и кандидатов, что уже на 40% превышало численный состав 1955 г. Вырос и партактив, составив 150 тыс. человек⁴⁶. Апрельский (1962 г.) пленум ЦК РРП определил задачи, связанные с приемом

в партию, сочтя целесообразным увеличить прием крестьянства с таким расчетом, чтобы оно вместе с рабочим классом составляло не менее 75% всех коммунистов⁴⁷.

Вывод советских войск из Румынии в 1959 г. в значительной степени ознаменовал начало нового этапа в развитии страны, связанного с оформлением новой политической доктрины румынской компартии, получившей в западной историографии название «национального коммунизма», а если быть более точным — национально-тоталитарного государства. Именно в эти годы под руководством Г. Георгиу-Дежа компартия Румынии определила тенденции последующего тридцатилетнего периода, получившие официально-программное оформление уже в «золотую эпоху» Чаушеску.

К концу 50-х годов в стране завершилась смена старой политической элиты новым поколением, не связанным с традициями революционного движения. Высокие темпы промышленного роста наряду с политическими «позовами» к независимости в коммунистическом блоке обнадеживали румынское руководство в его стремлении к экономической автаркии, к развитию «своими силами». Следует иметь в виду и расширявшиеся в этот период экономические контакты с Западом — все это усилило разлад Румынии с союзными странами. На выбор нового политического курса повлияли и внешнеполитические шаги, предпринятые Г. Георгиу-Дежем: несогласие с СССР в его конфликте с Китаем, оппозиция по вопросам интеграции в СЭВ. Кульминационным пунктом в официальном оформлении нового курса стала декларация о позиции РРП в вопросах коммунистического и рабочего движения, принятая ее ЦК в апреле 1964 г.

Гром грянул неожиданно. 22 апреля 1964 г. «Скынтейя» отвела большую часть своей площади материалам, связанным с 94-й годовщиной со дня рождения В. И. Ленина. Вопросы революционного движения, основные позиции марксизма-ленинизма толковались в традиционном духе. Но уже 26 апреля появилась Декларация, основными пунктами которой были: равные, без приоритета СССР, отношения со всеми социалистическими странами; роспуск всех военных блоков и создание безъядерных зон; равноправное положение всех государств в СЭВ; строгое соблюдение основных принципов отношений между социалистическими странами на основе суверенитета, независимости, невмешательства во внутренние дела. Декларация РРП отклоняла принципы экономической интеграции и координации народнохозяйственных планов во избежание всякой зависимости — политической и экономической — от других стран. Судьба Декларации стала, пожалуй, первым наглядным примером того, как увядают, не развившись, любые ростки нового политического мышления, брошенные на почву административно-партийной системы сталинского образца. Политика особого внешнеполитического курса стала на деле не более чем выражением национального эгоизма как средства поддержания устоев прежних государственно-партийных институтов. Новый курс теснейшим образом смыкался

с концепцией национального государства. Понятие «суверенитет» (политический, экономический, культурный) становилось все в большей степени основой политической и идеологической программы партии и имело значение только с точки зрения «национального государства».

Приход в 1965 г. к власти нового, молодого лидера Николае Чаушеску был обусловлен необходимостью преемственности и активизации уже заявленного курса. За спиной нового партийного руководителя были эпизоды революционной молодости и отсутствовали просчеты, связанные с периодом ортодоксального сталинизма 1944—1956 гг., не было в этой связи и каких-то личных или впитанных самой системой моральных и политических обязательств перед руководством СССР, чем грешил его предшественник. Первые годы нахождения Чаушеску у власти (1965—1969) он приумножил и развил политическое наследство Г. Георгиу-Дежа настолько, что на Западе заговорили о «румынской оттепели».

На IX съезде партии, переименованной в РКП (1965 г.), Чаушеску заявил о необходимости «принципиального, свободного обсуждения проблем творчества, теории и истории искусства», что после длительного периода травли неортодоксальных деятелей культуры было воспринято как коренной поворот в политике по отношению к интеллигенции. Такой акт, последовательно развивавший основные положения Декларации, снискал большую поддержку и отклик на Западе, что послужило толчком для активизации различных форм сотрудничества Румынии со странами «просвещенной Европы» и Америки. Это не подтолкнуло, однако, руководителя РКП к идеологическим компромиссам.

В области внешней политики Румыния объявляла приверженность независимому курсу; с этого момента «особое мнение» румынской стороны фигурировало практически в каждом международном документе.

Данные, связанные с успехами промышленного производства, впечатляли не только делегатов съезда, но и зарубежных партнеров. Чаушеску отметил, что за годы «новой власти» в стране были возведены 502 новых объекта; среднегодовой темп роста промышленного производства составил 14,4%⁴⁸. Правда, при внушительных успехах индустриализации рост производства, например в пищевой отрасли по сравнению с показателями первых послевоенных пятилеток едва достиг 1,8 раза, не слишком высокими были показатели и по сельскому хозяйству, где производительность труда отставала от промышленности в несколько раз. Чаушеску подчеркнул последовательность усилий партии по преимущественному развитию промышленности, и в частности тяжелой, направлению в эти отрасли большей части природных ресурсов и капиталовложений; на сельское хозяйство приходилось всего 15% средств. Самим же крестьянам предлагались «выгодные условия для проведения политики материальной заинтересованности» в виде «реализации товарной продукции по твердым коммерческим ценам»⁴⁹. На практике это вылилось в запрет продавать на рынке остатки продукции

приусадебных участков по ценам, превышающим государственные. В условиях нарастающего упадка сельского хозяйства в целом город был лишен такого источника питания, как рынок, торговать на котором становилось невыгодно.

Успехи, связанные с созданием сильной промышленности, укрепление позиций РКП как внутри страны, так и (в связи с введением элементов демократизации) за ее пределами создавали возможность для успешной модернизации в экономической сфере, что означало бы поступиться определенными принципами. Но именно этого и не произошло.

Однако ожидание перемен привело в партию значительную часть населения. В 1965 г. в ней состояли 1 млн 450 тыс. членов и кандидатов. Каждый десятый совершеннолетний гражданин страны являлся коммунистом. Основу РКП составляли рабочие — 44%. Число крестьян в партии выросло до 500 тыс. человек и составило 34% против 22% в 1960 г. За период 1960—1965 гг. число членов партии среди интеллигенции возросло в два с лишним раза и составило 145 тыс. человек. В партии состояла почти треть специалистов в области науки, техники, образования, искусства и культуры⁵⁰. В качестве основного принципа организационного управления вводилось «коллективное руководство», оказавшееся фактом в условиях нарастающего хаоса в экономике и невозможности найти виновного или ответственного, с одной стороны, и в связи с крепнувшим культом Чаушеску — с другой.

Приняв в середине 60-х—начале 70-х годов курс на «всестороннее развитие», РКП выдвигала задачи пропорционального движения во всех отраслях экономики. К 1990 г. в соответствии с принятой программой предполагалось, что СРР достигнет самообеспечения в области энергетики⁵¹. Но нарастающая эксплуатация местных источников сырья, неудачные попытки нефтяного бурения в континентальном шельфе Черного моря поставили на повестку дня проблему истощения этих ресурсов. Румынские специалисты предрекали полное истощение запасов угля к 2010 г. В середине 80-х годов те же проблемы возникли и с источниками нефти.

Решение сложных задач материального производства — создание индустриальной структуры народного хозяйства, связанное с опережающим развитием производства средств производства, интенсивным накоплением, — в условиях продолжающегося использования экстенсивных факторов привело к понижению доли потребления в национальном доходе. Наметился разрыв в уровне фондовооруженности, технической оснащенности труда в промышленности и сельском хозяйстве. В 70-х годах производительность труда в промышленности в пять раз превышала эти показатели в аграрном секторе, только 20% работающих в сельском хозяйстве использовали механические орудия труда.

Отмечая достижения страны в повышении уровня жизни, следует сказать, что его поступательный рост наблюдался в 1950—1972 гг. и заметно упал в конце 70-х годов. По сравнению с серединой 70-х годов в 1983 г. уровень жизни снизился на 40%⁵².

румынской статистики, в 1970—1981 гг. цены на предметы потребления выросли на 12%⁵³. В июне 1982 г. цены на электроэнергию увеличились на 30%, на газ — в 1,5 раза⁵⁴. В 1981 г. были введены ограничительные нормы потребления основных продуктов питания, к середине 80-х годов они были еще более ужесточены. По данным западной печати, внешний долг Румынии колебался от 1,1 млрд долларов в 1971 г. до 10,1 млрд в 1981 г. и снизился до 9 млрд в 1983 г.⁵⁵ Однако вскоре за счет так называемого валютного риска задолженность снова начала расти, достигнув в середине 80-х годов почти 14 млрд долларов. Ставка Чаушеску на предоставляемые в 1965—1970 гг. займы не оправдала себя: экстенсивная экономика, как губка, впитывала валютные инъекции, латая одну дефицитную брешь и обнажая другие.

Определенное время концепция «национального государства» служила прикрытием и оправданием «временных трудностей». В эмоциональных, исполненных пафоса речах Чаушеску «среднему румыну» они объяснялись по-разному, в зависимости от обстановки. В 1965—1970 гг. говорилось, что великая Румыния освободилась наконец от диктата Советов и, как бы трудно ей не было своими силами, самостоятельно станет процветающей страной, независимой и суверенной. Запад дает займы, и следует обратить свои взоры туда, не поступившись, однако, принципами социализма, но своего, национального. Яркий внешнеполитический демарш Чаушеску: связанный с осуждением ввода союзных войск в ЧССР в 1968 г., еще более подчеркнул решимость Румынии осуществлять независимый, «особый» курс. Это событие вызвало живой и позитивный отклик как на Западе, так и внутри страны: в ряды партии вступили многие поверившие в возможность дальнейшей демократизации представители интеллигенции, рабочего класса. Конъюнктурный момент был использован Чаушеску довольно успешно: для решения тяжелых экономических проблем поднималась новая волна национального энтузиазма, сочувствие со стороны Запада давало политическую поддержку против СССР и гарантировало от возможности стать «второй Чехословакией». По мере нарастания экономических и социальных проблем особую заботу партийного лидера стала вызывать интеллигенция, начавшая было обретать свое место в общественной жизни. Тот же пример чехословацких событий указывал на необходимость активизации «воспитательной работы» среди интеллигенции. На пленуме, проходившем в ноябре 1971 г., было указано на недопустимость использования государственных средств «для распространения взглядов на жизнь, противоречащих нашим идеям», когда «во имя так называемой свободы» пропагандировались «нравы эксплуататорских классов, буржуазный образ жизни». Потворство распространению таких произведений искусства сравнивалось со снисходительным отношением к фашизму и его пропаганде. Политика в области культуры и по отношению к интеллигенции, в частности, характеризовалась как «самоупокоевание, притупление боевого революционного духа»⁵⁶. Свобода творчества, а вместе с ней и какие бы то ни было надежды на демократизацию общества были полностью уничтожены.

«Особый внешнеполитический курс» создавал инерцию взаимопонимания Чаушеску и масс еще почти десятилетие. К борьбе за независимость и суверенитет Румынии добавилась миротворческая миссия самого вождя на мировой арене: большое место в его речах занимала информация о новых инициативах Румынии в ООН, о стремлении страны выступать в роли третейского судьи в нормализации советско-американских отношений и т. д.

После 1985 г., когда страна вверглась в глубокий экономический кризис, граничащий с голодом, в речах вождя уже не говорилось о временных трудностях, они стали крайне оптимистичными в изображении победоносного и необратимого движения страны к всестороннему прогрессу, Чаушеску призывал к повышению «высокого революционного боевого духа», к «претворению в жизнь принципов социалистической этики и справедливости»⁵⁷. О какой-либо критике уже не могло быть и речи. На национальной партконференции 1987 г. руководитель РКП нашел уместным процитировать слова поэта Д. Кошбука: «Нет, тот, кто ропщет, нам не друг. Не надо нам его услуг. Для нас он раб, он подлый трус...». В то же время в практически закрытом от внешней информации обществе пропагандировался тезис о неуклонном углублении мирового экономического кризиса, нависшей над планетой ядерной угрозе, в противостоянии которой одну из главных ролей играет руководитель Румынии. В страдающем от лишений обществе эти сенсации не только не вызвали отклика, но и возбуждали молчаливый протест.

Разорванная ткань контакта и доверия народа латалась уродливым восхвалением и почитанием Чаушеску и его супруги как на официальных форумах, так и в пропагандистских шоу вроде фестиваля народного творчества «Песнь Румынии», ставшего на практике песнью правящей чете.

На протяжении последних двадцати пяти лет правления руководство РКП проводило в жизнь по сути дела те же стратегические идеи, которые были разработаны в конце 40-х—начале 50-х годов. Сохранив заложенную в этот период жесткую централизацию, рассчитанную на экстенсивное развитие всей системы экономики, Румыния с тех пор практически не меняла приоритетов, используя лишь новые «идеологические приправы». Невозможность решения целей и задач национального государства методами сталинской тоталитарной системы обнаружила себя особенно очевидно в начале 80-х годов.

По данным на 1987 г., в рядах РКП состояли более 3,7 млн человек, распределенных по 76 тыс. первичным парторганизациям. Теперь уже каждый четвертый взрослый гражданин страны состоял в рядах партии. Необыкновенно разросся партийный аппарат. Одних только парткомов разных уровней — от районных, муниципальных до уездных и Центрального комитета — насчитывалось около 8,5 тыс.⁵⁸

Создавались высшие партийно-государственные органы управления, контролировавшие все сферы общественной жизни, в том числе науку и культуру.

Все более и более замыкаясь в узком кругу наиболее преданных аппаратчиков, Чаушеску устранял любые ростки несогласия со своей политической линией. Лишь после революционных событий 1989 г. стало известно о целой сети политических тюрем, о практике ссылки неугодных на принудительные работы, в частности на строительство канала Дунай—Черное море. Большая часть таких операций осуществлялась негласно.

На XII съезде РКП (1979 г.) старейшина партии К. Пырвулеску открыто высказал свое несогласие и возмущение действия Чаушеску. По стране прокатилась волна политических репрессий. Разрозненное, глубоко законспирированное диссидентское движение являло собой цепочку локальных всплесков внутри страны и все более ограничивалось страницами западной прессы.

Важным источником правдивой информации для румын стали западные «радиоголоса». Выступления шахтеров в долине Жиу в 1978 г., волнения в Брашове в 1985 г. носили неорганизованный, спорадический характер и не стали определяющими в оппозиционной борьбе, оставив немногочисленных представителей оппозиционной интеллигенции в изоляции.

С нарастанием событий в Восточной Европе проявления инакомыслия в Румынии стали носить направленный характер. В марте 1989 г. появились три документа, с содержанием которых посредством западного вещания смогли познакомиться практически все румыны. Так называемое Письмо шести, адресованное лично Чаушеску, было подписано уже упомянутым К. Пырвулеску, генеральным секретарем компартии в довоенные годы; К. Бырлэдяну, бывшим заместителем премьер-министра, председателем госплана; К. Мэнеску, бывшим министром иностранных дел; С. Бруканом, бывшим главным редактором газеты «Скынтейя», представителем СРР в ООН и послом в США; Г. Рэчану, ветераном РКП, и его приемным сыном. В письме резко критиковались практика разорения сел, декрет, запрещающий вступать в контакты с иностранцами, преследования, аресты, деятельность службы безопасности, контроль за перепиской и прослушивание телефонных разговоров, осуществление форсированной ассимиляции национальных меньшинств, рост политической изоляции страны. Авторы призывали положить конец экспорту продовольствия, который «ставит под угрозу биологическое существование нации»⁵⁹.

17 марта 1989 г. французская «Либерасьон» опубликовала интервью с румынским поэтом Мирчей Динеску, ставшим впоследствии героем революции. Охарактеризовав положение интеллигенции как вынужденную профессиональную спячку, а социальное устройство в стране как казарменный сталинский социализм, Динеску заметил, что под влиянием этих обстоятельств в Румынии произошло пере рождение личности. Появилась «эргац-интеллигенция», покорно выносящая то, как «товарищи, новые представители просвещения, специалисты по всем вопросам, учат крестьян, как держать лопату, рабочих — как забивать гвозди, а писателей — как писать справа налево»⁶⁰.

26 августа 1989 г. «Таймс» опубликовала статью с изложением доклада профессора Д. Мазилу, содержащего решительную критику политики Чаушеску. Доклад предназначался для Сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1987 г., он был переправлен за границу лишь спустя два года. В нем описывались трагические эпизоды быта румынских семей, голод и отсутствие отопления, уносящие многие жизни.

В конце сентября 1989 г. в западной печати промелькнуло сообщение о неизвестной до тех пор румынской оппозиционной группе Фронт по спасению нации, которая выступила с призывом к делегатам предстоящего съезда РКП не голосовать за Чаушеску. По мнению авторов призыва, вся экономическая жизнь страны была поражена оппортунизмом и некомпетентностью, что проявилось в банкротстве экономической политики Чаушеску и его семьи.

Та или иная подготовка смещения Чаушеску отбечала чаяниям всей нации. Мощное, стихийно вспыхнувшее движение в Тимишоаре и Бухаресте в конце декабря 1989 г. свидетельствовало о потенциальной неудаче любой полумеры, в частности государственного переворота. В результате декабрьских событий была сметена вся государственная машина.

Несмотря на законодательное провозглашение Фронтом национального спасения политического плюрализма, судьба РКП сложилась достаточно драматически. Почти четырехмиллионная компартия Румынии, давно разделенная на патрициев и плебеев, осуществляла длительное время роль государственной администрации. Со сломом существовавших прежде структур она потеряла не только политическую силу, но и перспективу. В конце декабря 1989 г. инициативная группа членов РКП обратилась с предложением о созыве чрезвычайного съезда, целью которого явится самороспуск партии и передача государству ее имущества. Под жестким давлением общественного мнения ФНС принял декрет о признании партии вне закона, не дожидаясь ее самороспуска. Это решение, явно противоречащее закону о политических партиях, было неоднозначно воспринято как внутри самого Фронта, так и в обществе в целом. Между тем весь исторический путь РКП был оценен передовицей в «Ромыния либерэ» следующим образом: «РКП инкриминируются деятельность в 1921—1944 гг. как политической партии, управляемой и финансируемой из-за рубежа и действовавшей вопреки национальным интересам; приход к власти с помощью иностранных армий; внедрение идеологии, чуждой румынскому народу; уничтожение политических партий и арест их руководителей; насильственная коллективизация крестьянства; насильственная индустриализация страны с нерациональным использованием энергии и фондов; уничтожение церквей и других памятников культуры; аресты десятков тысяч невинных людей»⁶¹. Одновременно с конфискацией всей недвижимости и финансов РКП было принято решение о роспуске партийной Академии им. Шт. Георгиу и Академии социальных и политических наук, объединявших партийные научные центры.

События в современной Румынии показывают, что РКП в ее прежнем виде отмерла полностью и окончательно, а активное оппозиционное движение под лозунгом «Долой коммунизм!» делает все более нереальным полнокровную, опирающуюся на широкую общественность деятельность каких-либо обновленных и реформированных коммунистических политических образований в ближайшем будущем. Процесс слома старой государственной машины в стране завершен, создание новой сталкивается с серьезными проблемами, свидетельствующими о том, что политическая борьба еще далеко не окончена.

- 1 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. М., 1956. Т. 1. С. 11.
- 2 Там же, С. 12.
- 3 Там же. С. 107.
- 4 Там же. С. 27.
- 5 Там же. С. 94.
- 6 Там же. С. 99.
- 7 Там же. С. 104.
- 8 Там же. С. 101.
- 9 Там же. С. 104.
- 10 Там же. С. 105.
- 11 См.: Краткая история Румынии. М., 1987. С. 435.
- 12 Scînteia. 1983. 9.II.
- 13 Ibid. 1981. 30.I.
- 14 Anuarul statistica al RSR. Buc., 1980. P. 545.
- 15 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 102.
- 16 Там же. С. 107.
- 17 Там же. С. 84.
- 18 Rezoluții i hotărîrii ale CC al PMR. Buc., 1956. Vol. P. 14.
- 19 Ibid. P. 240.
- 20 Ibid. P. 248—249.
- 21 Ibid. P. 250.
- 22 Ibid. P. 240.
- 23 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 2. С. 321.
- 24 Там же. С. 380—381.
- 25 За прочный мир и народную демократию. 1950. 7.IV.
- 26 Scînteia. 1952. 3.V.
- 27 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 428.
- 28 Rezoluții și hotărîrii... Vol. 2. P. 173.
- 29 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 107.
- 30 Rezoluții i hotărîrii... Vol. 1. P. 124.
- 31 Ibid. Vol. 2. P. 532.
- 32 Ibid. P. 147.
- 33 Ibid. Vol. 1. P. 258—260.
- 34 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 56.
- 35 Там же. С. 57.
- 36 Там же. С. 54.
- 37 Rezoluții și hotărîrii... Vol. 2. P. 317—322.
- 38 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 174.
- 39 Rezoluții și hotărîrii... Vol. 2. P. 95.
- 40 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 191—192.
- 41 Rezoluții și hotărîrii... Vol. 1. P. 93.
- 42 Георгиу-Деж Г. Статьи и речи. Т. 1. С. 198.
- 43 Там же. С. 199.
- 44 Там же. Т. 2. С. 426—427, 430—432.
- 45 Георгиу-Деж Г. О работе XXI внеочередного съезда КПСС. М., 1960. С. 69.
- 46 Георгиу-Деж Г. Отчетный доклад III съезду РРП. М., 1960. С. 144, 148.

- ⁴⁷ Scînteia. 1962. 22.IV.
⁴⁸ IX съезд РКП. Бухарест, 1965. С. 112.
⁴⁹ Там же. С. 7—9, 11, 13.
⁵⁰ Там же. с. 70—80, 85.
⁵¹ Scînteia. 1982. 17.XII.
⁵² Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1983. 22.IV.
⁵³ Anuarul statistic al RSR. Buc., 1983. P. 243.
⁵⁴ România liberă. 1982. 30.VI.
⁵⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1983. 22.IV.
⁵⁶ Пленум ЦК РКП, 3—5 ноября 1971 г. Бухарест, 1971. С. 21, 23.
⁵⁷ Национальная конференция РКП, 14—16 декабря 1987 г. Бухарест, 1987. С. 45.
⁵⁸ Там же. С. 50—51.
⁵⁹ Сов. молодежь. 1989. 14 июня.
⁶⁰ Liberation. 1989. 17.III.
⁶¹ România liberă. 1990. 13.I.

Предисловие	3
<i>И. С. Достян, А. В. Карасев, И. В. Чуркина.</i> Национально-освободительная борьба балканских народов как проявление кризиса Османской империи в XIX в.	5
<i>В. И. Шеремет.</i> Революция 1848—1849 гг. и Османская империя (политика «умеренности и реформ» в Европейской Турции)	21
<i>Э. А. Джапаридзе, Н. В. Кабакова.</i> Революция 1848 г. в Дунайских княжествах и Французская республика	42
<i>И. В. Чуркина.</i> Михаил Федорович Раевский и его записки о национальном движении южных славян в 1848—1849 гг.	62
<i>Л. А. Кирилина.</i> Словенцы и крестьянская реформа 1848 г. в Австрийской империи.	82
<i>С. П. Цехмистренко.</i> Революционные и реформистские тенденции в национально-освободительном движении на острове Крит в 1875—1878 гг.	103
<i>В. П. Меньщиков.</i> Российская дипломатия и автономия Крита 1898 г.	120
<i>З. С. Ненашева, Е. В. Чиняева.</i> Проблема социального реформизма в чешской общественной мысли на рубеже веков	129
<i>С. А. Романенко.</i> «Новый курс»: реформа государства Габсбургов или шаг к «национальной революции южного славянства»?	145
<i>Т. В. Никитина, О. В. Соколовская.</i> Социально-политический кризис и «Великий бросок» Греции в 1909—1912 гг.	167
<i>В. Н. Виноградов, Т. А. Покивайлова.</i> Попоранизм, царанизм и пути развития Румынии	190
<i>Н. Ю. Калашикова.</i> Румынская коммунистическая партия в 1945—1990 гг.	210

CONTENTS

Preface	3
<i>Dostyan I. S., Karasev A. V., Churkina I. V.</i> The national-liberation movements of the Balkan nations as a sign of the Ottoman Empire's crisis in the nineteenth century	5
<i>Sheremet V. I.</i> The revolution of 1848—1849 and the Ottoman Empire. (The policy of moderation and reforms in the European Turkey)	21
<i>Japardze E. A., Kabakova N. V.</i> The revolution of 1848 in the Danubian principalities and the French republic	42
<i>Churkina I. V. M. F.</i> Raevsky and his notes about the national-liberation movement of the southern Slavs of 1848—1849	62
<i>Kirilina L. A.</i> The Slovenes and the peasant reform of 1848 in the Austrian Empire.	82
<i>Tsehmistrenko S. P.</i> The revolutionary and reformist tendencies of the national-liberation movement at the Crete island of 1875—1878	103
<i>Menshikov V. P.</i> The Russian diplomacy and the autonomy of the Crete of 1898	120
<i>Nenasheva Z. S., Chinyeva E. V.</i> The problem of social reformism in the Czech Public mind at the end of the XIX and at the beginning of the XX centuries	129
<i>Romanenko S. A.</i> «The new course»: a reform of Hapsburg Power or a step towards the «national revolution of the southern slaves?	145
<i>Nikitina T. V., Sokolovskaja O. V.</i> The socio-political crisis and the «Great advance» of Greece of 1909—1912	167
<i>Vinogradov V. N., Pokivajlova T. A.</i> Poporanism, tsaranism and the way of Romania towards progress	190
<i>Kalashnikova N. J.</i> The Romanian communist party in 1945—1990.	210

Научное издание

БАЛКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск 12

**РЕВОЛЮЦИИ И РЕФОРМЫ
НА БАЛКАНАХ**

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
Российской академии наук

Заведующая редакцией Л. С. Кручинина

Редактор А. В. Болдов

Художественный редактор В. Ю. Яковлев

Технический редактор И. Н. Жмуркина

Корректоры Р. С. Алимова, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 49843

Сдано в набор 18.10.93.

Подписано к печати 14.12.93.

Формат 60х90¹/₁₆. Гарнитура таймс.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,5.

Усл. кр. отт. 15. Уч. изд. л. 17,48.

Тираж 560 экз. Тип. зак. 3052

Российское академическое издательство «Наука»

117864 ГСП-7, Москва В-485

Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет изготовлен

в Компьютерном Издательском Центре «Наука»

Компьютерная верстка В. В. Некрасовой

199034, Санкт-Петербург,

В-34, 9-я линия, 12.

СПб. типография № 1 ВО «Наука»

199034, С.-Петербург,

В-34, 9-я линия, 12.

*На первой стороне переплета —
Революция 1848 г. в Валахии. Освобождение политзаключенных.*

*На четвертой стороне переплета —
Э. Венизелос и князь Карагеоргий.*

Революция или реформа, что лучше обеспечивает прогресс? Советская историография всегда отдавала предпочтение революционному пути. Путь реформ рассматривался в качестве паллиатива и не мог иметь всех преимуществ революционного, но только компенсировать их в какой-то мере на более низком уровне. Пришло время по-новому взглянуть на эту проблему.

ВЫПУСК 12

«Наука»

